

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина»

На правах рукописи

ВОЛКОВ Станислав Александрович

**СЛУЖЕБНАЯ КАРЬЕРА И ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ КНЯЗЯ С.И.
ШАХОВСКОГО В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ РУССКОГО
ОБЩЕСТВА И КУЛЬТУРЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.**

Научная специальность 5.6.1. Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
доцент
Ляпин Д.А.

Елец - 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.	20
1.1. Общественная жизнь и русская культура после Смутного времени	20
1.2. Тенденции вестернизации общества и обмирщение культуры	36
1.3. Политика государства в области культуры	53
ГЛАВА 2. СЛУЖЕБНАЯ КАРЬЕРА И БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О ЖИЗНИ КНЯЗЯ С.И. ШАХОВСКОГО	63
2.1. Происхождение рода и ранние годы жизни. Смутное время (до 1618 г.)	63
2.2. Служебная карьера и опалы 1619-1645 гг.	83
2.3. Последние годы жизни (1645-1654)	100
ГЛАВА 3. ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КНЯЗЯ С.И. ШАХОВСКОГО В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ЭПОХИ	112
3.1. Молитвенные произведения и стихотворные послания: вклад в развитие жанра	112
3.2. Сочинения о Смутном времени – новая светская публицистика	125
3.3. Богословские произведения – дань традиции	137
3.4. Историко-богословские споры С.И. Шаховского и И.А. Хворостинина как историко-культурный феномен времени.....	161
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	180
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	184

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В истории России первая половина XVII в. занимает совершенно особое место, поскольку именно в этот период времени во всех сферах жизни Российского государства происходят значимые изменения, хотя многие из них не были результатом добровольно поставленных реформистских задач, но следствием необходимости решить текущие проблемы в конкретном историческом контексте. Это полное противоречий время, в которое то почти окончательно распадается (1606-1610), то укрепляется Российское государство. В условиях негативного восприятия Запада, а особенно Польши, в широких кругах русского общества (при участии официальной идеологии первых Романовых), происходят противоположные процессы проникновения и распространения европейской культуры среди образованной части населения. Указанные процессы привели к формированию нового типа культуры, отделяющегося от прежнего догматизированного средневекового по своей сути мировоззрения, и признающего значимость личности.

Изучение и анализ произведений современников, свидетелей той трагической эпохи, остается весьма важным с учетом применения новых подходов к исследованиям. Литературное богатство авторов первой половины XVII в. представляет собой благодатный и обширный материал для изучения истории, в том числе, наследия русской общественной мысли для более четкого понимания ее значимости в дальнейшем. В произведениях «бунташного века» перед нами воочию предстают интеллектуалы своего времени, закладывающие основы нового творчества, в котором индивидуальное не сокрыто общественным, где автор стремится сохранить память о себе, обозначить личные взгляды, а главное – передать их грядущим поколениям, чтобы обеспечить для них право выбора.

Актуальность работы определяется необходимостью изучения важнейших общественных и культурных перемен в русском обществе на

переходном этапе, каким являлся XVII в., на примере изучения биографии и творчества отдельной личности. В настоящем исследовании рассмотрены служебная карьера и литературное творчество князя Семена Ивановича Шаховского (последняя треть XVI века — между июлем 1654 и августом 1655) — одного из первых отечественных стихотворцев, писателя, богослова, публициста, занимавшего при этом государственные военные и административные должности. География мест службы, трудности семейной жизни, смена политических курсов правящих групп, преследования от высших государственных и церковных чинов, и практически сразу, поручение от них же важных дипломатических задач производят большое впечатление касательно того, как складывается судьба человека в контексте судьбы Отечества.

Воевода и дипломат, С.И. Шаховской считался одним из самых образованных людей своего времени. Современники отмечали, что он был «...человеком правдивым, шествующим путем правды, немало разумеющим божественного Писания и приимшим по дару Божию много здравого учения»¹.

Достоинно внимания то, что, перемещаясь по долгу служения на большие расстояния, что занимало значительное время и силы, князь продолжал свое творчество и, вероятно, занимался им в течение всей жизни. Творчество С.И. Шаховского не требовалось для его карьеры, напротив, оно могло быть причиной его трудностей. Тем не менее он продолжал заниматься им на протяжении всей жизни, совмещая со служебными обязанностями, опалами и ссылками.

Отдельно стоит отметить, что С.И. Шаховской работал в самых разнообразных жанрах. В сборниках его рукописей мы встречаем тексты молитв, богословские и гимнографические сочинения, послания друзьям, государственным и церковным лидерам, а также исторические сочинения,

¹ Корсаков Д.А. Шаховской, князь Семен Иванович, по прозванию Харя // Русский биографический словарь. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1905. Т. 22. С. 586-589.

описывающие те события, к которым князь был причастен или был их свидетелем.

Итак, в настоящей работе впервые предпринята попытка восстановить биографию С.И. Шаховского и соотнести факты его жизни с богатым творческим наследием, параллельно провести систематизацию и анализ некоторых его произведений в культурно-историческом контексте для более целостного понимания периода первой половины XVII в. – важной эпохи развития Российского государства.

Объектом диссертации являются общественные и культурные процессы, происходящие в России в первой половине XVII в., которые нашли отражении в биографии и творчестве князя С.И. Шаховского.

Предмет исследования – жизнь и произведения князя С.И. Шаховского в контексте общественного и культурного развития Российского государства.

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала XVII в. (первые шаги в служебной карьере С.И. Шаховского) до 1655 г. – предположительная крайняя дата его кончины, когда его сыновья подали челобитную о разделе наследства.

Географические рамки исследования определены населенными пунктами, в которых князь С.И. Шаховской нес свою службу, имел владения, а также отбывал ссылки в период своего опального положения: Москва, Елец, Новгород, Крапивна, Тобольск, Енисейск, Терский город, Кола, Смоленск, Унжа, Ядрин, Вологда, Галич, Можайск, Елатьма, Великий Устюг, Сольвычегодск, Томск, Пронск. В целом география поездок князя охватывала почти всю территорию Российского государства.

Степень изученности темы.

Исследования непосредственно о личности и творчестве князя С.И. Шаховского начинаются с публикации его «Домашних записок» в 1830 г. М. Погодиным². Историк сделал пометку, что публикует записки с нового списка из библиотеки П.П. Бекешова.

² Шаховской С.И. Домашние записки // Московский вестник. 1830. № 5. С. 61-73.

Первоначально интерес к наследию писателя не был активным и сводился к признанию его литературного таланта, но без подробного анализа и научного комментария³. В 1845 г. А.Н. Поповым была опубликована переписка С.И. Шаховского с дьяком Третьяком Васильевым, как пример эпистолярного наследия допетровского времени⁴. Затем С.М. Соловьев в 9 томе русской истории (1859), отметил грамотность и образованность С.И. Шаховского, которые казались ему поразительными для человека допетровской Руси, однако его литературное творчество историк оценил довольно невысоко⁵. И тем не менее С.И. Шаховской в это время был известен как писатель и богослов. Митрополит Макарий в «Истории русской церкви» (1882) оставил похвальный отзыв о его богословских трудах, отметив глубину познаний и прекрасное знакомство с церковной литературой, считая его одним из самых авторитетных знатоков священного писания XVII века⁶.

Новый интерес к творчеству С.И. Шаховского был связан с публикацией С.Ф. Платоновым трех его исторических сочинений о Смутном времени (1888): «Летописной книги» («Повесть книги сея от прежних лет»), «Житие царевича Дмитрия», «Повесть о некоем мнисе» (названия были даны уже во второй половине XX в.). При издании двух последних сочинений ученый обратился к рукописи сочинений князя из собрания Троице-Сергиевой лавры. Он впервые сделал исторические произведения С.И. Шаховского доступными широкому читателю и посвятил небольшой раздел его биографии⁷.

³ Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России // М.: Унив. тип., 1845. Т. 2. С. 248 - 249.

⁴ Попов А.Н. Переписка дьяка Третьяка Васильева с исследованием о времени переписки, а равно и самом дьяке Васильеве и о лицах к кому писал // Временник императорского московского общества истории и древностей российских. М.: Университетская типография, 1851. Кн. 9. Отд. 3. С. 1 – 29.

⁵ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1963. Кн. 5 Т. 9-10. С. 466 – 470.

⁶ Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский. История русской церкви. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. Т. XI. С. 390, 392 - 394.

⁷ Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1888. С. 31, 182, 186-187, 190-191, 231 - 246.

Стоит сказать, что С.Ф. Платонов считал автором «Летописной книги» был М.И. Катырев-Ростовский. Хотя в своих комментариях он указал на существующие споры по этому вопросу и на авторство С.И. Шаховского, как одну из версий⁸. Однако ученый предпочел мнение В.О. Ключевского, высказавшего эту идею в книге о боярской думе в Древней Руси (1881). Надо сказать, что до этого, автором текста считался тобольский дворянин Сергей Кубасов. Под его именем оно было издано А.Н. Поповым еще в 1869 г. Литературные достоинства «Летописной книги» не вызывали сомнений. Она была популярной еще при жизни автора, о чем свидетельствует несколько ее копий, теперь, после второй своей публикации, любой рассказ о русской литературе «переломного» XVII в. и повестях Смутного времени не мог обойти стороной это произведение.

В сборнике, посвященном спорам о вере, начавшимся после того, как датский принц Вальдемар стал женихом русской царевны Ирины было напечатано послание С.И. Шаховского царю Михаилу Федоровичу и возникшее позже следственное дело с обвинениями в ереси (1892)⁹.

В 1905 г. на страницах «Русского биографического словаря» появилось первое описание жизни князя за авторством Д. Корсакова. Он высоко оценил деятельность и талант С.И. Шаховского как «писателя замечательного по обилию и разнообразию своих сочинений»¹⁰. Первую попытку составления истории жизни писателя стоит признать удачной, хотя многие факты биографии оставались еще неизвестными науке и тем более сложно было соотнести их с богатым творческим наследием С.И. Шаховского.

В 1917 г. в сборнике статей в честь М.К. Любавского, А.С. Орлов издал работу о «Летописной книге», также полагая ее автором М.И. Катырева-Ростовского. Ученый, между прочим, отмечал большие познания и начитанность автора, обратив внимание на влияние со стороны переведенных на Руси «Троянской истории» Гвидо де Колумно и «Иудейской войны»

⁸ Там же.

⁹ Голубцов А.П. Памятники прений о вере, возникших по делу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны // ЧОИДР. 1892. Кн. 2. Отд. 11. С. 158-165.

¹⁰ Корсаков Д.А. Указ. соч.

Иосифа Флавия¹¹. Интересно, что в этом же сборнике вышла статья С.Ф. Платонов под названием «Старые сомнения», где он усомнился в авторстве М.И. Катырева-Ростовского и осторожно вернулся к изначальной мысли о том, что создателем «Летописной книги» был Сергей Кубасов. Но это мнение не было поддержано в научном мире и вопрос об авторстве оставался открытым¹².

Таким образом, С.И. Шаховского ценили за эрудицию и плодотворность, но со временем его творчество было почти совсем забыто. В пособии А.С. Орлова о древнерусской литературе (1945) о нем ничего не сказано, хотя вопрос об авторе «Летописной книги» предлагается считать открытым¹³. В учебнике Н.К. Гудзия (1966, вышло восьмое издание), С.И. Шаховскому было уделено две строки. Однако отметим, что, разбирая повести о Смутном времени, автор отметил большие достоинства «Летописной книги», авторство которой тогда считалось спорным¹⁴.

Два стихотворных послания С.И. Шаховского были изданы в 1961 г. И.Ф. Голубевым в сборнике трудов отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ)¹⁵. Одно из них, не имевшее четкого адресата («Твое же, государь, писано словенски по краегранесии...») он интерпретировал как обращенное к Д.М. Пожарскому. Поэтические способности князя были отмечены А.М. Панченко, изучавшего вопрос об истоках русской поэзии¹⁶. Однако для научного сообщества этого времени С.И. Шаховской оставался одним из посредственных представителей культуры допетровской Руси. Интерес к его личности и творчеству угасал на протяжении всей первой половины XX в.

Резкий всплеск внимания к С.И. Шаховскому возник после того, как американский русист Эдвард Кинан предположил, что именно этот писатель

¹¹ Серова И.Ю. Повесть кн. Катырева Ростовского и Троянская история Гвидо де Колумна // Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского. Пг.: Типография Б.Д. Брукера, 1917. С. 107 - 114.

¹² Платонов С.Ф. Старые сомнения // Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского. Пг.: Типография Б.Д. Брукера, 1917. С. 172-180.

¹³ Орлов А.С. Древняя русская литература XI-XVII вв. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1945. 340 с.

¹⁴ Гудзий Н.К. К истории древней русской литературы. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1956. 512 с.

¹⁵ Голубев И.Ф. Два неизвестных стихотворных послания первой половины XVII в. // ТОДРЛ. М.-Л., 1961. Т. 17. С. 391-413.

¹⁶ Панченко А.М. Я эмигрировал в Древнюю Русь. СПб: Журнал «Звезда», 2005. 544 с.

настоящим автором первого послания Андрея Курбского Ивану Грозному, а сама переписка была мистификацией XVII века¹⁷. Эта идея стала объектом напряженной и долгой полемики и вызвала много дискуссий и критических отзывов¹⁸. Некоторые исследователи сомневались мог ли вообще С.И. Шаховской обладать литературным талантом, достаточным для написания подобных текстов.

В ответ на этот скептицизм Э. Кинан написал обстоятельную статью о С.И. Шаховском, где рассмотрел его сочинения в контексте православной культуры¹⁹. Эта статья – одно из самых обстоятельных исследований сути творческого подхода С.И. Шаховского, где он впервые предстает оригинальным и самобытным представителем двух культур: светской и религиозной. Его писательский талант, особенности стиля и обширные богословские познания Э. Кинан раскрыл на примере малоизвестного в научном мире «Послания к шаху Аббасу».

Дискуссия вокруг книги Э. Кинана способствовала всплеску интереса к творчеству С.И. Шаховского. В итоге стали появляться новые работы о творчестве писателя²⁰. Новые материалы к биографии князя были представлены в обстоятельной статье М.П. Лукичева²¹.

¹⁷ Keenan E.L. The Kurbskii Groznyi apocrypha. The seventeenth century genesis of the «Correspondence» attributed to prince A. M. Kurbskii and tzar Ivan IV. Cambridge: Harvard University Press, 1971. 253 p.

¹⁸ Ерусалимский К.Ю. Как сделана «История» А.М. Курбского: проблема хронологии текста // Герменевтика древнерусской литературы. 2004. Вып. 11. С. 591-618; Он же. Андрей Курбский как ренессансный историк // Время-история-память: историческое сознание в пространстве культуры. 2007. С. 181-226; Морозов Б.Н. Первое послание Курбского Ивану Грозному в сборнике конца XVI – начала XVII в. // Археографический ежегодник за 1986 г. М., 1987. С. 277-288; Солодкин Я.Г. Первое послание Ивана Грозного А.М. Курбскому в русской книжности и дипломатическом обиходе конца XVI - начала XVII вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 2 (12). С. 81-82; Он же. Сочинения А.М. Курбского в русской книжности первой половины XVII в. // Сборник научных трудов Сургутского государственного университета. 2000. Вып. 6. Ч. 2. С. 129-130; Филошкин А.И. Андрей Курбский. М.: Молодая гвардия, 2008. 299 с; Ostrowski D. Attributions to Andrei Kurbskii and Inferential (Bayesian) Probability // Canadian-American Slavic Studies. 2015. № 49. P. 193-210.

¹⁹ Keenan E.L. Semen Shakhovskoi and the Condition of Orthodoxy // Harvard Ukraine Studies. 1988. Vol. 12/13. P. 795-815; Martin R.E. Political Folkways and Praying for the Dead in Muscovy: Reconsidering Edward Keenan's «Slight» Against the Church // Canadian Slavonic Papers. 2006. Vol. XLVIII. No. 3-4. P. 283-302.

²⁰ Семенова Е.П. Об источниках «Повести преславной» С.И. Шаховского // ТОДРЛ. Л., 1986. Т. 39. С. 335-340; Семенова Е.П. Русская общественная мысль первой половины XVII в. (творчество С.И. Шаховского и И.А. Хворостинина): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1982. 19 с.

²¹ Лукичев М.П. Новые материалы к биографии С.И. Шаховского // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: сборник статей. М.: Наука, 1982. С. 99-107.

В 1975 г. на волне нового интереса к С.И. Шаховскому М.В. Кукушкина выступила с предположением о том, что именно он, а не М.И. Катырев-Ростовский, был автором «Летописной книги»²². Свои доказательства она строила на обнаруженном новом списке произведения, где текст завершается припиской: «Изложена бысть сия книжица летописная многогрешным в человецех Семеном Шаховским». За авторством С.И. Шаховского произведение было издано в 1987 г. в серии «Памятники литературы Древней Руси» под редакцией и с комментариями Е.И. Дергачевой-Скопп²³. В статье 1990 г. о «Летописной книге» И.Ю. Серова посчитала предположение об авторстве С.И. Шаховского вполне вероятным²⁴. Однако быть осторожным в атрибуции памятника призвал американский историк П. Бушкович (1992)²⁵.

В 1989 г. в серии «Сокровища древнерусской литературы» вышел сборник «Виршевая поэзия» тиражом в 100 000 экземпляров. Составители В.К. Былинин и А.А. Илюшин включили в него четыре произведения С.И. Шаховского²⁶. Среди прочего здесь было и послание к Д.М. Пожарскому²⁷. С этого времени у широкого читателя появилась возможность ближе познакомиться с поэтическим наследием одного из первых российских поэтов.

В 2004 г. Д.М. Буланин опубликовал статью о творчестве и жизни писателя в словаре книжников и книжности Древней Руси²⁸. Ученый дал обширный очерк биографии С.И. Шаховского, отдельно разобрал его творчество и дискуссии вокруг нескольких произведений. Д.М. Буланин

²² Кукушкина М.В. Семен Шаховской – автор повести о Смуте // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство археология. М.: Наука, 1975. С. 75-78.

²³ Шаховской С.И. Летописная книга / Подготовка текста и комментарии Е.П. Дергачевой-Скопп // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI-начала XVII веков. М.: Художественная литература, 1987. С. 358-427.

²⁴ Серова И.Ю. К вопросу о влиянии «Летописной книги» на Повести о Смуте С.И. Шаховского // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 338-340.

²⁵ 107. Bushkovitch P. Religion and Society in Russia: The Sixteenth and Seventeenth Centuries. New York; Oxford: Routledge, 1992. 288 p.

²⁶ Виршевая поэзия (первая половина XVII века) / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. В.К. Былинина, А.А. Илюшина. М.: Советская Россия, 1989. 480 с.

²⁷ Там же. С. 81-91. Комментарий на с. 406.

²⁸ Буланин Д.М. Шаховской Семен Иванович, по прозвищу Харя // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 4. СПб., 2004. С. 275-286.

усомнился в том, что авторство «Летописной книги» принадлежит именно С.И. Шаховскому и, более того, посчитал слишком поспешным считать Д.М. Пожарского адресатом знаменитого послания²⁹.

В настоящее время изучаются подробности жизни писателя, происходит открытие новых фактов его биографии. В частности, можно указать на серию статей Д.А. Ляпина, посвященные этой проблематике³⁰. Другой пример – две статьи А.В. Полетаева о сибирских знакомствах писателя³¹. Исследователь, между прочим, усомнился в истинности признания за князем положения опального страдальца. Современный филолог Е.Г. Малюта обратил внимание на несколько важных эпизодов творческой биографии С.И. Шаховского³². Он же стал автором диссертации о произведениях князя по гимнографии³³. Также период службы князя в Енисейске рассмотрен в диссертации А.А. Бродникова³⁴.

Другое направление связано с исследованиями богословских работ князя, к примеру в статье М.В. Шпаковского о посланиях С.И. Шаховского против аполлинарианства³⁵. Благодаря этим работам С.И. Шаховской стал известен науке еще и как богослов, несмотря на положение мирянина. В 2022 г. ученик Э. Кинана, американский русист Мартин Рассел издал статью

²⁹ Там же. С. 164, С. 277-280

³⁰ Ляпин Д.А. «Всяко земное житие пара есть и сон»: время и обстоятельства написания С.И. Шаховским послания князю Д.М. Пожарскому // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2018. № 2 (10). С. 77-90; Ляпин Д.А. Послание князя С.И. Шаховского к некому другу «зело полезно» и обстановка при московском Дворе в первые годы патриаршества Филарета (1619–1622) // NOVOGARDIA. 2019. № 2. С. 227-241; Ляпин Д.А. Непризнанный святой Прокопий Устьянский и новые сведения к творческой биографии С.И. Шаховского // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2022. Том 22. Вып. 4. С. 430-435; Ляпин Д.А. Животные пятого дня и три вопроса князя С. И. Шаховского к одному мудрецу // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2022. № 1 (17). С. 123-131; Ляпин Д.А. Четвертый брак: о семейной жизни князя С.И. Шаховского // История: факты и символы. 2022. № 4 (33). С. 20-24.

³¹ Полетаев А.В. Князь Семен Шаховской и его сибирские «знакомцы»: Федор Андреевич Шелешпанский // Проблемы истории России. Екатеринбург : Волот. Вып. 4: Евразийское пограничье. 2001. С. 158-174. Полетаев А.В. Князь Семен Шаховской и его сибирские «знакомцы»: Сергей Андреевич Котов // Проблемы истории России. Екатеринбург : Волот. Вып. 6: От Средневековья к Современности. 2005. С. 39-58.

³² Малюта Е.Г. Князь Семен Шаховской на Русском Севере (к изучению творческой биографии писателя) // Рябининские чтения – 2023. Материалы IX конференции по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2023. С. 43-45.

³³ Малюта Е.Г. Гимнография князя Симеона Шаховского: идейно-содержательная специфика и художественные особенности: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2024. 322 с.

³⁴ Бродников А.А. История формирования Енисейского уезда (1610 – 1630 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2025. 281 с.

³⁵ Шпаковский М.В. Послание князя Семена Шаховского против аполлинарианства // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2022. № 1 (17). С. 132-150.

о поэтических молениях писателя в контексте его творчества, политических и религиозных взглядов. Он еще раз обратил внимание на масштаб личности С.И. Шаховского, его литературные способности, незаурядность, эрудицию и образованность³⁶.

Цель исследования: изучение и описание биографии С.И. Шаховского в соотношении с его творческим наследием, путем систематизации и анализа отдельных произведений, в общем культурно-историческом контексте развития Российского государства в первой половине XVII в.

Задачи исследования:

1. Изучить основные тенденции развития русского общества и культуры после Смутного времени;
2. Показать основные направления политики государства в отношении культуры и общества в период правления Михаила Федоровича;
3. Максимально подробно представить на основе имеющихся данных служебную карьеру С.И. Шаховского;
4. Рассмотреть отношения С.И. Шаховского с властью, его опалы и ссылки;
5. Показать вовлеченность писателя в события, связанные с политической борьбой при дворе;
6. Выявить взаимосвязь творческого наследия С.И. Шаховского с фактами его служебной биографии и личной жизни;
7. Проанализировать особенности литературного наследия князя С.И. Шаховского в контексте исторического и культурного развития эпохи;
8. Выделить вклад в развитие жанра молитвенных произведений и стихотворных посланий;
9. Показать новаторство исторических произведений С.И. Шаховского;

³⁶ Martin R.E. «The Prayers of the Sinful Prince Semën Shakhovskoi». The Religious World of Russia's First Intelligent // Canadian-American Slavic Studies. 2022. No. 56. P. 498-522.

10. Рассмотреть богословские произведения князя как дань традиции.

Источниковая база представлена, прежде всего, рукописным сборником работ С.И. Шаховского³⁷. Этот сборник был составлен предположительно в 1652-53 гг., после возвращения князя из сибирской ссылки. Он был предан другу С.И. Шаховского Симону Азарьину, келарю Троице-Сергиевой Лавры. В 1654 г. он угодил в царскую опалу, лишился влияния и был отправлен в ссылку в Кирилло-Белозерский монастырь. В 1657 г. Симон вернулся в обитель и жил тут на покое до своей смерти в 1665 г. Перед смертью он завещал свою библиотеку Троице-Сергиевой Лавре³⁸. Вероятно, так рукопись С.И. Шаховского оказалась в собрании этого монастыря. На каком-то этапе с рукописи была сделана копия. В настоящее время обе книги хранятся в Российской государственной библиотеке (Ф. 173/І № 213 и № 214).

На титульном листе первой рукописи (предполагаем, что это оригинал или, во всяком случае, первичный список) протоиерей Александр Васильевич Горский, профессор, а впоследствии ректор Московской духовной академии, сделал надпись: «Сей сочинитель довольно просвещен и в духовных знаниях немало сведущ; особливо в его время, но излишне многоглаголив. Был в заточении за вину, что вступил в четвертый брак, который не сколько не худо извиняет». Оригинал представляет собой книгу размером в $\frac{1}{4}$ листа, написанную аккуратным полууставом коричневыми чернилами на 335 листах. Внизу по листам следует надпись: «лета 7173 (1665) дал в дом Живоначальныя Троицы, в Сергиев монастырь сию книгу «сборник» келарь старец Симон Азарьин во веки неотъемлемо никомуже». Копия занимает 445 листов, также написана аккуратным почерком полууставным письмом. Отличия между рукописями незначительные и связаны с пометками на полях. Судя по характеру письма, скорее всего, работали над каждой

³⁷ ОР РГБ. Ф. 173/І № 213, № 214 Сочинения князя Симеона Шаховского.

³⁸ Белоброва О.А., Клитина Е.Н. Симон (в миру Савва Леонтьев сын Азарьин по прозвищу Булат) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Вып. 3. Ч. 3. С. 380-382.

рукописью два писца. Оригинал имеет приписки библиотекаря Попова и протоиерея Горского. Художественное оформление обеих рукописей ограничивается инициалами и вставками киноварью – так текст одного произведения отделяется от другого. Пагинация на полях выполнена кириллическим письмом и относится, по-видимому, ко времени создания рукописей.

На страницах имеются поздние штампы библиотеки Московской духовной академии и отдела рукописей, а также наклейка на обложке: «Рукопись фундаментальной библиотеки № 213». Рукопись включает в свой состав послания, молитвы, исторические и религиозные сочинения, которые С.И. Шаховской составлял на протяжении всей жизни. Жанровая палитра представленных текстов очень разнообразна, кроме того, автор использует сразу несколько языковых стилей: книжный, канцелярский и эпистолярный. Это придает особую ценность творческому наследию князя, отличая его от современных ему авторов.

В предисловии к своей рукописи («Вспомяну же паки настоящее...») С.И. Шаховской называет себя «многогрешным в человецех», указывая, что недостоин княжеского титула, потому что княжеское достоинство должно всегда оставаться «высочайшим и прехвальным», а он чувствует себя убогим «за грубость дел своих». Затем автор упоминает свои ссылки и благодарит тех, кто поддержал его в трудную минуту, а он взамен мог отблагодарить их только в своих письмах. Можно предположить, что составление рукописного сборника собственных работ подводило итог жизненного пути С.И. Шаховского. Подробный содержательный анализ текста рукописи был представлен нами в отдельной статье³⁹.

Мы также использовали опубликованные произведения С.И. Шаховского, указанные в историографическом разделе выше.

³⁹ Волков С.А., Тропин Н.А. Рукопись князя С.И. Шаховского из собрания российской государственной библиотеки: содержательный анализ // История: Факты и символы. 2024. № 1 (38). С. 71-78.

Биографические сведения о жизни писателя сохранились в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). Прежде всего, мы использовали дело о его тяжбе с холопом касимовского царевича Араслана Алеевича Д. Корниловым. Данное дело находится в фонде «Приказные дела старых лет»⁴⁰. Оно было включено в описание древнейших документов из архивов московских приказов XVI – начала XVII века, составленное Н.П. Воскобойниковой⁴¹. Его объем занимает 21 лист. Хранение документа в архиве министерства иностранных дел (его печатями помечены листы дела) связано, по-видимому, с тем, что это ведомство унаследовало архив Посольского приказа, а именно он ведал делами Касимовского ханства. Другое используемое нами архивное дело возникло по причине спора С.И. Шаховского с воеводой Ж.В. Кондыревым. В 1638 г. писатель на службе в Сибири оставил свои книги и другое имущество на время. Однако попытки его вернуть оказались тщетными. С.И. Шаховской полагал, что его сундуки были пограблены Ж.В. Кондыревым⁴². В 1662 г. началось дело по поводу обвинений сына писателя Федора в незаконнорожденности⁴³. В ходе разбирательств были представлены новые сведения о личной жизни С.И. Шаховского.

Методологическая основа диссертации связана с применением традиционных гуманитарных методов. Прежде всего, использовался *биографический* метод. Биографический метод позволил провести описание, реконструкцию и анализ обстоятельств жизни князя С.И. Шаховского, понять результаты его деятельности, создать в конечном итоге исторического портрета его личности. При использовании этого метода мы опирались на принятые в науке приемы наблюдения и анализ документов, связанных с жизнью и творчеством князя, в том числе его «Домашних записок». В итоге биографический метод позволил понять особенности личности

⁴⁰ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 4. 21 л.

⁴¹ Воскобойникова Н.П. Описание древнейших документов архивов московских приказов XVI – начала XVII веков (РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет). М.: Памятники исторической мысли, 1999. Вып. 3. 327 с.

⁴² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 98. Л. 294-294 об.

⁴³ Там же. Ф. 210. Оп. 6 а. Д. 13. Л. 250-252 об.

С.И. Шаховского, раскрыть, как его поступки, мотивы и эмоции влияли на творческий процесс. Наконец, изучение биографии расширило понимание социального контекста событий жизни С.И. Шаховского.

Описательный метод дал возможность нам провести обзор общих исторических явлений, событий или процессов (Смутное время, борьба вокруг трона, Смоленская война) для выявления их влияния на судьбу С.И. Шаховского. Не менее важным было то, что этот метод способствовал пониманию того, как отразились глобальные события в творческом наследии писателя. Также данная методика позволила выделить события, в которых принимал участие С.И. Шаховской, с акцентировать внимание на военно-оборонительном строительстве 1630-х годов, переговоров о мире с Польшей 1634 г., исследование Сибири. В итоге нам удалось передать сложность и уникальность исторических фактов, в которых участвовал С.И. Шаховской, акцентируя внимание на их конкретных характеристиках и важных деталях.

Сравнительно-исторический метод имел особое значение в исследовании. Жизнь и творчество С.И. Шаховского приходится на время, когда страна стала на новый этап развития, еще были сильны старые средневековые традиции, но непрерывно развивались культурные и общественные тенденции, которых не было до Смуты. В творчестве писателя это нашло закономерное отражение. В итоге сравнительно-исторический метод позволил выявить общее и особенное в развитии Российского государства в XVI и XVII вв., помог определить направления развития новых явлений.

Кроме названных методик, применялись и другие, связанные с работой над текстами С.И. Шаховского. Формулярный анализ использовался для выделения структуры сохранившейся рукописи писателя и его конкретных произведений. Работа с текстом предполагала обращение к *методу объективности*, учитывающему влияние культурно-исторической среды своего времени. *Метод индукции* позволил нам от общих тенденций развития

России (глава 1), перейти к частным вопросам жизни и творчества С.И. Шаховского.

Научная новизна работы:

Впервые в науке представлена реконструкция биографии князя С.И. Шаховского, привлечены архивные документы о фактах его жизни;

Проведена работа по систематизации творческого наследия С.И. Шаховского в соотнесении с фактами его биографии, уточнены обстоятельства написания ряда его произведений;

Изучены особенности творческого метода С.И. Шаховского, особенности его писательского стиля.

Теоретическая и практическая значимость диссертационной работы. Теоретическая значимость связана с введением научный оборот последовательную биографию С.И. Шаховского и ряд его литературных произведений с комментарием в культурно-историческом контексте.

Практическая значимость определяется тем, что материалы диссертационного исследования могут использоваться при написании научных статей, монографий, учебно-методических пособий по истории России в XVII в., магистерских квалификационных работ, посвященных исследуемому периоду.

Положения, выносимые на защиту:

1. Биографические подробности жизни князя С.И. Шаховского свидетельствуют о том, что он был типичным представителем военно-служилой аристократии Российского государства;

2. Богатое творческое наследие князя С.И. Шаховского, вместе с его участием в политической, военной и религиозной жизни страны делает его уникальным представителем двух культур своего времени: светской и богословской;

3. С.И. Шаховской периодически участвовал в политической борьбе при дворе. Он оказался на стороне придворной «партии» Ф.И. Шереметева в конце 1630-х годов и был вынужден вступить в борьбу с «партией»

Б.И. Морозова. Именно за это он был в 1648 г. приговорен к сожжению на костре.

4. Большой вклад С.И. Шаховской внес в молитвенные произведения и стихотворные послания своего времени. Его можно считать одним из самых значительных авторов богословских творений XVII в.;

5. Три произведения С.И. Шаховского о Смутном времени могут рассматриваться в качестве новой светской публицистики. Они являются значимым наследием своего времени наряду с сочинениями И.А. Хворостинина, Авраамия Палицына и дьяка И. Тимофеева;

6. Специфичной особенностью литературного наследия писателя является субъективность, личностный большинства его характер произведений. События жизни заставляли его обращаться к тем или иным темам для богословских или публицистических произведений, но наиболее ярко это проявилось в молитвах, написанных им по тому или иному случаю жизни.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были представлены на 3 международных, 2 всероссийских и региональной конференции. По теме диссертационного исследования были опубликованы 3 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ⁴⁴, и 2 – в журналах, входящих в список РИНЦ⁴⁵.

Структура исследования строится на основании поставленных задач и состоит из введения, трех глав, заключения и списка источников и литературы. Во введении аккумулирована историография по теме, указаны основные источники, использовавшиеся в работе над диссертационным

⁴⁴ Волков С.А., Тропин Н.А. Рукопись князя С.И. Шаховского из собрания российской государственной библиотеки: содержательный анализ // История: Факты и символы. 2024. № 1 (38). С. 71-78; Волков С.А., Ляпин Д.А. Похвальное слово устюжским чудотворцам князя Семена Шаховского // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 3. С. 442-449.; Ляпин Д.А., Волков С.А. Вторая опала писателя и богослова князя С.И. Шаховского (1615) // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2024. № 4 (28). С. 123-131.

⁴⁵ Волков С.А. Послание С.И. Шаховского к патриарху филарету «зело умильно»: к вопросу взаимоотношения списков // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2025. Вып. № 2 (43). С. 30-37; Ляпин Д.А., Волков С.А. Факты биографии князя С.И. Шаховского в книге Симона Азарьина о новых чудесах преподобного Сергея Радонежского. // Tractus Aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств. 2025. № 12. С. 133-145

сочинением. В первой главе рассмотрены основные векторы развития отечественной культуры в первой половине XVII в., а также обобщены исторические и общественные предпосылки модернизации общества, начавшейся в этот период. Во второй главе приведены вехи жизненного пути и служебной карьеры главной персоналии темы исследования – князя Семена Ивановича Шаховского. В третьей главе обобщен исследовательский материал о творческом наследии С.И. Шаховского, представленный самыми различными жанрами, а также приведен анализ некоторых произведений. В заключении подводятся итоги исследования.

ГЛАВА 1. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.

1.1. Общественная жизнь и русская культура после Смутного времени

События гражданской войны 1604–1613 гг., и последовавших за этим войн России с Речью Посполитой и Швецией принято сегодня называть «Смутным временем»⁴⁶. Это понятие, точно определяющее смысл событий (развернувшиеся процессы поставили под угрозу само существование России и русской культуры как самостоятельного и независимого явления) появилось еще в XVII в., когда русское общество обратилось к осмыслению случившейся катастрофы⁴⁷. Произошедшие тогда потрясения можно со всем основанием считать общероссийским и даже общенациональным кризисом, охватившим все слои населения и полностью изменившим дальнейшие пути развития русской культуры.

Смутное время являлось одним из самых неоднозначных, поворотных моментов русской истории, по этой причине, этот период хронологически определяется различно. Его истоки традиционно относят к 1598 г., когда пресеклась правящая московская династия потомков Ивана Калиты. Но с другой стороны эти границы отодвигают до 1604 г., когда началось вторжение Лжедмитрия I, т.е. вспыхнула открытая гражданская война, затянувшаяся до 1613 г., в котором был выбран на престол первый царь из династии Романовых – Михаил Федорович. Затем еще 5 лет, до 1618 г.

⁴⁶ Кобрин В.Б. Смутное время – утраченные возможности // История Отечества: люди, идеи, решения: очерки истории России IX – начала XX в. М.: Политиздат, 1991. С. 163–185; Крамми Р.О. «Конституционная реформа» в Смутное время // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Самара: Самарский университет, 2001. С. 240–258; Антонов Д.И. Смута в культуре Средневековой Руси. Эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века. М.: РГГУ, 2009. 448 с.; Лисейцев Д.В. Дискуссионные вопросы в истории Смуты начала XVII в. // Гуманитарный вестник. 2016. Вып. 9. С. 1–17; История России в 20 т. / Ин-т российской истории РАН. Отв. ред. Д.В. Лисейцев. М.: Наука, 2024. Т. 5. 770 с.;

⁴⁷ Антонов Д.И. Указ соч.; Антонов Д.И. Цари и самозванцы: борьба идей в России Смутного времени. М.: Издательство РГГУ, 2019. 312 с.; Шалак М.Е. Русская Смута и общественная мысль XVII века: суждения, оценки, концепции: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 24 с.

продолжалась борьба России с внешними и внутренними врагами⁴⁸. Обозначение данного исторического времени словом «смутное» указывает на ту неопределенность будущего, которая складывалась по причине ряда социально-политических потрясений и перемен в обществе в это время. Гражданская война 1604-1613 гг. сильнее всего повлияла на дальнейшее развитие российской государственности. Продолжительные военные действия происходили на фоне отсутствия стабильной политики правящих элит, переходов из одного политического лагеря в другой.

Кризис был очевиден уже к началу XVII в. – он стал следствием затянувшейся Ливонской войны, а также введенной ранее царем Иваном Грозным Опричнины. Помимо этого, накопившиеся в XVI в. и еще сильнее разросшиеся к началу XVII в. противоречия внутри боярских группировок привели к ситуации, когда в отсутствии законного наследника естественная смена политической власти оказалась невозможна. Смерть царя Федора Ивановича в 1598 г. послужила катализатором трагических событий, так как законный государь не оставил прямого наследника престола. В нашу задачу не входит изложение событий Смуты: гражданской войны и последующих войн с Речью Посполитой и Швецией. Этот период российской истории достаточно хорошо описан в современной российской историографии⁴⁹.

После 1618 г., когда было подписано Деулинское перемирие с Польшей, политическая обстановка в России постепенно стабилизировалась, однако изменения, произошедшие за это время, были уже необратимы. Неудивительно, что Смутное время стало переломным моментом не только для общественной жизни, но и для развития русской культуры⁵⁰. Оно определило вектор дальнейшего существования страны, связанный с т.н. «вестернизацией» и привело в конечном итоге к сложному выбору развития государства, перед которым страна оказалась в конце XVII в.

⁴⁸ Лисейцев Д.В. Временные границы Смуты // Российская история. 2012. № 5. С. 43-54.

⁴⁹ Селин А.А. Смутное время в историографии последних лет // Смутное время в России: конфликт и диалог культур. Материалы научной конференции. СПб.: Исторический факультет СПбГУ, 2012. С. 255-262.

⁵⁰ Лихачев Д.С. Подступы к решительным переменам в строении русской литературы // Библиотека литературы Древней Руси. Под. ред. Д.С. Лихачева. СПб.: Наука, 2006. Т. 14. С. 5-23.

Первая половина столетия стала эпохой, когда новые тенденции еще только набирали свое развитие, а культурные коммуникации России и Запада еще не обрели отчетливые черты. Элита этого времени уже испытала безусловное влияние западной культуры Нового времени, оставаясь при этом частью традиционного патриархального русского мира, держащегося за старину и обычаи предков. Чтобы лучше понять человека этого времени принципиально важно остановиться на описании этого сложного и противоречивого периода, связанного с вестернизацией и обмирщением основных культурных составляющих русского общества – духовной и общественной сфер жизни.

К настоящему времени историческая наука накопила достаточно сведений о происходящих в этот период переменах в жизни страны. Смутное время стало для России периодом становления нового типа государственности, формирования общественно-политических институтов и культурных норм, которые во многом складывались под влиянием католического и протестантского Запада, но при этом имели свою национальную специфику. Именно в эти бурные годы, на фоне глубочайшего кризиса и угрозы полного распада, были заложены основы для будущей имперской мощи, а сама идея самодержавной власти, хоть и пережившая тяжелейшее испытание, получила новое осмысление и укрепилась в сознании народа.

Длительный период гражданской войны стимулировал развитие гражданского самосознания населения, его политической активности⁵¹. Нестабильность и слабость власти подталкивали народное сознание к восприятию государственных дел как общих, «земских» и даже после завершения Смуты народ, «мир» сохранил тенденцию понимания своего права участвовать в политической жизни государства⁵². Такая тенденция

⁵¹ Щапов А.П. Великорусские области в Смутное время (1606-1613) // Отечественные записки. 1861. № 10. С. 579-616.

⁵² Покровский Н.Н. Сибирские материалы XVII–XVIII вв. по «Слову и делу государеву» как источник по истории общественного сознания // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 24-61; Лукин П.В. Народные представления о государственной власти в

стала итогом событий Смуты, когда многие представители русского народа поняли ответственность за дальнейшую судьбу Российского государства. Одну из ключевых ролей в формировании гражданской активности населения сыграл тот факт, что на троне теперь находился не просто законный монарх, но *избранный* государь. Решающую роль в избрании сыграла политическая воля народных избирателей, а не наследственная традиция передачи власти. Произошедшее утверждение на царском троне нового государя, ставшее возможным при изъявлении избирательной политической воли народа, лишь позже было объявлено источником власти царя как помазанника Божьего⁵³.

Следует отметить, что политическая активность русского общества, пробудившаяся после изнурительных испытаний Смутного времени, стала закономерным явлением эпохи. К середине XVII в. прочно утвердилась практика, когда люди начали высказывать свое мнение о текущих государственных событиях и явлениях. Люди, не стесняясь обсуждали происходящее во Дворце. Но, конечно, особое внимание уделялось проблемам как политического, так и социального характера. Это проявлялось в разнообразных формах: от коллективных челобитных и обращений к царю и Боярской думе до более неформальных дискуссий в купеческой среде и среди служилых людей. Зарождалась и первая публицистика, авторы которой, пусть и с осторожностью, затрагивали острые вопросы управления, налогообложения и положения различных сословий. Общество, пережившее кризис государственности, начало осознавать свою роль и возможность влиять на ход истории, используя для этого традиционные, но уже более активно задействованные каналы. Трудно представить такую ситуацию до

России XVII века. М.: Наука, 2000. 296 с.; Беляев И.Д. Земский строй на Руси. СПб., 2004. 365 с.; Cherniavsky M. Tsar and People: Studies in Russian Myths. New York. 1969. 258 p.; Cherniavsky M. The Old Believers and the New Religion. The Structure of Russian History: Interpretive Essays. New York: Random House, 1970. 436 p.; 1. Crummey R.O. «Constitutional» Reform during the Time of Troubles // Reform in Russia and USSR. Chicago: University of Illinois Press, 1989. P. 28-44.

⁵³ Новые акты Смутного времени. Акты подмосковных ополчений и Земского собора. 1611-1613 гг. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1911. 228 с.

Смутного времени. Как известно А.М. Курбский и Иван Грозный общались по разные стороны государственной границы.

Это новое общественное сознание, подпитываемое опытом преодоления масштабной Смуты, способствовало формированию более активной гражданской позиции. Люди перестали быть лишь пассивными наблюдателями, а начали ощущать себя частью государственного организма, чье мнение имеет значение. Даже в рамках существующих социальных иерархий, где прямое участие в управлении было ограничено, находились пути для выражения недовольства или предложения решений. Челобитные становились не просто формальным обращением, а инструментом давления, отражающим реальные нужды и чаяния различных групп населения. В высших кругах, где экономические интересы были тесно связаны с государственной политикой, обсуждения приобретали характер негласных советов, где вырабатывались коллективные позиции.

Публицистика же, несмотря на свою зачаточность, открывала новые горизонты для осмысления общественных проблем и носила в этом отношении прогрессивный характер. Авторы, рискуя быть обвиненными в крамоле или ереси, пытались анализировать причины бедствий, предлагать пути их преодоления и даже критиковать отдельные аспекты государственной политики. Эти тексты, распространявшиеся в узких кругах, служили своего рода интеллектуальным катализатором, стимулируя дальнейшие размышления и дискуссии. Таким образом, первая половина XVII в. ознаменовалась не только восстановлением государственности, но и зарождением более зрелого и активного гражданского общества, готового участвовать в формировании будущего страны.

Русский народ стал более свободно обсуждать действия и личную жизнь царя и его семью, пересказывались слухи и сплетни о делах при царском дворе и даже высказывались личные замечания в адрес государя и

по поводу его действий⁵⁴. Ничего подобного не могло быть в XVI в. Ярким примером новых общественных веяний служит мятеж 2-3 июня 1648 г., в ходе которого участники событий не только высказывали юному царю Алексею свои претензии, но и даже осмеливались выдвигать некоторые требования. Результатом мятежа стали не только экономические перемены и смена состава правительства, но и созыв Земского Собора для обсуждения Соборного Уложения. Важно то, что в мятеже участвовали как представители низших, так и высших сословий русского общества⁵⁵.

Таким образом, современники событий Смуты неоднократно указывали на то обстоятельство, что общество не только имеет право на участие в политической жизни, но обязано это делать. Например, Авраамий Палицын прямо говорил, что основной причиной затяжной гражданской смуты являлось «всего мира безумное молчание», говоря современным языком – общественно-политическая инертность русского общества⁵⁶. Более радикально выражал свое мнение еще один современник событий – И.А. Хворостинин. В своей книге о Смутном времени он начинает рассуждение от ветхозаветного события грехопадения и высказывает мнение, что это не было связано с волей Бога, а стало результатом исключительно человеческого самомнения. И.А. Хворостинин утверждал, что человеческая привычка приписывать случающиеся в мире невзгоды и розни Промыслу Божьему есть буквальное непризнание собственных ошибок и просчетов. Исходя из этого, И.А. Хворостинин делал вывод, что события Смутного времени следует понимать и оценивать, исходя из реальных политических причин, ошибок власти и «безумном молчании» народа. Одной из главных причин Смуты он называл полную правовую инертность и политическое бездействие русского общества, а когда случилась беда, то «человек не

⁵⁴ Новомбергский Н.Я. Слово и дело государевы. М.: печ. А.И. Снегиревой. 1911. Т. 1. 593 с.; Лукин П.В. Указ. соч.; Бахрушин С.В. Политические толки в царствование Михаила Федоровича // Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма (научное наследие). 1987. С. 87-118.

⁵⁵ Ляпин Д.А. Царский меч: социально-политическая борьба в России в середине XVII века. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2023. С. 77 – 100.

⁵⁶ Сказание Авраамия Палицына. / Подгот. текста и коммент. О.А. Державиной и Е.В. Колосовой. Под ред. Л.В. Черепнина. М., Л.: Академия наук СССР, 1955. С. 5, 19 и др.

постыдится возложить собственную вину и на самого Бога!»⁵⁷. Еще один пример, это «Временник», создание текста которого приписывается дьяку Ивану Тимофееву, где Промысл Божий символически объясняет события периода Смуты, но одновременно с тем указывается, что причинами мирского характера необходимо считать отсутствие у народа четкой политической позиции, колебание и нерешительность русского общества, а также чрезмерно большое количество претендентов на русский трон⁵⁸.

Появление публицистики, посвященной событиям Смуты, само по себе является показателем глубоких общественных перемен. Активное чтение и переписывание сочинений И.А. Хворостинина, Авраамия Палицына, И. Тимофеева и других авторов того времени свидетельствует об их значительной востребованности и наличии заинтересованной аудитории. Формирование новых взглядов в народном сознании было вызвано не только политическими событиями, но и существенными духовно-религиозными мотивами.

Особая набожность русских людей во время событий Смуты вызывала сильные народные опасения религиозного характера. Итогом Смуты стало утвердившееся в народном сознании понятие «Святая Русь», а само Смутное время стало восприниматься как попытки «латинян», то есть католиков-еретиков, захватить и разрушить православное русское царство. Эти представления послужили основанием для уверенности, что «мир» обязан активно участвовать в делах государственного устройства, так как это есть способ спасения «Святой Руси» от инородцев и еретиков. Правящий монарх воспринимался одним из членов русской православной общины, в которую входят и его подданные⁵⁹. Таким образом, задача государя состояла прежде всего в сохранении исконной веры, в чем «мир» обязан был ему

⁵⁷ Хворостинин И.А. Словеса дней и царей, и святителей московских // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14. СПб., 2006. С. 610-667.

⁵⁸ Временник Ивана Тимофеева / Подгот. к печати, пер. и коммент. О.А. Державиной; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Изд. Академии наук СССР. М.-Л.: 1-я тип. Изд-ва Академии наук СССР, 1951. 524 с.

⁵⁹ Ляпин Д.А. Указ. соч. С. 9.

способствовать, в том числе через участие в государственных делах⁶⁰. Такая тенденция участия русского народа в общественно-политических делах государства получила активное развитие после событий Смуты и стала основанием для многих последующих исторических событий в России.

Еще одна тенденция, наметившаяся в Смутное время и укрепившаяся в дальнейшем, это серьезное влияние отдельных аристократических родов на московского государя и проводимую им политику. Русская аристократическая элита воспользовалась случившимся в начале XVII в. политическим кризисом и укрепила свои позиции во властных структурах. Так, могущественные боярские семьи могли активно участвовать в управлении страной, зачастую ставя личные интересы и интересы своих кланов выше государственных. Это привело к усилению боярского правления, когда реальная власть концентрировалась в руках узкого круга знати, а роль монарха оставалась зависимой от их поддержки и одобрения. Подобное положение дел, безусловно, имело долгосрочные последствия для дальнейшего развития российской государственности, формируя новые механизмы взаимодействия между властью и элитой, а также порождая новые вызовы для централизации и укрепления самодержавия.

Результатом этой политической борьбы стали идеи ограничения монархии, все чаще возникающие в среде московских аристократов⁶¹. Уже Василий Шуйский, взошедший на трон в 1606 году, давал обещания решать важные государственные вопросы при обязательном участии представителей Боярской думы⁶². После правления царя Василия главные представители сильных аристократических родов Ф.И. Шереметьев, Ф.Н. Романов, И.Н. Романов, Ф.И. Мстиславский, А.В. Голицын выступили в 1610 году с инициативой об избрании на русский трон сына польского короля Сигизмунда III Владислава, с условием ограничения его власти и передачи

⁶⁰ Cherniavsky M. Указ. соч. С. 112, 116; Gruber I. Who Counts as "People" (Narod)? A Reconsideration of vox populi in the First Russian Time of Troubles (Smutnoe vremia) // Canadian-American Slavic Studies. 2014. № 48. P. 168-178.

⁶¹ Crummey R.O. Указ. соч.; Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. / под ред. В.Л. Янина. М.: Мысль, 1988. Т.3. 414 с.

⁶² Козляков В.Н. Василий Шуйский. М.: Молодая гвардия, 2007. 301 с.

части властных полномочий высшей русской аристократии⁶³. Но их инициативы не получили развития, так как король Сигизмунд планировал полностью подчинить себе Москву и обрести неограниченную власть в Русском царстве. В это время над страной нависла серьезная угроза полной потери суверенитета.

В результате народное ополчение освободило Москву от польских интервентов и патриотические настроения способствовали избранию Земским собором 1613 г. на русский трон молодого Михаила Романова. Власть избранного монарха имела традиционный статус неограниченного самодержавия и официально за царем признавалось право на единоличное правление⁶⁴. Тем не менее, ключевые роли при царском троне отводились «сильным людям» – представителям влиятельных аристократических родов. «Михайло Федорович хотя и «самодержцем» писался, однако без боярского совету не мог делати ничего», – указывал современник событий Г.К. Котошихин⁶⁵.

Хотя следует отметить, что в историографии роль Михаила Федоровича в управлении не получила однозначной оценки. В.Н. Козляков, например, считает, что царь был вполне самостоятельным и держал в руках все нити управления страной, просто его роль не была так заметна⁶⁶. В рамках нашей работы вопрос о степени самостоятельности царя Михаила не имеет принципиального значения, отметим только что если сравнить его личность с личностью следующего из рода Романовых – Алексея Михайловича, то легко найти поразительные отличия. Оба монарха были прямыми противоположностями друг другу, активный энергичный Алексей,

⁶³ Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия (1604-1613). М.: Чарли, 1994. 799 с. Козляков В.Н. Указ. соч. С. 230.

⁶⁴ Маркевич А.И. Избрание на царство Михаила Федоровича Романова // Журнал Министерства Народного просвещения. 1891. Т. 9-10. С. 177-180.; Платонов С.Ф. Московское правительство при первых Романовых. СПб.: Сенат. тип., 1906. 56 с.; Ключевский В.О. Указ. соч. Т. 3. С. 50, 73; Беляев И.Д. Указ. соч. С. 89, 143; Васенко П.Г. Бояре Романовы и воцарение Михаила Федоровича. М.: Кучково поле, 2013. 301 с.; Дмитрина С.Г. Избрание Михаила Федоровича Романова на царство как историографическая проблема // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2016. Т. 16. № 2. С. 19-23.

⁶⁵ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. С. 9-146.

⁶⁶ Козляков В.Н. «Ближние люди» первых Романовых. М.: Молодая гвардия, 2022. С. 6-9.

о котором мы знаем достаточно много, и вялый, тихий царь Михаил. Наверное, именно в этом отличии и содержится главное. Может быть, первый их рода Романовых и управлял самостоятельно, но трудно понять, насколько и как он это делал.

Вопрос о самостоятельности Михаила остается открытым. Историки спорят, насколько он был марионеткой в руках бояр, насколько его решения были продиктованы обстоятельствами, а насколько – его собственной волей. Возможно, истина лежит где-то посередине. Возможно, его кажущаяся пассивность была лишь маской, скрывающей тонкий ум и политическую проницательность. Ведь для того, чтобы удержать власть в столь непростое время, требовалось не только сила, но и мудрость, умение лавировать между интересами различных группировок, находить компромиссы и избегать открытых конфликтов. И, возможно, именно в этом и заключалась его главная заслуга – в умении сохранить государство, не расколов его на части.

Однако, мы все-таки полагаем все это маловероятным. Скорее всего, после смерти в 1633 г. влиятельного патриарха Филарета – отца правящего монарха Михаила Федоровича Романова, основные рычаги власти остались у родовитых кланов Романовых, Шереметьевых, Черкасских и их ближайшего окружения. Эта аристократическая группа сосредоточила в своих руках важнейшие экономические ресурсы и имела значительные финансовые возможности, которые дополнялись не менее значительными привилегиями. По этой причине историческая наука давно рассматривала вопрос о самостоятельности решений царя Михаила. В историческом сообществе высказывались разные точки зрения на этот вопрос, и некоторые историки считали, что реальной единоличной власти у царя не было, а он сам играл роль марионеточной фигуры, в то время как подлинной властью являлась высшая русская аристократия, которая осуществляла реальное управление страной. Существуют и более осторожные оценки деятельности первого представителя царской династии Романовых, но и в них указывается, что

царь Михаил Федорович Романов не принимал личных волевых решений⁶⁷. Ряд исследователей указывают, что царь Михаил при всей своей личной политической слабости и доверию к советам ближайшего круга советников из представителей аристократической элиты, все же был самостоятельным государственным деятелем, так как все рычаги управления страной были сосредоточены в его руках⁶⁸.

В целом, необходимо отметить, что при учете закрытого характера высшей власти в допетровской Руси, давать однозначные оценки правлению Михаила Федоровича довольно затруднительно. Несомненно, он влиял на происходящие в стране события и имел возможность для принятия каких-то властных решений, но одновременно с тем надо заметить, что правление его не могло не сопровождаться активным участием представителей русских высших аристократических родов. Именно такое сочетание личного и совместного правления не позволяет оценивать деятельность царя Михаила как полновластное политическое самодержавие. Здесь следует учитывать, что восхождение Михаила на трон в 16-летнем возрасте случилось в специфической обстановке политического кризиса Смутного времени, когда идеи ограниченной власти государя получили особую популярность в среде русских аристократов⁶⁹. Сам по себе феномен совместного правления монарха и высшей знати можно обозначить как «аристократический» период в истории развития страны. Может быть отчасти и поэтому для этого времени характерны дискуссии и обсуждения на тему Смуты и развития страны в целом⁷⁰.

⁶⁷ Ключевский В.О. Указ. соч. Т. 3. С. 73; Пресняков А.Е. Российские самодержцы. М.: «Книга», 1990. 448 с; 110. Davies L.B. State Power and Community in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1635-1649. New York: Cambridge University Press, 2004. 318 p.; 111. Dunning C.L. A Short History of Russia's First Civil War: The Time of Troubles and the Founding of the Romanov Dynasty. Pennsylvania: University Park, 2004. 342 p.; 113. Kollmann N.Sh. Kinship and Politics: The Making of the Muscovite Political System, 1345-1547. Stanford: Stanford University Press, 1987. 324 p.

⁶⁸ Козляков В.Н. Михаил Федорович. М.: Молодая гвардия, 2004. 346 с.; Скрынников Р.Г. Михаил Федорович. М.: АСТ: Ермак, 2005. С. 220 – 241.

⁶⁹ Богун Т. В поисках нового царя и русский вариант кандидатуры королевича Владислава // Canadian-American Slavic Studies. 2014. № 48. С. 71-83.

⁷⁰ Андреев И.Л. «Век устроения» // Общественная мысль России в XVI-XVII вв.: в 2 т. / сост. И.Л. Андреев. М.: РОССПЭН, 2010. Т. 2: Московское царство. С. 5-18; Смирнов П.П. Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII в. М.: Общество истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1915. 70

Интересно то, что вышеописанные тенденции общественно-политического развития страны развивались и сосуществовали несмотря на их внутренне противоречивый характер. Народ, избравший «миром» монарха в ходе Земского собора 1613 г. желал видеть на троне сильного и самодержавного государя, но никак не группу представителей аристократических родов, которые серьезно дискредитировали себя в ходе событий Смуты. Тем не менее, такое противоречивое состояние высшей власти в период правления царя Михаила сохранялось за счет частого созыва Земских соборов, попыток осуществления гибкой внутренней политики, частого составления коллективных челобитных от имени различных социальных слоев общества⁷¹ и нарочитой демонстрации единоличной власти самодержавного государя – «царя, государя и великого князя московского и всея Руси».

Но назревший внутренний кризис 1645 г. и приход на трон нового государя Алексей Михайловича изменили ситуацию шаткого равновесия, а новый виток политической борьбы в Кремле за власть и влияние при государе вызвали народное возмущение. Начавшиеся бунты середины XVII в. столкнули между собой две тенденции – «народную» и «аристократическую». Одна стремилась к переменам, к большей свободе и справедливости для широких масс, другая же – к сохранению статус-кво и укреплению своего господства. Это противостояние, развернувшееся на фоне ослабления центральной власти и усиления социального напряжения, стало ключевым фактором, определявшим дальнейший ход русской истории.

Начавшаяся политическая борьба выразилась в народных волнениях, которые остаются за пределами нашей работы. Отметим только то, что они привели к росту авторитета и влияния царской власти, можно даже сказать к укреплению абсолютизма и дальнейшим событиям, связанным с все нарастающим укреплением самодержавной власти в России.

с.; Поршнев Б.Ф. Социально-политическая обстановка в России во время Смоленской войны // История СССР. 1957. № 5. С. 112-118.

⁷¹ Ляпин Д.А. Указ. соч. С. 7.

Таким образом, в народном сознании отсутствие сильной государственной власти в годы Смуты стало восприниматься как основание для гражданского участия в делах государства, а такое участие с этого момента воспринималось как общее, «земское» дело. События начала XVII в. принесли народу убежденность в своем праве участвовать в делах государственного управления и принятия решений в вопросах государственного устройства⁷². Разумеется, что не каждый подданный Михаила Федоровича проявлял гражданскую активность, но все же общее народное чувство ответственности за происходящие в стране события, несомненно, имело место. Кроме того, в укреплении народного самосознания сыграло роль и избрание законного государя, который был посажен на престол при участии избирателей⁷³. Но в конечном итоге воцарение Алексея Михайловича в 1645 г. и политическая борьба 1645–1650 гг., сопровождавшаяся народными бунтами, привели к усилению самодержавной власти в России⁷⁴.

В последствии страна развивалась в этом самодержавном направлении на протяжении второй половине XVII–XVIII вв., что еще раз подчеркивает значимость рассматриваемой эпохи, ее переломный характер. Политические перемены в верхах никак не изменили новых культурных тенденций, получивших свое развитие как следствие Смуты. Именно они в итоге и привели к культурной переориентации русской элиты в XVIII в.

Прейдем теперь к обзору перемен, происходящих в культурной жизни страны. Существует достаточно большое количество определений понятия «культура», но, как правило, общим для них является обозначение культуры как этико-эстетических представлений человека и связи этих представлений с общественными институтами. Ключевые взаимодействия между индивидами происходят посредством языка и именно в языке формируются и сохраняются основные, базовые концепты, связанные с культурой. Таким

⁷² Там же; Беляев И.Д. Указ. соч. С. 89; Покровский Н. Н. Указ. соч. С. 24;

⁷³ Ключевский В.О. Указ. соч. Т. 3. С. 62–65; 73.

⁷⁴ Ляпин Д.А. Указ. соч. С. 39.

образом, говоря о «русской культуре» мы неизбежно будем указывать на общественно-политические и духовно-нравственные изменения, происходившие в ходе исторического развития общества носителей русского языка, как носителей и выразителей русской культуры. Так как настоящая работа посвящена исследованию исторического материала в виде литературного творческого наследия, то такое уточнение основного смыслового содержания понятия «русская культура» видится нам особенно необходимым. Таким образом, анализ литературного наследия позволяет нам проследить не только эволюцию языка, но и, что гораздо важнее, эволюцию самого культурного сознания.

Поэтому, рассматривая русскую культуру через призму ее литературного наследия, мы получаем возможность увидеть, как исторические события, социальные потрясения, философские течения и духовные поиски находили свое отражение в произведениях писателей. Это позволяет нам не просто констатировать факты, но и понять глубинные причины тех или иных культурных явлений, проследить их генезис и развитие, а также оценить их влияние на формирование национальной идентичности. Наше исследование творчества С.И. Шаховского становится не просто изучением его наследия и жизни, но попыткой понять развивающуюся сущность русской культуры первой половины XVII в.

Кроме того, следует отметить, что литературное творчество действительно является не просто процессом эволюционного развития и достижения какого-либо количественного «уровня», а своеобразным методом рефлексии как осуществления интеллектуального развития общества, что, в свою очередь, приводит к принципиальному преобразованию основ культуры⁷⁵. Это тем более важно, так как речь идет о русской литературе первой половины XVII в., периода осмысления событий затяжной гражданской войны – Смуты, которая полностью изменила не только поле

⁷⁵ Аверинцев С.С. Риторика и источники европейской литературной традиции. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 448 с.

литературного метода, но серьезнейшим образом повлияла на развитие всей русской культуры дальнейших исторических эпох.

Перемены в области культурного развития страны, тенденции обмирщения, заметные уже в конце XVI в., стремительно набирали обороты в послесмутный период. Однако отделить старое «средневековое», от нового в культурном развитии России первой половины XVII в. достаточно сложно. Для эстетики этого периода характерно ярко выраженное обращение к средневековым традициям, которое было по своей сути внешним стремление искать в прошлом абсолютные истины. Персонажи древнерусской истории становятся литературными героями ряда популярных произведений. В частности, четыре повести «О начале Москвы», представляющие собой литературные сюжеты на тему происхождения России, с новой любовной и трагической фабулой, но еще полные средневекового символизма и морали⁷⁶. Другой пример обращения к прошлому в культурном аспекте – легендарная переписка Ивана Грозного с турецким султаном, «Повесть о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне»⁷⁷. Наконец, набирает большую популярность знаменитая переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским⁷⁸.

Русская правящая элита этого времени, во всяком случае на официальном уровне, видела причины Смуты в духовном кризисе, отходе от старины и традиций⁷⁹. Именно в их забвении, как полагали придворные летописцы, крылись корни произошедшего в стране гибельного периода. Экстремальные ситуации, в которых оказалась русская культура, ориентировали эстетическое сознание на поиск опорных точек в глубинах

⁷⁶ Шамбинаго С.К. Повести о начале Москвы // ТОДРЛ. Л., 1948. Т. 3. С. 59-98.

⁷⁷ Повесть о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне // Библиотека литературы Древней Руси. Под ред. Д.С. Лихачева. СПб.: Наука, 2010. Т. 16. С. 21-30; Повесть о царе Иване и старце // Там же. С. 31-33; Каган М.Д. Легендарная переписка Ивана Грозного с турецким султаном // Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР. 1957. Т. 13. С. 247-272.

⁷⁸ Ляпин Д.А. «Первое послание Ивана Грозного Андрею Курбскому» и политическая борьба в России в середине XVII века // Canadian-American Slavic Studies. 2018. № 52. С. 386-410.

⁷⁹ Бычков В.В. Русская средневековая эстетика. XI-XVII вв. М.: Мысль, 1995. 638 с.

иррационального, обостряли религиозное, духовное в человеке. Совершенно неожиданно в культуре с новым размахом стал появляться жанр «видений»⁸⁰.

Однако мистицизм и иррациональность культуры новой эпохи уже отличались от периода позднего Средневековья XV-XVI вв., обретая черты особой повышенной эмоциональности. Эстетическое сознание времени в особой маньеристской форме начинает заметно преобладать над глубинной, духовной созерцательностью мистического погружения⁸¹.

Д.С. Лихачев отмечал, что именно Смутное время, очень трагическое по своей духовной сути событие, заставило русскую культуру обрести высокое литературное самосознание, ясно проявившееся в широте и глубине реагирования на события гражданской войны и предшествующих ей эпизодов правления Ивана Грозного⁸². Действительно, легко заметить, что на первый план выдвигаются теперь произведения большого размаха и смелой задумки, новаторские по жанру и стилю. Бурные события Смуты заставили русского человека искать в культуре фактичность, правдивость, документальность, а средневековый символизм и иносказание постепенно оставались в прошлом. Русская культура этого времени отразила общественные тенденции: на исторической сцене появился человек, личность, свидетель событий, не боявшийся высказываться о происходящем⁸³.

Еще одна важная тенденция времен – интерес к личности: монарха, святого подвижника или простого героя событий. Памятники литературы, посвященные Смутному времени, стремились показать характер человека, иногда сложный и противоречивый, а иногда – оправдаться в своих поступках и действиях⁸⁴. Наиболее ярким и сложным персонажем для авторов был, конечно, Борис Годунов, имевший как положительные, так и

⁸⁰ Прокофьев Н.И. Символично-аллегорическая образность в литературе начала XVII века // Вопросы русской литературы. Ученые записки МГПИ им. Ленина. М., 1966. Т. 248. С. 29-44; Панченко А.М. Литература «переходного века» // История русской литературы. Под ред. Д.С. Лихачева. Т. I. Л.: Наука, 1980. С. 291-407.

⁸¹ Бычков В.В. Указ. соч. С. 405.

⁸² Лихачев Д.С. Указ. соч. С. 5.

⁸³ Беляев И.Д. Указ. соч. С. 89; Покровский Н. Н. Указ. соч. С. 24; Ляпин Д.А. Указ. соч. С. 9.

⁸⁴ Лихачев Д.С. Указ. соч. С. 22.

отрицательные стороны личности: с одной стороны достойный правитель, но с другой, по убеждению современников, занявший трон совершив кровавое убийство царевича Дмитрия⁸⁵. Неслучайно эта трагическая фабула личности правителя будет взята А.С. Пушкиным для создания оригинального драматического произведения.

Однако самое главное заключается в том, что обозначенные новые тенденции вели в первой половине XVII в. к постепенному распаду целостной средневековой культуры, с ее четкой картиной мира, возвышенными идеалами, эсхатологизмом и провиденциализмом. Культурный мир Нового времени, в который неизбежно вступала Россия, был более сложным и неоднозначным. Размежевание отдельных сфер культуры и ее стремление к освобождению от религиозного влияния внутри самого религиозного миропонимания – характерные течения в культурно-историческом развитии этого периода. Не следует забывать, что теоретические рассуждения на тему развития русской культуры всегда основаны на изучении творчества ее главных носителей – отдельных личностей. Именно они, как представители своего народа, оказавшись в непростых исторических условиях, были творцами той особенной культуры, которая набирала свое развитие после Смутного времени в новых общественных реалиях. В конце концов в этом направлении наиболее ярко проявились две главные тенденции: вестернизация и обмирщение.

1.2. Тенденции вестернизации общества и обмирщение культуры

Активное западноевропейское влияние на русскую культуру в XVII в. часто обозначают как процесс вестернизации, параллельно с этим шел процесс культурного обмирщения общества. Один из ведущих специалистов по русской истории и литературы этого переходного периода А.М. Панченко давал следующую характеристику времени: «Обиходный слой составляет фундамент слоя событийного. Обиход слагается из «прописей», из принятых

⁸⁵ Антонов Д.И. Указ. соч.

каждой социальной и культурной формацией аксиом, трактующих о добре и зле, о жизни и смерти, о прекрасном и безобразном, определяющих поведенческие структуры, нравственные и эстетические запреты и рекомендации. Естественно, что обиходный слой весьма консервативен; он меняется гораздо медленнее, нежели событийный... Но в эпохи скачков обиход превращается в событие. И старые, и новые аксиомы становятся предметом обсуждения, предметом отрицания или апологии: на переломе культура всегда испытывает потребность в самопознании и занимается им»⁸⁶.

Примером отмеченного ученым освоения событийности в обиходе могут служить литературные повести, появившиеся в России в первой половине XVII в. и сразу ставшие очень популярными судя по количеству сохранившихся списков. По своей сути это были исключительно развлекательные сочинения, практически лишенные какого-то серьезного этически-назидательного смысла. Например, «Повесть о Карпе Сутулове», которая уже в наименовании имеет показательное имя персонажа, от чего носитель русского языка уже предполагал повествование о каких-то нелепых и в то же время повседневно-бытовых ситуациях, в которых могут оказаться герои произведения. Так и происходит: на первый план в тексте этой повести вынесена история страстного влечения к красавице жене Карпа со стороны его друга-купца, духовного отца супруги и даже архиепископа. Финал истории счастливый, так как супруге удастся отстоять свою честь и сохранить верность мужу, но сам факт такого публичного художественного осмысления говорит о том, насколько русская культура и быт русского общества были далеки от того идеализированного образа, который рисовался в житийной литературе предшествующих периодов. Занятный сюжет, видимо отвечал потребностям поколения после Смуты.

Точно такого же характера произведения «Повесть о Савве Грудцыне», «Повесть о Фроле Скобееве»⁸⁷, являющиеся типичным примером сугубо

⁸⁶ Панченко А.М. О русской истории и культуре. СПб.: Азбука, 2000. С. 15.

⁸⁷ Там же.

развлекательного повествования, наследующего древним русским скоморошеским традициям, но одновременно с этим имеющего черты западноевропейских плутовских историй и повествований о любовных коллизиях. Читателей привлекает в новых произведениях романтическая и приключенческая сторона истории, что видно в позднейших версиях той же «Повести о Савве Грудцыне»⁸⁸, из которой к XVIII в. исключаются описания Смутного времени и чудесного исцеления. Другой пример – «Повесть о Фроле Скобееве», где о таких традиционно греховных в христианстве явлениях как блуд и распутство рассказано без каких-либо религиозных укоров со стороны автора, в ярко выраженном развлекательном духе. Более того, в произведениях появляется большое количество разговорных слов, что было совершенно не характерно для русской литературной традиции предыдущих периодов, построенной на высокопарных конструкциях церковнославянской письменности.

К середине XVII в. возникает еще одно интересное явление: произведения, где исключительно религиозные сюжеты превращаются в сочинения развлекательно-бытового жанра. Примером этому может служить «Повесть об Андрее Критском»⁸⁹. В повести подробно рассказано о жизни Андрея Критского, который проходит ряд испытаний и согрешает множество раз, иногда и сам того не ведая. Убийство отца, ситуация инцеста (когда Андрей Критский берет в жены собственную мать), покаяние и служение на поприще Церкви – все это показано через начальное пророчество, которое слышит от голубиц некий купец Поуливач: «Будет у господина нашего радость жена его ему родит сына, и нарекут имя ему Андрей. И той отроча убьет отца своего, а мать свою себе в жену возмет. И триста девиц стариц растлит блудом»⁹⁰. Такое начало уже задавало особый повествовательный тон всей дальнейшей истории, но уже из начального сюжета видна связь как

⁸⁸ Скрипиль М.О. Повесть о Савве Грудцыне // История русской литературы: В 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941-1956. Т. 2. Ч. 2. С. 222-227.

⁸⁹ Повесть об Андрее Критском // Библиотека литературы Древней Руси. Под. ред. Д.С. Лихачева и др. СПб.: Наука. Т. 15: XVII век, 2006. С. 231 - 234.

⁹⁰ Там же.

с древними повествованиями греко-римского периода, так и с современной автору традицией европейского развлекательного повествования.

Необходимо отметить, что параллельно с развитием народной литературы развлекательного характера, сильное влияние на русскую культуру оказывают и переводы европейских рыцарских романов, которые появляются и распространяются повсеместно по территории Российского государства. Хорошо известны такие переводные европейские романы как «Повесть о Бове-королевиче», «Повесть о Василии Златовласом», «Повесть о Иване Пономаревиче», «Повесть о Петре Златых ключей», «Повесть о Брунцвике», содержание которых само по себе очень показательно. Конечно, европейские новеллы и раньше появлялись в русских землях, но теперь их число резко увеличивается, что связано с популярностью подобной, романтической литературы.

Например «Повесть о Бове-королевиче» имеет несколько вариантов перевода, в некоторых из которых произведение представляет собой типичный европейский куртуазный роман, в других – большее внимание уделяется личности главного героя и описаниям обстановки, в которых происходят события повествования⁹¹. Интересно то, что в этом произведении один из противников главного героя – богатырь Полкан - является персонажем, заимствованным из языческой мифологии и представляющим собой существо с телом коня и торсом человека.

Роман «Повесть о Василии Златовласом» относится к переводным произведениям жанра, близкого к плутовскому роману. Кроме традиционно увлекательного сюжета, в произведении прописывается яркая любовная линия, которая сочетается с темой мести и победы главного героя над своим противником в образе французского короля Карла, чья дочь Полимистра унизила героя отказом на сватовство к ней.

Также и «Повесть о Иване Пономаревиче» представляет пример произведения, близкого по жанру к европейскому авантюрному роману, но с

⁹¹ Там же. С. 235 – 258.

отсылкой к древним фольклорным традициям - главный герой по ходу повествования превращается в яблоню, в быка, в славного селезня⁹². Влияние славянских и, в частности, русских фольклорных мотивов, проблематика (герой борется с иноземными врагами) говорят о том, что данное произведение возможно создано на русской почве, но под влиянием европейских традиций. Построение сюжета, внимание к бытовым деталям указывают на западную литературную традицию светских приключенческих романов.

Особое место в известных переводных европейских произведениях занимает «Повесть о Петре Златых ключей», так как именно из этого источника в русской культуре становится известно имя одного из самых значительных персонажей рыцарских романов – рыцаря Ланселота, участника «Круглого стола» короля Артура (главный герой, Петр, побеждает Ланселота на турнире)⁹³. «Повесть о Петре Златых ключей» – это типичный куртуазный роман, с большим количеством ситуативных поворотов сюжета и насыщенной любовной линией. На первый план выведены влюбленные Петр и Магилена (Магалона), которые постоянно разлучаются, но остаются верными друг другу несмотря ни на что. Рыцарем Златых Ключей главный герой назван «потому что на шелму два ключа было золотых приделаны висящих». Хотя основное распространение в русской культуре это произведение получило к XVIII в. (особенно в Петровские времена, когда образ галантного рыцаря стал распространен в дворянской среде как пример для подражания), тем не менее оно также было известно в XVII в., как и подобные ему куртуазные романы.

Еще один пример бытования переводного европейского произведения в России, это «Повесть о Брунцвике», которая представляла собой рыцарский роман о различных приключениях вымышленного персонажа – наследного князя Брунцвика. Герой получает в наследство от отца Штылфрида

⁹² Русская бытовая повесть XV-XVII веков / Сост., вступ. статья, коммент. А.Н. Ужанкова. М.: Сов. Россия, 1991. С. 250 - 256.

⁹³ Повесть о Петре Златых ключей // Библиотека литературы Древней Руси. Под. ред. Д.С. Лихачева и др. СПб.: Наука. Т. 15, 2006. С. 280 - 326.

княжество, но после некоторого времени управления делами наследства, решает пойти в другие земли: «Скажу свою думу тебе, что думаю есми ехати и хочу своею службою добыти честь языку своему»⁹⁴. Здесь для носителей русской культуры, помимо знакомых из древней устной традиции сюжетов дружбы человека со львом и присутствия героя на свадьбе собственной жены, появляются сюжеты о путешествиях главного героя в несуществующие страны, а на первый план выводится проблематика конфликта человека и природных стихий.

Тенденции вестернизации общества и обмирщение культуры нашли свое отражение в другом нововведении времени – виршевом стихосложении⁹⁵. В русской литературной традиции XVII в. развитие такого типа стихосложения связывается, как правило, с именем Симеона Полоцкого (1629–1680). Но здесь необходимо отметить, что такая связь является только удобным способом хронологического обозначения, так как появление виршевого стихосложения, это многоплановый и объемный процесс, который связан с множеством известных и анонимных произведений периода XVII в. в русской культуре⁹⁶. Первые произведения подобного рода появились еще в Смутное время под влиянием польской и малороссийской книжности⁹⁷. Несмотря на то, что значительная часть первых виршевых стихосложений была посвящена религиозным мотивам, это новшество было шагом в сторону трансформации и уже к середине XVII в. творчество виршеписцев приобретает развлекательно-дидактическую форму, либо превращается в прославление правящего монарха (например, Симеон Полоцкий), т.е. теряет связь с религиозным контекстом.

Необходимость перехода от средневековых литературных практик к поэтике Нового времени побуждала многих авторов искать новые формы

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Виршевая поэзия (первая половина XVII века) / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. В.К. Былинина, А.А. Илюшина. М.: Советская Россия, 1989. 480 с.

⁹⁶ Попов Н.И. К вопросу о первоначальном появлении виршей в северо-русской письменности. // Известия отделения русского языка и слов. Российская академия наук, за 1917 г. Пг., 1917, Т. 2. Кн. 2. С. 259-275.

⁹⁷ Розанов И.Н. Русское книжное стихотворство от начала письменности до Ломоносова // Вирши. Силлабическая поэзия XVII-XVIII веков. Общая редакция И. Беркова. М.: Советский писатель, 1935. С. 5-87.

художественного высказывания, и виршевая поэзия является одним из ярких примеров такого поиска. Наследуя элементы речевого стиха русского фольклора, виршевая поэзия отказывается от традиционной церковной напевности и становится формой нарочито книжного художественного высказывания⁹⁸.

«Виршеписцы» вносят в свои произведения прозаизмы, рифму, в то же время обращаясь не только к религиозным и историческим темам, но к повседневному быту и вопросам общественной нравственности⁹⁹. Такой подход характерен для поэтов первой половины XVII в. Авраамия Палицына, Ивана Хворостинина, Семена Шаховского. Поэты т.н. «Приказной школы» (сформировалась и развивалась в 1620-1640 гг.), такие как инок Савватий, Алексей Онуфриев, Стефан Горчак, Михаил Злобин развивали виршевую поэтическую традицию, создавая определенные мировоззренческие и эстетические принципы виршевых произведений.

Сформированная известным поэтом Симеоном Полоцким и его литературными наследниками «придворная» поэзия достигнет больших успехов к XVIII в. в отдельный литературный жанр, но истоки его также относятся ко времени поиска новых форм поэтического высказывания и виршам XVII в.

Говоря о классификации на отдельные виршевые поэтические школы, необходимо отметить, что существуют разные подходы к этому вопросу. Например, круг участников «Приказной школы» «виршеписцев» А.М. Панченко (автор термина «Приказная школа») определяет такими, в частности, именами как Савватий, Стефан Горчак, Алексей Романчуков, Петр Самсонов, Михаил Злобин. В то же время, В.К. Былинин и А.А. Илюшин также включают в ряд авторов «Приказной школы» монахов Лариона и Феокиста, поэтов Михаила Игнатьевича и Ермолая Азанчеева, а

⁹⁸ Виршевая поэзия (первая половина XVII века) / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. В.К. Былинина, А.А. Илюшина. М.: Советская Россия, 1989. 480 с. С. 5.

⁹⁹ Макарова С.А. Русская версификация XVII в. и музыка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3 (69). Ч. 1. С. 26-31.

также одну из первых в истории русской культуры женщин-виришписцев Евфимию Смоленскую.

Возникшая под западным влиянием виришеская поэзия становится в русской культуре XVII в. одним из самых заметных художественно-литературных явлений, а ее направленность на исключительно «книжное» высказывание и нарочитое исключение церковной напевности связывает данную стихотворную форму с другими культурными изменениями и художественными тенденциями своего времени. Такие особенности как включение в стихотворное произведение прозаизмов, элементов разговорной речи, использование рифмы, а также критическое осмысление общественных и бытовых явлений – это указание на связь виришеской поэзии с историческими изменениями в русской творческой культуре, что находит свое отражение и в других художественных жанрах того периода¹⁰⁰.

Еще одно новое явление было связано с развитием такого жанра как русская народная сатира¹⁰¹. Народная площадная культура занимает свое место в культурном пространстве эпохи, точно также как это случилось в Европе первой половине XVI века¹⁰². Само по себе это явление отражает отмеченную выше политическую тенденцию Смуты – выход на историческую сцену масс, рост гражданского самосознания русского общества. Появляются и широко распространяются известные сегодня произведения «Повесть о Ерше Ершовиче», «Повесть о Шемякином суде», «Служба казаку», «Повесть о бражнике», «Слово о мужах ревнивых» и др. Здесь сказывается активное развитие народной смеховой культуры, где представитель «низов» выражает свои идеалы человека Нового времени¹⁰³. Высокодуховные идеалы Средневековья уступают место бытовой, «низкой культуре», где активно демонстрируется плотская любовная линия, осмеиваются такие проявления человеческого характера как жадность, ревность, тщеславие и прочие

¹⁰⁰ Панченко А.М. Я эмигрировал в Древнюю Русь. 2008. С. 360 – 361.

¹⁰¹ Русская демократическая сатира XVII в. / подгот. текстов и коммент. Адрианова-Перетц В.П. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. 292 с.

¹⁰² Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.

¹⁰³ Там же. С. 57.

негативные стороны поведения человека. Новая сатирическая литература была крайне приземленной по своей сути и отвергала высокие идеалы, воспевая все плотское, земное, приземленное.

Например, в «Слове о мужах ревнивых» насмешливо показан образ мужа-ревнивца, который от своей болезненной подозрительности «и как топор емлет, как не посечется, а осил ставит, как не удавится, а в прорубь смотрит, как не потопится, а хлеб режет, как не зарежется»¹⁰⁴. В «Повести о Ерше Ершовиче» главный персонаж уже во вступлении назван «ябедником, вором, разбойником и лихим человеком», с которым «тягаются Лещ да Головлъ, крестьяне Ростовского уезду»¹⁰⁵. Становится видно, как топонимика, указывающая на конкретный регион Русского государства, включается в повествование не с целью точной фиксации места происходящих событий, а из соображений художественного обобщения с приданием этому обобщению реальной топонимической основы. Так бытовой слой социальных проблем оживлялся через привязку к конкретному месту событий, придавая повествованию достоверности, в то же время сам смысл и проблематика описываемых в произведении событий обобщалась для всех носителей русской культуры через общность волнующих тем.

Процесс вестернизации и обмирщения русской культуры после Смутного времени получил особое развитие в образованных слоях общества, это выразилось не только в реформаторских идеях, которые захватили многих участников русского общественно-политического процесса, но и нашло отражение в письменных источниках того периода. Исторический процесс все чаще начинает рассматриваться авторами русских публицистических и художественных произведений не в контексте Промысла Божия и символически-божественной идеологии светской власти, а как исключительно гражданский, общественный путь России. Таким образом, влияние западноевропейских идей реформации все сильнее стало

¹⁰⁴ Русская демократическая сатира XVII в. / подгот. текстов и коммент. Адрианова-Перетц В.П. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. С. 132.

¹⁰⁵ Там же, С. 7-19.

сказываться в русской культуре, но при этом параллельно упрочивалось стремление к самобытности, укреплялись охранительные намерения.

Такое двухполярное отношение к Западу – от поклонения до полного отвержения – надолго определило взаимосвязь русской культуры с европейскими традициями. Надо отметить, что Россия стала первой страной, подвергшейся активному процессу вестернизации, который можно определить как «добровольное или насильственное принятие ценностей западноевропейской культуры, и заимствование достижений европейской цивилизации»¹⁰⁶. В русской богословской и научной литературе эти процессы часто называются «латинизация» и «обмирщение», при этом под обмирщением предполагается «...уважение к свободе совести... требование свободы мысли, эмансипацию от любых всеобъемлющих доктрин, приобретение навыка критического мышления, признание возможности самостоятельного познания»¹⁰⁷.

Еще Н.М. Карамзин отмечал, что сам царь Борис Годунов был ревнителем европейской культуры: «В усердной любви к гражданскому образованию Борис превзошел всех венценосцев России, имея намерения завести школы и даже университеты, чтобы учить молодых россиян языкам европейским и наукам... Сия мысль обрадовала в Европе многих ревностных друзей просвещения...»¹⁰⁸. Но полностью реализовать данные намерения не удалось по причине противостояния со стороны русского духовенства. Аргументы духовенства были связаны с убежденностью в необходимости единства закона и языка, на которых и стоит благоденствие России, что разность языковая может иметь последствием опасную для Церкви разность в мыслях. Но, даже не взирая на эту аргументацию, священноначалие имело еще одно простое убеждение, что в любом случае неразумно доверять обучение молодого поколения католикам и лютеранам. Тем не менее, при

¹⁰⁶ Синелина Ю.Ю. Секуляризация в социальной истории России. М.: Akademia, 2004. С. 41.

¹⁰⁷ Словарь религий: иудаизм, христианство, ислам. / Под ред. В. Зюбера, Ж. Потэн. Пер. с франц. Е.А. Петерюковой, под ред. М.М. Шахович, Т.В. Чумаковой. СПб: Питер, 212. С. 369.

¹⁰⁸ Камышников А.В. Секуляризация русской культуры. XVII-XVIII века. Таганрог: «БАННЭРплюс», 2012. С. 5.

Лжедмитрии I в русских городах появляется большое количество учителей «латынников и лютеран», что значительно усиливает (особенно в Москве) иностранное влияние.

Под влиянием западноевропейской культуры в России начинается процесс разграничения богословской и светской литературы. Как утверждал В. О. Ключевский, данные процессы разрушили «нравственную цельность русского общества. Как трескается стекло, неравномерно нагреваемое в разных своих частях, так и русское общество, неодинаково проникаясь западными влияниями, раскололось»¹⁰⁹. Все это значительно повлияло на художественные и публицистические произведения о событиях Смутного времени, созданные русскими авторами. При внешнем сохранении христианского символизма, по существу, в произведениях все большее значение начал приобретать общественно-политический дискурс актуальный для эпохи. Можно сказать, что таким образом Смутное время, события которого радикально повлияли на русскую культуру, отразилось и в литературном наследии, которое заложило основы дальнейшим процессам отделения богословия от частного литературного творчества. Имея богатую историю традиционного летописного изложения событий, русская культура стала активно пополняться произведениями и такого, исключительно мирского жанра как публицистика.

В целом, полемические по своему содержанию публицистические произведения стали появляться в России повсеместно, а в некоторых из них высказывались и такие мысли, что в событиях Смуты необходимо видеть всеобщую виновность народа, или попросту политическую инертность русского общества. Иными словами, традиционное толкование истории в контексте провиденциализма и кары за грехи, уступало место поиску конкретных, «земных» объяснений. В публицистике очень ярко отразились культурно-исторические процессы: вестернизация и обмирщение. Ниже мы

¹⁰⁹ Успенский Л.А. Богословие иконы православной церкви // Переяславль: Изд-во Братства во имя святого князя Александра Невского, 1997. С. 277 - 278.

кратко рассмотрим уже упоминаемые произведения Авраамия Палицына и И.А. Хворостинина, в которых, на наш взгляд, наиболее ярко отразились указанные тенденции.

Авраамий Палицын автор популярного (судя по спискам) произведения «История в память впредьидущим родом...»¹¹⁰. Он был одним из тех, кто полагал, что вина за случившееся в начале XVII в. лежит на русском обществе инертном и пассивном, а также на его элите, вступившей в борьбу за власть. В этом отношении, конечно, его можно считать новатором и сторонником нового взгляда на развитие общества, более свободного от традиционных средневековых провиденциалистских идей. С другой стороны, в его произведении отразились опасения русского общества потерять свою самобытность вместе с православной верой, образы и идеалы «Святой Руси», которой угрожают еретики-поляки. Будучи непосредственным свидетелем, защиты Троице-Сергиевой лавры он сообщает, как архимандрит Иоасаф повелел перед началом обороны обители всем монахам принести на мощах святого Сергия Радонежского присягу на верность Отечеству и православной вере. Польские воеводы, решив, что уже достаточно продемонстрировали свою силу, направили в монастырь грамоту с приказом о сдаче, на что получили показательный ответ:

«Гордое начальство Сапега и Лисовский и прочая ваша дружина, почто прельщаете Христово стадо православных христиан... Даже десятилетний христианский отрок в Троице-Сергиевом монастыре посмеется вашему безумному совету. А то, что вы нам написали, мы то оплевали... Как же нам оставить святую истинную свою православную веру и покориться новым еретическим законам, которые были прокляты вселенскими патриархами? Как нам оставить своего православного Государя Царя и покориться ложному врагу... Или нам быть, как жидам, которые не познали

¹¹⁰ Сказание Авраамия Палицына. / Подгот. текста и коммент. О.А. Державиной и Е.В. Колосовой. Под ред. Л.В. Черепнина. М., Л.: Академия наук СССР, 1955. 349 с.

Господа и распяли его. Мы же знаем своего правителя... Ни за какие богатства не предадим своего крестного целования»¹¹¹.

Пространство, в котором описаны события, ограничено монастырскими стенами и местом расположения осаждающих монастырь войск. Время событий ограничено началом осады 23 сентября 1608 г. и последней битвой, случившейся 12 января 1610 г. Очевидно, что замысел Авраамия Палицына заключался в стремлении продемонстрировать Смуту, в которой значительную роль играли изменники, которым противостояли твердые в своей православной вере и преданности Отечеству герои – защитники русской земли. Само содержание произведения таким образом превращалось в идеологическую программу гражданско-патриотического содержания: противостояния России и католического Запада, стремление сохранить свою национальную идентичность.

Чтобы показать глубинный, духовный смысл земного противостояния, Авраамий Палицын вводит в повествование многочисленные чудесные явления святых Сергия и Никона Радонежских, которые являются во снах участникам битвы. Так осада монастыря становится символическим противостоянием между небесными силами и земными искушениями. Святой Сергий Радонежский является не только казакам, вразумляя их отойти от участия в делах врагов земли русской, но и помогает осажденным. Например, чудесным явлением святого защитники становятся предупреждены о готовящемся подкопе под одну из башен монастыря. Крестьяне Шилов и Слота спешно натащили в подкоп горючих материалов и героически погибли во время подрыва, закрыв осаждающим возможность проникнуть через подкоп на монастырскую территорию.

Одновременно с тем, в повествовании Авраамия Палицына показаны и искушения защитников Троице-Сергиевого монастыря: сомнения, страхи, потеря веры. На фоне неоднородности вражеского войска, в котором помимо иностранных интервентов присутствовало большое количество русских

¹¹¹ Там же. С. 13-14.

людей, вся история осады становится символическим описанием Смуты и идеологическим призывом к защите национального и духовного суверенитета. Метафорически показана вся русская земля, которая осаждается искушениями, страстью наживы, гордыней бояр и злостью войска иноверцев. Победа защитников монастыря является утверждением не только территориального, но, прежде всего, духовного суверенитета, одновременно с этим указывая будущим поколениям на те ориентиры русской культуры, которые позволяют выходить из самых трудных ситуаций¹¹².

Но произведения Авраамия Палицына не являются единственным примером метафорического осмысления произошедших событий Смуты, изложенным в зарождающемся жанре русской публицистики. Так князь Иван Андреевич Хворостинин в работе «Словеса дней и царей, и святителей московских» подходил к оценке Смуты со стороны толкования известного ветхозаветного события грехопадения Адама, утверждая, что именно этот пример лучше всего демонстрирует как человек не признает собственных ошибок и приписывает свои несчастья Божьей воле¹¹³. В своем произведении И.А. Хворостинин дает психологические портреты многих участников Смуты и, как отмечал русский историк В.О. Ключевский, данные портреты довольно убедительны. Историк не без оснований называл книгу князя И.А. Хворостинина одной из первых в отечественной историографии попыток осмысления исторических процессов начала XVII века¹¹⁴.

И.А. Хворостинин был активным участником русской политической жизни и прошел путь от придворного при Федоре Годунове и Лжедмитрии I до монаха Троице-Сергиева монастыря. Его биография изобилует резкими изменениями как в его статусе государственного деятеля, так и в плане

¹¹² Камедина Л.В. Культурная картина Смуты 1605–1612 гг. глазами русских писателей // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение. 2013. № 4 (36). С. 53-58; Авраамий (Палицын А.И.) иеромонах Троице-Сергиевой лавры. Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря от поляков и Литвы; и о бывших потом в России мятежах, сочиненное онаго же Троицкого монастыря келарем Авраамием Палицыным. М.: В Синодальной типографии, 1822. 324 с.

¹¹³ Хворостинин И.А. Указ. соч. С. 611.

¹¹⁴ Ключевский В.О. Указ. соч. Т. 7. С. 173-174.

личных духовных исканий. Вполне вероятно, что судьба Хворостинина довольно типична для того периода, так как резкие изменения в общественном устройстве неизменно связаны с наличием ряда представителей элиты, ощущающих необходимость модернизации и стремящихся выразить свои представления различными способами, в результате чего их судьба становится наполнена расположением и опалами правителей, взлетами и падениями личной государственной карьеры. Резкие высказывания Хворостинина в отношении государственного устройства и православных догматов, регулярные «тяжбы» с другими родовитыми представителями русской знати по поводу распределения чинов – все это завершилось обвинением в ереси и ссылкой в 1623 г. в Кирилло-Белозерский монастырь, где в том же году Хворостинин покался и был помилован¹¹⁵ с возвращением ему дворянских прав, но постригся в монахи Троице-Сергиева монастыря, где и скончался в начале 1625 г.¹¹⁶

Повесть И.А. Хворостинина «Словеса дней, и царей, и святителей московских» являлась итогом его размышлений о событиях Смуты, где автор сделал попытку осмысления действий многих исторических лиц, дал яркие портреты исторических деятелей и привел большое количество автобиографических фактов. Например, взаимоотношения между Хворостининым и Лжедмитрием I показаны в диалоге, где автор называет себя молодым человеком, которого самозванец «много любил», «заботился о его спасении более всех людей, находящихся под его властью». Кроме того, в произведении показаны события, когда происходила идеологическая борьба в среде московской элиты и утверждение на русском престоле новой царской династии Романовых.

Итак, новые тенденции в творчестве И.А. Хворостинина были связаны с резким индивидуализмом его произведения, собственной позицией, точкой зрения на те или иные события. Он также отказывается считать причиной

¹¹⁵ Литература и культура Древней Руси: Словарь-справочник. / Сост.: О.М. Анисимова, В.В. Кусков, М.П. Одесский, П.В. Пятнов; под ред. В.В. Кускова. М.: Высшая школа, 1994. С. 175 - 176.

¹¹⁶ Список надгробий Троице-Сергиева монастыря, составленный в половине XVII века // ЧОИДР. М.: Изд. Тип. Т. Рис., 1879. Кн. 2. С. 79-108.

Смуты божественный промысел, отмечая, что виной трагедии были действия людей. Даже Лжедмитрия, самую негативную фигуру в изложении событий Смуты, он рисует противоречивым и слишком неопытным человеком, доверившимся окружению, увлекшимся забавами и развлечениями. Лично сам И.А. Хворостинин говорил ему о том, что такое легкомыслие может плохо кончиться, что в итоге и случилось. Значит, если бы Лжедмитрий внял советам писателя, проводил бы более осторожную политику и верил слухам о заговоре, то мог бы править дольше. Другой неоднозначный герой повести – патриарх Гермоген, который изображен сложным и противоречивым, но в целом положительным персонажем, хотя именно он заточил И.А. Хворостинина в монастырь¹¹⁷.

Отдельное место в русской культуре продолжали играть летописные памятники. Летопись, как особый повествовательный жанр, была известна на Руси очень давно и имела длительную историю развития в русской культуре. Одним из самых известных примеров летописного описания событий Смуты является «Новый летописец», по отношению которого до сих пор ведется дискуссия о точной датировке и авторстве данного произведения, также дискуссионным остается вопрос по отношению к чему эта летопись названа «новой». Тем не менее, произведение несомненно является ценнейшим источником сведений о событиях Смуты и входит в ряд других, менее известных летописных памятников того периода. Несомненный публицистический характер «Нового летописца» также указывает на происходившие изменения в письменной русской культуре, а автор этого летописного описания ставит целью не только показать ход исторических событий Смуты, но и доказать право династии Романовых на русский царский престол¹¹⁸. Этот литературный памятник обрел большую популярность в русском образованном обществе и в дальнейшем неоднократно переиздавался. В XVIII веке «Новый летописец» был издан

¹¹⁷ Богданов А.П. Перо и крест: Русские писатели под церковным судом. М.: Политиздат, 1990. С. 103, 112.

¹¹⁸ Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец: история текста. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 397 с.

дважды. Первый раз М.М. Щербатовым¹¹⁹, второй в составе Никоновской летописи¹²⁰.

Также можно отметить ряд других летописных источников, относящихся к первой половине XVII в. Например, «Псковская летописная повесть о Смутном времени», где, помимо прочего, рассказывается и о третьем по счету самозванце московском дьяконе «Лжецаре Матюшке»¹²¹. В «Бельском летописце», кроме собственно описания исторических событий Смуты, включены два послания Лжедмитрия I и послание патриарха Гермогена. К летописным памятникам, рассказывающим о Смуте в серии исторических очерков, относится и «Временник», авторство которого приписывается дьяку Ивану Тимофееву. Во «Временнике» автор повествует об истории Русского царства от времени царя Ивана Грозного и до событий Смуты, сопровождая историческое описание своими авторскими размышлениями¹²².

Таким образом, первая половина XVII века стала для русской культуры временем отхода ряда литературных произведений от исключительно духовного наполнения к гражданско-публицистическому содержанию, что в большой степени явилось последствием активного проникновения западноевропейских рационалистических идей в традиционное русское общество. Одновременно с этим, влияние католичества и протестантизма послужило причиной и противоположного явления – усиления охранительных тенденций в среде высшей политической элиты (особенно духовенства) и народных массах.

При всей противоречивости событий и настроений начала XVII века русская литературная традиция начала активно проникаться западноевропейскими практиками литературно-публицистического

¹¹⁹ Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства. СПб.: Тип. Сухопут. кадет. корпуса, 1771. 386 с.

¹²⁰ Русская летопись по Никонову списку. Изданная под смотрением Имп. Академии наук. СПб., 1792. Ч. 8. 256 с.

¹²¹ Псковская летописная повесть о Смутном времени // Библиотека литературы Древней Руси. Под. ред. Д.С. Лихачева и др. СПб.: Наука. Т. 14, 2006. С. 146-161.

¹²² Временник Ивана Тимофеева / Подгот. к печати, пер. и коммент. О.А. Даржавиной; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Изд. Академии наук СССР. М.-Л.: 1-я тип. Изд-ва Академии наук СССР, 1951. 524 с.

высказывания и создавать произведения агитационно-идеологического и гражданского содержания. Дальнейшие события, приведшие к церковному расколу и реформам Петра I, стали итогом указанных трансформаций как общественного сознания, так и государственных структур.

1.3. Политика государства в области культуры

Политика государства в области культуры после Смутного времени имело ярко выраженное охранительное направление. Она заключалась в попытке установления контроля над осмыслением событий прошлого, призывам «возвращение к старине», осуждением любого, особенно католического влияния. Тем не менее, как уже отмечено выше, конец XVI – начало XVII вв. обусловлены для Российского государства усилением влияния богословских традиций и духовной атмосферы Запада. Общим местом является сегодня утверждение о том, что идеи «просвещенного гуманизма» и рационалистического мышления, проникшие в русскую, аскетическую по своей сути культуру и захватившие умы многих русских деятелей начала XVII в. стали снованием для будущих реформ, в том числе и в области культуры, которые инициировал император Петр I. Во второй половине XVII в. происходит «европеизация» России и западные установки рационализма и секуляризации все больше начинают влиять на государственную культурную политику¹²³.

Духовный спад, зависимость от западных влияний охватили постепенно весь православный мир. Не зависимо от того, в каких исторических условиях формировалась духовная культура Поместных Церквей, процессы рационализации и секуляризации стали изменять государственную политику и культурный ландшафт общего пространства православия. Л.А. Успенский так описывал происходившие изменения в Поместных Церквях: «Все они оказались внутренне в одинаковом положении

¹²³ Белов В.Н. Введение в философию культуры. М.: Академический проект, 2008.

перед лицом нового времени – времени открытого столкновения Православия с инославным Западом, и православного мировоззрения с мировоззрением рационалистическим, носителем которого была западная культура»¹²⁴.

Интенсивное развитие Русского государства после периода Смуты сопровождалось «открытием» и переосмыслением западной культуры, а самое сильное влияние данных процессов «европеизации» наблюдалось в церковном образовании и духовном просвещении. В то время как на Западе к началу XVII в. уже существовала развитая система богословского образования, на Руси только зарождалось монастырское сообщество ученых-богословов. Русские письменные памятники того периода показывают, что работ на серьезные богословские темы не было и в основном создавались традиционные исторические тексты, будь то летописи или «баснословные» описания¹²⁵.

С другой стороны, низкий уровень богословского образования способствовал сохранению полуязыческого отношения к христианским святыням и укреплению веры в «магическую» силу религиозной обрядовости самой по себе. К священным текстам относились как к заклинаниям, изменение и уточнение которых лишало последние «силы». Изменение обряда богослужения воспринималось как потеря сверхъестественной действенности кудеснического заговора, в котором необходимо повторить слова в определенном порядке и тогда результат будет получен не зависимо от личного благочестия. Само понятие благочестия стало синонимично не образу жизни и нравственному наполнению своих поступков, а точному и даже скрупулезному повторению обрядовых слов и действий¹²⁶.

Таким образом, государственная политика в области культуры происходила в контексте взаимоисключающих тенденций. С одной стороны, несомненное влияние западных рационалистических представлений в среде

¹²⁴ Успенский Л.А. Указ. соч. С. 276.

¹²⁵ Знаменский П.В. История Русской Церкви, М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 2000. 459 с.

¹²⁶ Там же, С. 269.

русских богословов, с другой – народная, полуязыческая обрядность, отрицающая любые изменения в культовых текстах и богослужебных практиках. Одновременно с этим, народ на словах высоко ценил обряд, но на деле часто не имел даже привычки к духовному просвещению, прибегая к обряду только в крайних случаях (например, перед смертью, или при совершении каких-либо треб, часто исключительно по бытовой нужде)¹²⁷.

Все это смешение различных тенденций привело к тому, что оказавшиеся у власти люди, такие как патриарх Филарет и царь Михаил Романов стали проводить политику возврата к старине, при всем при этом не имея каких-либо существенных, национальных по своему происхождению, интеллектуальных ресурсов. Необходимость восстановления религиозной жизни общества требовала наличия печатной богослужебной литературы. Типография Троице-Сергиевой лавры готова была взять на себя миссию по восполнению культурного фонда и наполнению его книгами богословского и богослужебного содержания¹²⁸.

Одновременно с этим все острее стояла проблема исправления богослужебных текстов, в которых к тому времени накопилось большое количество неточных и прямо ошибочных переводов с греческих источников. Но именно проблема исправления богослужебных книг стала основой последующего церковного раскола, так как имеющиеся на тот момент богослужебные тексты уже прочно были связаны в общественном сознании с древними языческими представлениями о важности точного повторения обряда как залого эффективности всего богослужения. Любое исправление церковных книг стало восприниматься как попытка искажения традиционного ритуала, а значит и «повреждения» веры. Исправление накопившихся ошибок перевода становилось проблемой, для решения которой необходимо было аккумулировать как финансовые, так и общественно-просветительские ресурсы.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. М., Берлин: Директ-Медиа, 2020. Т. 2. 495 с.

Активно развивающееся в Европе книгопечатание беспокоило русскую политическую элиту и патриарх Филарет, понимая книжную ограниченность русской Церкви, занялся вопросом восполнения книжных фондов по всем церквям на Руси. В одном из предисловий к изданию филаретовского периода о заботе патриарха по поводу наполнения церковных библиотек сказано: «зельною ревностию одержим быв к божественным книгам, повелел печатанию строиться безпрестанно и предавать книги по всей русской земле святым Божиим церквам»¹²⁹.

Временно перенесенная после пожара в Кремль типография, была возвращена на старое место на «Никольском Крестце» в 1620 г. и к этому моменту в ней работало 70 печатных станков¹³⁰. Постепенно ряд ключевых богослужебных книг отпечатывали полностью, а некоторые из них выпустили в нескольких изданиях. Отпечатали полную Минейную «Библиотеку» в 12-ти томах. Одновременно с этим отпечатали Октоих и Каноник, двумя изданиями вышли Учительное Евангелие, Шестоднев, Триодь Цветная. Тремя изданиями вышли Евангелие, Псалтырь Следованная, Триодь Постная, Типикон, четырьмя изданиями: Апостол, Требник, Минея Общая, пяти изданиями вышел Часослов, а Служебник отпечатали в шести изданиях. На всех новоотпечатанных богослужебных книгах помещалось благословение патриарха, а в некоторых и личное обращение его к священнослужителям и пастве.

Одновременно с этим, в послесловиях новых богослужебных книг часто отмечалось, что они исправлены по имеющимся старинным «харатейным» славянским спискам, без указания того, сверялись ли эти тексты с греческими источниками или нет. Хотя вероятно, что справщики следовали указаниям патриарха Филарета, удерживаясь от систематического сверения текстов с греческими источниками, все же следует отметить, что они не могли, зная греческий язык, не выбирать те или иные варианты

¹²⁹ История русского раскола, известного под именем старообрядчества / Сост. применительно к прогр. для духов. семинарии препод. Одес. семинарии Иван Стрельбицкий. Одесса: Тип. Е.И. Фесенко, 1898. С. 17.

¹³⁰ Карташев А.В. Указ. соч. С. 71-89.

переводов на современный им русский язык, исходя из имеющихся у них греческих источников. По этой причине можно обнаружить частое указание в послесловиях о том, что справщики просят христианского снисхождения от читателей за возможные погрешности перевода. Но так как отсутствие единого критерия приводило к возникновению различных вариантов перевода, то в разных изданиях богослужебных книг появлялись различные варианты одних и тех же богослужебных текстов¹³¹.

По указаниям высших властей новые книги активно рассылались по церковным приходам без прибыли в казну, а в особенно дальние регионы России, например, в Сибирь, и совсем безвозмездно. Понимая крайнюю скудость ресурсов в некоторых небольших церквях, патриарх Филарет не запрещал одновременно с новыми использовать для богослужения и старые книги, тем не менее подчеркивая, что они не свободны от многих неточностей и ошибок перевода.

В отдельных случаях приходилось прибегать к радикальным мерам, которые раньше практиковались в католической церкви, а именно, к демонстративному сожжению некоторых старых книг, где, по мнению Филарета, было особенно много явных ошибок. Так патриархом Филаретом был публично сожжен церковный Типикон 1610 г. издания, а имеющиеся в наличии церквей экземпляры было указано прислать в Москву для такого же сожжения. Указ гласит: «те Уставы печатал вор, бражник, Троицкого-Сергиевского монастыря крылошанин, чернец Логгин, без благословения святейшего Ермогена, патриарха Московского и всея Руси, и всего священного собора, и многие в тех Уставах статьи напечатаны не по апостольскому и не по отеческому преданию, своим самовольством». Многие экземпляры были уничтожены и в настоящее время для научного изучения их сохранилось очень ограниченное количество. Надо отметить, что в предисловии этого издания указано, что Типикон печатается с

¹³¹ Там же.

«благословением и свидетельством патриарха Ермогена»¹³². Поэтому можно предположить, что таким образом патриарх Филарет скорее утверждал свои властные права и решал больше внутривосполитические задачи, чем богослужебные. Кроме того, эти действия также стали частью оснований для будущего раскола в русской Церкви.

В 1640 г. царю Михаилу Федоровичу поступает предложение от известного представителя киевской ветви православного просвещения митрополита Петра Могилы организовать в столице специальный монастырь для ученой монашеской братии. Монастырь предлагается составить из монахов Братского Киево-Богоявленского монастыря, а «при монастыре учинить школу для обучения грамоте греческой и славянской детей бояр и простого чину». Эта инициатива не получила развития, но в 1645 г. в Москву прибыл митрополит Палеопатрасский Феофан, направленный Константинопольским патриархом Парфением с ходатайством об открытии в столице греческой типографии¹³³. Это просьба нашла отклик, но Феофана попросили прислать для данного дела греческих учителей.

В 1646 г. из Киева прибыл архимандрит Венедикт, который был по национальности греком и ему поручили при Печатном Дворе переводить с латыни ряд книг. Но ввиду заносчивого характера и постоянных просьб о денежных выплатах архимандрита Венедикта отстранили от работы и просили прислать из Константинополя другого учителя¹³⁴. После нескольких попыток привлечь греков к исправлению старых богослужебных книг, стало понятно, что присылаемые учителя больше заботятся о получении денежных выгод, чем о действительном книжном исправлении. Так Москва постепенно сформировала негативное отношение к грекам, которые к тому же стали подозреваться в зараженности латинскими учениями.

Основанием для подозрения греческих учителей в «зараженности» чуждыми православию идеями послужил и тот факт, что греческая ветвь

¹³² Там же.

¹³³ Камышников А.В. Указ. соч.

¹³⁴ Карташев А.В. Указ. соч. С. 123.

православия уже длительное время развивалась в среде католических протестантских влияний, а часть православного греческого мира находилась под властью мусульманских правителей. Московское духовенство стало утверждаться в мнении, что современные им греки давно «замутили чистую воду святоотеческого учения» инославными латинскими идеями. Таким образом, русская политическая элита понимала необходимость формирования собственной системы образования, основанной на традиционных духовных практиках, но при этом позволяющей составлять конкуренцию «латинскому» Западу с его систематизированной богословской ученостью.

Греческие учителя перестают выступать в глазах Москвы авторитетными источниками помощи и со второй половины XVII в. появляются попытки обратиться за поддержкой к киевской школе богословов. Результатом станет окончательное изменение государственной политики в области культуры, ставшей заметно «европеизированной» и приведшей в итоге к государственным и церковным реформам императора Петра I.

Одновременно с этим, русская культура XVII в. сохраняла значительные восточные компоненты, что выражалось в таких, отмеченных иностранцами, привычках как: ношение одежды по назначенному образцу соответствующему статусу человека в обществе; привычке писать не на столе, а на коленях; приветствовать царя, распластываясь перед ним на земле (челобитие) и устройству государственных приемов со всей пышностью восточной традиции. Во второй половине XVII в. тосканский посол Яков Рейтенфельс так описывал русские обычаи: «они имеют обыкновение спать после обеда, берут пищу с блюда пальцами, при встрече целуют друг друга или отвешивают глубокие поклоны, постоянно упражняются в верховой езде и стрельбе из лука, свободное время, как персы, проводят за игрой в шашки... Пренебрегая каменными домами, они совершенно справедливо полагают, что гораздо здоровее, по причине сильных и постоянных холодов,

запираться, подобно татарам и китайцам, в деревянные... Мосхи постоянно открыто всюду заявляют, что Богу и царю все возможно и все известно, что только Богу и царю они готовы отдать все, что только имеют наилучшего, и даже самую жизнь...»¹³⁵.

В начале XVII в. такое нарушение русских обычаев как, например, отсутствие у Лжедмитрия привычки спать после обеда послужило слухам о «подменности» царя. О привычке к деревянным домам может послужить такой факт: итальянскими мастерами для царя Михаила Федоровича был построен каменный дворец, но царь предпочитал проводить время в деревянных хоромах, считая их более полезными для здоровья. Особая привычка к проявлению набожности выразилась в официальном указе 1648 г. царя Алексея Михайловича о запрете работать в воскресные и праздничные дни, обязательном соблюдении поста и посещении церкви. Сам царь Алексей отстаивал на богослужении до шести часов в день и совершал ежедневно до тысячи земных поклонов. Летний дворец, возведённый в Коломенском, представлял собой вид русского терема. Царская корона была доставлена из Константинополя, а царский трон изготовили персидские мастера. В то же время в царских покоях появилось множество зеркал и механических часов, что указывает на проникновение европейской культуры на самом бытовом уровне. Более того, в обиход вошли изящные европейские ткани, а на столах появились серебряные и золотые кубки, украшенные искусной гравировкой, свидетельствуя о растущем вкусе к изысканности и демонстрации богатства.

Влияние новаторских экспериментов боярина Б.И. Морозова на царя Алексея можно увидеть в том, что в 1664–1665 гг. было основано царское экспериментальное хозяйство – поместье Измайлово. Разосланные гонцы привезли для царского измайловского хозяйства много семян и саженцев, среди которых ранее нехарактерные для русских земель грецкий орех, виноград, хлопчатник, тутовое дерево. По причине крайне неблагоприятных

¹³⁵ Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии / С лат. пер. Алексей Станкевич. М.: тип. О-ва распространения полез. кн., арендуемая В.И. Вороновым, 1905. С 347 - 348.

условий, часть привезенных семян и саженцев не смогли взойти или прижиться, но часть из них (например, виноград и грецкий орех) смогли адаптировать к русской почве¹³⁶.

Еще одно экономическое нововведение – мануфактурное и заводское производство. Первые попытки освоения процессов механизированного изготовления изделий из железа, стекла и сафьяна, мануфактурное производство льняных тканей послужили началом дальнейшего развития экономики государства, но одновременно являлись примером взаимовлияния и обмена между культурами Запада и Востока. Вместе с тем, такое изменение экономического поля привело к формированию новых социальных реалий, где общая, светская культура стала явно отделенной от культуры духовной, что указывает на сильное влияние западноевропейских культурных процессов.

Таким образом, в данной главе были рассмотрены основные тенденции развития русской культуры первой половины XVII в. (вестернизация и обмирщение) и модернизация, которая охватила русское общество в различных сферах жизни после Смуты. В этих сложных процессах взаимовлияния и взаимообогащения, когда старые традиции переплетались с новыми веяниями, рождались уникальные произведения искусства и литературы, отражавшие дух времени. Философские трактаты, летописные своды, жития святых, поэтические сборники и драматические постановки становились не просто свидетельствами эпохи, но и мощными инструментами формирования общественного сознания. Они задавали нравственные ориентиры, определяли систему ценностей, формировали представления о прошлом, настоящем и будущем.

¹³⁶ Рогатко С.А. История продовольствия России с древних времён до 1917 г. Историко-экономический взгляд на агропромышленное развитие Российской империи. М.: Русская панорама, 2014. 1024 с.

Именно через призму художественного слова, через образы и символы, народ осознавал свою общность, свою историю, свою культуру. Таким образом, деятели культуры, осознавая свою ответственность перед потомками, не только фиксировали ход истории, но и активно участвовали в ее создании, формируя фундамент для будущих поколений. Их вклад в развитие национальной культуры и самосознания невозможно переоценить, ведь именно они, связывали прошлое с настоящим, создавая прочную ткань национальной идентичности. Одним из наиболее ярких представителей этого активного творческого слоя своего времени был князь Семен Иванович Шаховской, совмещавший светскую жизнь администратора, военачальника и придворного с созданием обширного литературного наследия, отразившего противоречия и устремления эпохи.

ГЛАВА 2. СЛУЖЕБНАЯ КАРЬЕРА И БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О ЖИЗНИ КНЯЗЯ С. И. ШАХОВСКОГО

2.1. Происхождение рода и ранние годы жизни. Смутное время (до 1618 г.)

Русский княжеский род Шаховских довольно обширен и принадлежит к одной из ветвей Рюриковичей¹³⁷. Он был включен в составленную в 1687 г. Бархатную книгу – список значительных аристократических семей России¹³⁸. Шаховские являются большим и разветвленным родом. Уже в начале XIX в. они были записаны в родословные книги Московской, Курской, Новгородской, Псковской, Смоленской, Санкт-Петербургской, Тверской, Харьковской губерний. Родовой герб Шаховских упомянут во второй части Общего Гербовника дворянских родов Российской империи¹³⁹.

Происхождение рода князей Шаховских связано с именем прославленного в лике святых смоленского князя, потомка Владимира Мономаха, Федора Ростиславовича (ок. 1240-1299). Он имел сына – князя Давида Федоровича (ум. 1321 г. и также был прославлен в лике святых), который получил себе в удел город Ярославль, откуда и начала расширяться линия его потомков. Правнук князя Давида Федоровича Константин Глебович княжил в Ярославле и был воеводой в Нижнем Новгороде (1482), и именно он, согласно летописям, имел прозвище Шах¹⁴⁰. Его сыновья, Андрей Константинович и Юрий Константинович, считаются родоначальниками фамильной династии, так как они уже назывались Шаховскими. Семен

¹³⁷ Боярская книга 1639 года. / Сост. Буганов В.И., Рогожин Н.М., Лукичев М.П. Институт российской истории РАН, 1999. С 184 - 185.

¹³⁸ Новиков Н.И. Родословная книга князей и дворян Российских и выезжих (Бархатная книга). В 2-х частях. М.: Тип: Университетская тип. 1787. Часть 2. С. 411; Род князей Шаховских // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб., 1890–1907. Т. XXXIX (1903): Чугуев – Шен, С. 227 - 228; Дворянские роды Российской империи / Авторы-составители: П. Гребельский, С. Думин, А. Мирвис, А. Шумков, М. Катин-Ярцев. СПб.: ИПК «Вести», 1993. Т. 1. С. 257 - 264.

¹³⁹ Общий гербовник, Т. II, Л. 6., Титул «Князья», Часть родословной книги V, II. // URL: <https://gerbovnik.ru/arms/156.html> (дата обращения: 11.04.2024)

¹⁴⁰ Экземплярский А.В. Ярославские владетельные князья. Ярославль: Тип. Губ. Правления, 1887. 74 с.

Иванович Шаховской был представителем пятого колена от Константина Шаха.

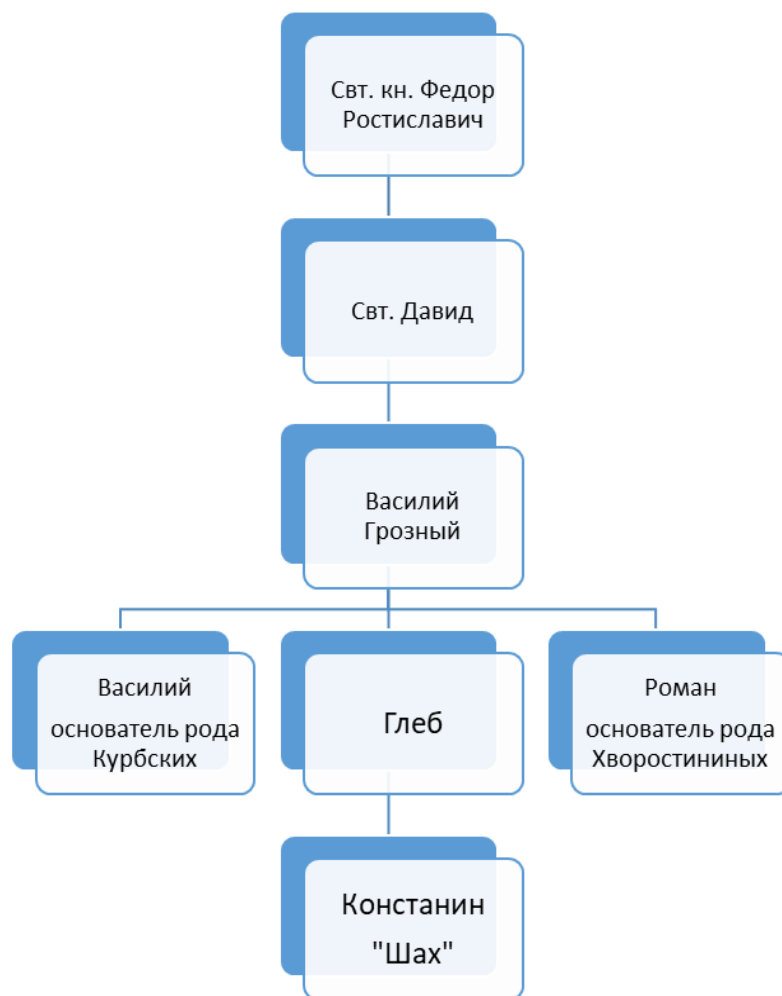

Диаграмма 1. Происхождение рода князей Шаховских¹⁴¹.

Интересно отметить, что от предка Семена Ивановича происходят также князья Курбские и Хворостинины, чьи представители вошли в историю России как знаменитые личности.

Сыном Константина Глебовича был князь Андрей, оба сына которого носили имя Александр. Первый имел прозвище «Драница», то есть дранка, щеп¹⁴², второй – Александр получил прозвище «Шемяка» (от монгольского «чимэк» - украшение). Единственным сыном Александра Драницы был Иван,

¹⁴¹ Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым: в 4-х частях. СПб.: Тип. Карла Вингебера, 1854-1857. / Ч. 1. 1854. С. 167.

¹⁴² Дьяченко Г.М. Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древне-русских слов и выражений). М.: Тип. Вильде, 1900. Т. XL. С. 153; Седакова О.А. Словарь трудных слов из богослужения: церковнославяно-русские паронимы. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2008. С. 114; Плетнева А.А., Кравецкий А.Г. Церковнославянский язык. Учебное издание для общеобразовательных учебных заведений, духовных училищ, гимназий, воскресных школ и самообразования. Изд. 4-е. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2006. 272 с.

но данная ветвь Шаховских не получила продолжения. Зато у Александра Шемяки родилось шестеро сыновей, которые и дали дальнейшие ветви рода князей Шаховских, хотя некоторые из этих ветвей и угасли впоследствии¹⁴³.

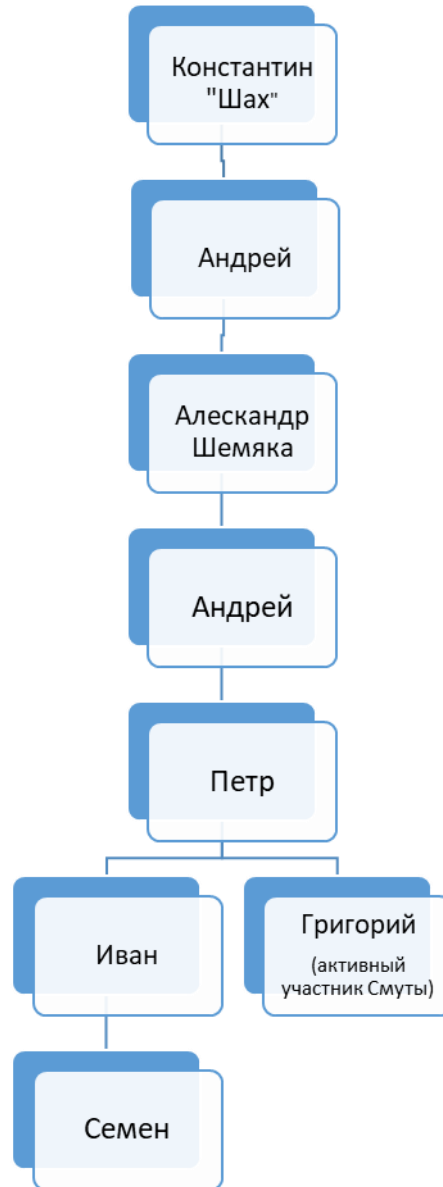

Диаграмма 2. Происхождение С.И. Шаховского¹⁴⁴.

Так как в потомках Константина Глебовича Шаха преобладали дети Александра Шемяки, то многие представители этого княжеского рода назывались Шемякиными, но начиная с XVII в. все ветви именуются

¹⁴³ Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым... С. 167.

¹⁴⁴ Там же.

Шаховскими (к этому времени известно восемь основных ветвей рода князей Шаховских)¹⁴⁵.

В период XV-XVI вв. представители рода Шаховских хотя и были многочисленны, но занимали второстепенные позиции русской элите и как род какого-либо заметного влияния на общественно-политическую жизнь Руси не оказывали. После присоединения Новгородской земли внук Константина Шаха Александр Шемяка (1440/1450 - после 1495) получил владения в Деревской пятине, где и жили в качестве помещиков последующие представители рода. Здесь владел землями дед Семена Ивановича – Петр Андреевич Шаховской (1520-е – после 1561). Его родной племянник Леонтий Иванович был первым, кто сумел выбраться из провинции и сделать себе карьеру в столице. Он прожил долгую жизнь (родился около 1550 г., а умер около 1627 г.) обладая большими земельными богатствами в Зубцовском, Ржевском, Новоторжском и Московском уездах. Его сын Никита (1580/1590-е? - после 1639) значился дворянином московским и был женат на представительнице рода Стрешневых (Стрешневой была и жена царя Михаила Федоровича). Один из сыновей Петра Андреевича, Григорий, известный активный участник Смуты (1560-е - после 1612). С.И. Шаховской был племянником князя Григория. Его собственный отец, Иван Петрович (1570 - после 1606) погиб в бою еще относительно в молодом возрасте.

Говоря о главной персоне настоящего исследования – князе Семене Ивановиче Шаховском, необходимо отметить, что точная дата его рождения до настоящего времени неизвестна, но ясно, что это произошло в последней трети XVI в. Тоже можно сказать и о дате его кончины, которая фиксируется в районе между июлем 1654 г. и августом 1655 г. Сложно сказать что именно послужило основанием для появления у князя С.И. Шаховского прозвища «Харя» (личина, маска). Можно предположить, что возможно это было

¹⁴⁵ Барсуков А.П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб.: тип М.М. Стасюлевича, 1902. С. 597 – 598.

связано с его внешним обликом, либо с особенностями характера и поведения. С другой стороны, следует помнить, что маска – атрибут скомороха, а князь всю жизнь занимался литературным творчеством, которое могло восприниматься современниками по аналогии с творчеством этих русских паяцев¹⁴⁶.

Сведения о начале своей служебной карьеры С.И. Шаховской изложил в своем позднем сочинении «Домашние записки», где, помимо общеисторических фактов о Смутном времени, описывается период его жизни с 1601 по 1649 гг.¹⁴⁷. Правда, рассказывая о своем видении российских событий 1601–1606 гг. Шаховской не давал подробной информации о своей деятельности и участии в них, относящихся к данному периоду Смутного времени. Кроме того, указывая, что после убийства «вора» Лжедмитрия I на престол уже 9 июля взошел царь Василий Шуйский, Шаховской ошибается в дате коронации, которая состоялась на месяц раньше. В этой связи не следует доверять ранним сведениям автобиографии. Точно известно, что он начинал служить в Москве, возможно благодаря родственным связям. Однако его положение в придворной иерархии остается не понятным, так как род Шаховских не принадлежал к особенно знатным. Уже сам факт того, что князь начинал карьеру при дворе является признаком хорошего старта для него, как молодого дворянина.

Первое воспоминание самого князя связано с приездом польских послов в Москву в 1601 г. Он сообщает о том, что участвовал в этой встрече с посланниками короля, а значит занимал заметную придворную должность¹⁴⁸.

Каким образом сыну новгородского помещика удалось так успешно начать карьеру остается не понятным, ни один биограф С.И. Шаховского не дает ответ на этот вопрос. Можно только предположить, что были замечены его литературные способности и познания в области богословия, которые

¹⁴⁶ Панченко А.М. Я эмигрировал в Древнюю Русь. СПб: Журнал «Звезда», 2008. 544 с., С. 42-54.

¹⁴⁷ Шаховской С.И. Домашние записки // Московский вестник. 1830. № 5. С. 61-73.

¹⁴⁸ Там же. С. 61.

всегда признавались современниками. В этой связи большую роль в возвышении молодого писателя и поэта мог, предположительно, сыграть кто-то из высших церковных иерархов.

Некоторые сведения о первом упоминании С.И. Шаховского приводит М.П. Лукичев, в частности указывая, что князь получал особое жалование¹⁴⁹. В 1604 г. С.И. Шаховской расписался о получении отцовского жалованья в 10 рублей. Во время первых лет гражданской войны в России С.И. Шаховской находился в столице. Он был свидетелем свержения власти Годуновых и воцарения Лжедмитрия I. Никаких прямых сведений о нем в эти годы нет, но известно, что его друг князь И.А. Хворостинин входил в круг приближенных Лжедмитрия. Кроме того, дядя Семена Ивановича, Григорий Петрович, был также из числа ближнего окружения самозванца, он входил даже в круг его советников. После того как Лжедмитрий был убит 27 мая 1606 г. и к власти пришел В.И. Шуйский, С.И. Шаховской остался при дворе, но ситуация менялась уже не в его пользу.

В июне 1606 г. войско, собравшееся по приказу Лжедмитрия для похода на Азов в Ельце, взбунтовалось и отказалось признать Шуйского царем, хотя ранее присягнуло ему на верность. Свою роль сыграли слухи о спасении «Дмитрия» и его нахождении в Польше¹⁵⁰. На подавление восстания в составе войска был отправлен с группой аристократов и молодой С.И. Шаховской. Однако вскоре в Москве узнали, что слухи о «чудесном спасении истинного царя» распускал его дядя Г.П. Шаховской, бежавший в Польшу с государевой печатью. Там же он стал одним из вдохновителей идеи о новом самозванце – Лжедмитрии II. Свою отрицательную роль сыграла и опала И.А. Хворостинина, угодившего в ссылку в монастырь.

В итоге во время службы под Ельцом С.И. Шаховской по царскому указу был арестован и сослан в Новгород, по пути в который он получает

¹⁴⁹ Лукичев М.П. Указ. соч.

¹⁵⁰ Ляпин Д.А., Воробьев А.В. Восставшие рубежи: народные движения в южнорусской провинции в 1606-1612 гг. // История в подробностях. 2010. № 5. С. 58-68.

новое царское распоряжение «жить до указа в деревне»¹⁵¹. Это была его первая опала, которую он хорошо запомнил. В «Домашних записках» чувствуется обида на Василия Шуйского за этот арест молодого аристократа прямо на виду у войска. С.И. Шаховской сетует на то, что ему даже «никакой вины не сказали», но приставы велели ехать в деревню, хотя там свирепствовали чума и мор¹⁵².

Видимо в эти трудные времена будущему писателю пришлось нелегко, и он хорошо запомнил свои переживания. С этого времени его отношение к царю Василию Шуйскому никогда не было положительным. Как и многие аристократы своего времени, С.И. Шаховской оказался обижен подозрительностью нового царя, его бескомпромиссностью и скоропалительностью решения. Скорее всего на молодого придворного поступил донос от желающих угодить нового монарху, который и стал основанием для ссылки в деревню, охваченную чумой.

Тем временем войска Шуйского не смогли взять Елец и уже в сентябре 1606 г. отступили, узнав о начавшихся волнениях в рязанских местах¹⁵³. Мятежная армия двинулась на Москву и вскоре соединилась с войском нового лидера восставших – И.И. Болотникова. Сам Болотников некогда попал в турецкий плен и возвращался в Россию через Польшу, где случайно оказался в центре политических интриг. Не без участия Г.П. Шаховского его убедили, что «истинный царь Дмитрий» жив и назначили его главным воеводой. Однако мятежники не смогли взять Москву и отступили в Тулу. В 1607 г. войска Шуйского осадили этот город. В это же время С.И. Шаховского вызвали в Москву, где он, судя по всему, и провел 1608-1609 гг. Это возвращение скорее всего было связано с тем, что князю не доверяли, боялись, что тот перейден под знамена нового самозванца.

Так закончилась первая опала С.И. Шаховского. В столице пригодился его литературный талант. Он принял участие в составлении жития недавно

¹⁵¹ Русский биографический словарь. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1905. Т. 22. С. 586 - 589.

¹⁵² Шаховской С.И. Указ. соч., С. 61.

¹⁵³ Ляпин Д.А., Воробьев А.В. Указ. соч. С. 60.

канонизированного царевича Дмитрия Углицкого, сына Ивана Грозного, трагически погибшего в 1591 году¹⁵⁴. Житие создавалось летом 1606 г. при участии ростовского митрополита Филарета Романова, которого прочили в патриархи. С этого времени наблюдается устойчивый авторский интерес С.И. Шаховского к образцу невинно погибшего царевича Дмитрия, и событиям, предшествующим Смуте. Через 10 лет, уже в спокойные 1620-е годы, в порыве творческого вдохновения князь напишет сразу три исторических сочинения на «смутную» тему, одно из которых было специально посвящено Дмитрию Углицкому¹⁵⁵. Привлечение С.И. Шаховского к составлению жития добавило значимости и позволило укрепить позиции при дворе. Однако как известно патриархом стал не Филарет Романов, а Гермоген, более угодный Шуйскому. Маловероятно что это как-то сказалось на карьере начинающего писателя.

Для царя Василия Шуйского канонизация царевича была принципиально важным моментом его идеологической кампании по борьбе с самозванцами, воюющими с ними под именем сына Ивана Грозного. Важно, чтобы житие было понятным и получило популярность в широких массах. Кроме того, биография Дмитрия Углицкого рисовала сложный образ несправедного, хотя и способного правителя - Бориса Годунова, которого многие еще хорошо помнили¹⁵⁶.

Однако авторитету Василия Шуйского это произведение не помогло. После того как И.И. Болотников был разбит, в Россию приехал Лжедмитрий II, сразу ставший конкурентом для московского монарха. Его появление было результатом интриг польского шляхетства, задумавшего вторжение в ослабленную Россию под прикрытием защиты интересов «истинного царя»¹⁵⁷. Новый самозванец был человеком мягким и слабовольным, фактически он являлся марионеткой. Вскоре поляки и русские мятежники с

¹⁵⁴ ОР РГБ. Ф.304/1 № 679.

¹⁵⁵ Кукушкина М.В. Указ. соч.

¹⁵⁶ Ляпина С.М. «Злополучный Борис!»: рецепция личности Бориса Годунова в русской культурной традиции // История: факты и символы. 2019. №4 (21). С. 68-80.

¹⁵⁷ Тюменцев И.О. Смута в России начала XVII столетия: движение Лжедмитрия II. М.: Наука, 2008. 686 с.

новой большой армией подошли к Москве, чтобы взять город приступом. По свидетельству С.И. Шаховского он сражался на стороне Шуйского: в 1608 г. принимал участие в боях на Ходынке и в Рахманцове. Однако оба этих сражения не принесли успеха большой войску Василия Шуйского, но и взять столицу у его противников не вышло.

Тогда Лжедмитрий II частично окружил город, сделав своей резиденцией подмосковное село Тушино. Сюда к нему стекались все, кто был недоволен властью московского царя, становившегося подозрительнее и жестче к своим подданным. Со временем Шуйский показал себя крайне неумелым правителем: он потерял авторитет среди знати, втянул страну в открытую войну с Польшей, а также и со Швецией. В 1610 г. вместе с князьями Бахтеяровым и Бутурлиным перешел в тушинскую ставку Лжедмитрия II и С.И. Шаховской¹⁵⁸. Сам князь указывал, что в это время на сторону Лжедмитрия II переходили многие русские дворяне, что скорее выглядит как попытка найти оправдание или объяснение своему переходу, чем просто как указание на исторический факт. 20 июля 1610 г. Василий Шуйский был свергнут, а 27 августа 1610 г. на московский трон было решено пригласить сына польского короля Сигизмунда III, молодого Владислава на приемлемых для русской элиты политических (ограничение власти) и религиозных (переход в православие) условиях.

Вместе с другими противниками Шуйского С.И. Шаховской отправился к польскому королю Сигизмунду в ставку под Смоленск, который первое время должен был решать дела за своего сына. Князь жаловался на несправедливость: до сих пор он не имеет достаточно земель, хотя после смерти отца в 1606 г. участвовал в различных военных событиях, защищая Москву, что сильно подорвало его имущественное положение. Сигизмунд принял русских просителей милостиво и пожаловал всех землями¹⁵⁹.

¹⁵⁸ Корсаков Д.А. Указ. соч.

¹⁵⁹ Лукичев М.П. Указ. соч.

Как известно польский гарнизон вскоре занял столицу по просьбе оказавшихся в Кремле у власти бояр, сильно опасавшихся Лжедмитрия II, и не вышел из города даже после того, как самозванец был убит, а его армия разбежалась. После этого С.И. Шаховской вернулся на военную службу и был направлен боярами в Новгород. Летом 1611 г. город был захвачен шведами, но князю удалось избежать плена, и он покинул город. Вернувшись в столицу, он застал момент общего разочарования в Сигизмунде, который вместо того, чтобы отпустить сына в Москву, решил развернуть активные боевые действия и попытаться захватить ослабленное государство. С.И. Шаховской отказался поддержать поляков и поддержал Второе ополчение (его отношения с лидерами Первого не известны). Еще до освобождения Москвы от поляков он отправился полковым воеводой в Торопец, где защищал интересы К. Минина и Д.М. Пожарского.

В 1613 г. С.И. Шаховской поддержал избрание на трон Михаила Федоровича Романова. С этого момента, не имея возможности для достаточно отдыха, он активно участвовал в освобождении России от иноземных врагов. В том же году князь был направлен под Смоленск под началом воеводы князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского. Осада Смоленска стала частью русско-польской войны, во время которой князь С.И. Шаховской принял участие во взятии поселений Вязьма, Белой, Дорогобуж. Поход на Велиж в 1614 г. закончился для него ранением, но он все равно продолжил оставаться на войне и принял участие в сражении с поляками в битве на Гамовом поле (с князем И.Ф. Троекуровым), а под Мстиславлем получил еще одно ранение. После этого он потерял боеспособность и получил приказ ехать на службу в Москву, но так и не получил отпуск в деревню¹⁶⁰.

В 1614 г. ему наконец устанавливается оклад на основании военной службы под Смоленском, о чем сделана запись в приходно-расходных книгах этих лет. При установлении оклада за С.И. Шаховского «по службе и в

¹⁶⁰ Шаховской С.И. Указ. соч. С. 64-65.

деньгах» поручился его родственник из первой ветви рода Шаховских – князь Иван Федорович Шаховский по прозвищу «Большой»¹⁶¹. Отметим, что не были учтены другие заслуги князя, в частности, его поддержка Второго ополчения.

В том же году в жизни князя начинается «черная полоса». Несмотря на усердную службу он попадает в новую, вторую опалу. Его шаткое положение при дворе ясно демонстрирует сохранившееся до нашего времени дело о тяжбе с холопом касимовского царевича Араслана Алеевича Д. Корниловым.

Данное дело сохранилось в РГАДА в фонде «Приказные дела старых лет»¹⁶². Оно было включено в описание древнейших документов из архивов московских приказов XVI – начала XVII века, составленное Н.П. Воскобойниковой¹⁶³. Само дело занимает 21 лист. В целом сохранность страниц вполне удовлетворительная (на одном листе имеются дыры). В начале дела есть запись XIX в. с печатью «московского архива М.И.Д.»: «Челобитное дело касимовского царя Арслана Алеевича, что человек Микитка Корнилов на князе Семене Шеховском искал. 1615.»

Хранение документа в архиве министерства иностранных дел (его печатями помечены листы дела) связано, по-видимому, с тем, что это ведомство унаследовало архив Посольского приказа, а именно он ведал делами Касимовского ханства.

Тяжба началась с того, что 10 февраля 1615 г. на С.И. Шаховского в Ссудный приказ боярину Владимиру Тимофеевичу Долгорукову поступила челобитная от холопа касимовского царя Араслана Алеевича Дмитрия Корнилова¹⁶⁴. Тот сообщал, что на Николин день (6 декабря) 1614 г. он отправился в Ярославль по приказу Араслана Алеевича к воеводе И. В. Лодыгину с царским указом о немедленной передаче имущества покойного дяди Араслана. Забрав несколько телег ценных вещей, Корнилов поехал в Касимов через Ростовский уезд, и тут на него напал князь С.И. Шаховской со

¹⁶¹ Лукичев М.П. Указ. соч.

¹⁶² РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 4. Л. 21.

¹⁶³ Воскобойникова Н.П. Указ. соч. С. 35-36.

¹⁶⁴ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.

своими людьми. Это случилось сразу после того, как он проехал с. Ставотинное в Ростовском уезде (сегодня – Ставотино, Ярославской области). Разбойники набросились на него, а сам князь «учал бить и грабить», а после полумертвого холопа бросил в лесу. Затем подробно перечислялось «награбленное» имущество – всего почти на 32 рубля. Затем Корнилов отправился в д. Игольницы (она принадлежала ростовскому митрополиту), где рассказал о случившемся людям, и местный крестьянин проводил его в Ярославль. В городе он подал жалобу воеводам на то, что его ограбил С. И. Шаховской. В качестве доказательства истец ссылался на жителей Игольниц и ярославских воевод¹⁶⁵.

Такие доказательства не считались достаточным основанием для установления вины, поскольку князь С.И. Шаховской отрицал причастность к произошедшему. Странно было то, что в 1614 г., когда разбойников на дорогах было еще много, столь важное дело, как перевозка телег с ценным добром, было поручено одному человеку. Также подозрительно, что сильно избитый холоп дошел до деревни, причем не той, что была ближе – Ставотинное, а оказался далеко в землях ростовского митрополита. В своем письменном ответе С.И. Шаховской заявил, что ссылки на воевод не могут быть приняты во внимание, ведь те узнали о случившемся от обвинителя, а крестьяне Игольниц – друзья Корнилова¹⁶⁶.

Еще до того, как истец обратился в Ссудный приказ, в Ярославле при местных воеводах он передал С.И. Шаховскому «отпись» того, что было якобы награблено. Следственная комиссия попросила князя показать этот документ, но тот не смог этого сделать, заявив: «была у него та отпись в коробе в его князя Семенова животех и как на него была государева опала в прошлом в 123 году (т.е. до сентября 1614 – С.В.) и он тою свою коробью поставил у брата своего... и брат его ныне в Можайску», и попросил отсрочки, «чтоб ему отпись положить» перед судьями¹⁶⁷.

¹⁶⁵ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 4. Л. 7.

¹⁶⁶ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 4. Л. 9.

¹⁶⁷ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

После этого оба участника спора были отпущены. Затем 14 февраля вновь начался суд, на котором В.Т. Долгоруков заявил, что нет никаких доказательств вины С.И. Шаховского, «потому что сего дела оприч крестного целования вершить не чем и велел исца и ответчика поставить перед собою» для принесения клятвы. Однако С.И. Шаховской пришел в Ссудный приказ 15 февраля и подал челобитную с просьбой отсрочить тяжбу до первого воскресения великого поста.

Следует заметить, что сама процедура судебного разбирательства князя с холопом была оскорблением и унижала достоинство потомка ярославских князей, служившего когда-то при дворе. Но дело продолжалось: в мае 1615 г. С.И. Шаховского вновь вызвали в Ссудный приказ, где он подал свои показания, отрицающие причастность к грабежу. К этому времени из Ярославля по запросу Ссудного приказа от воевод была получена опись имущества, которое вез с собой холоп касимовского хана. К сожалению, объяснения С.И. Шаховского не сохранились в документации или не были почему-то приложены к делу. Однако точно известно, что князь предоставил «отпись», которую дал ему Корнилов вначале дела, обвиняя в грабеже. Сравнение описи ярославских воевод с описанием «награбельного» имущества показывает, что якобы ограблен был только сам истец, а все вещи касимовского царевича были целы. Сам Араслан Алеевич в это дело демонстративно не вмешивался. Само собой, следствию было непонятно, почему грабители не взяли дорогостоящие вещи из ханских сундуков, а ограничились только грабежом скудных вещей перевозчика и его избиением. После этого стороны решили дело миром. Служебные издержки выплачивались со стороны истца¹⁶⁸.

Интересно, что одним из дьяков, записавших показания этой очной ставки, был Савва Романчуков, сын которого, Алексей, занимался поэтическим творчеством и тоже служил в московских приказах. Между

¹⁶⁸ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 4. Л. 15.

прочим Романчуковы – выходцы из Ярославского уезда, где они имели земли и, весьма вероятно, были знакомы с С.И. Шаховским¹⁶⁹.

После окончания тяжбы С.И. Шаховской был направлен под начало князя Д.М. Пожарского для борьбы с вторгшимся в Россию известным польским военачальником Александром Лисовским. Уже летом начались ожесточенные бои с поляками под Орлом, где С.И. Шаховской, по-видимому, принимал участие¹⁷⁰.

Судебное дело холопа Дмитрия Корнилова против С.И. Шаховского свидетельствует об опальном положении князя. Московские власти всячески стремились показать ему свое негативное отношение, допуская подобные унижительные разбирательства и обвинения. Ведь жалобу на С.И. Шаховского подал не сам царевич Араслан Алеевич и не его приказчик, а холоп, и этому делу был дан ход. Показательно и то, что обе стороны пошли «на мировую», и все обвинения были сняты, даже судебные издержки оплатил Корнилов. Видимо никто изначально и не полагал доказать вину С.И. Шаховского, важнее было поставить его в приниженное положение¹⁷¹.

Итак, в 1615 г. у С.И. Шаховского появляется возможность проявить себя в боях с А. Лисовским. Вражеский рейд был направлен на то, чтобы отвлечь русские войска от осады Смоленска, но представлял еще и опасность как грабительская акция, так как этот поход не финансировался из казны Речи Посполитой, а предполагал самообеспечение за счет военной добычи. В ходе рейда войско Лисовского не только производило разграбление захватываемых территорий, но и сожгло города Орел, Торжок. После череды побед и поражений «лисовчики» (так назывались участники войска Лисовского) ушли в смоленские земли, которые на тот момент контролировались польскими войсками.

В целом боевые действия русской армии под руководством Д.М. Пожарского в борьбе с рейдом А. Лисовского были не удачны. Поляки

¹⁶⁹ Виршевая поэзия (первая половина XVII века) / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. В.К. Былинина, А.А. Илюшина. М.: Советская Россия, 1989. С. 435.

¹⁷⁰ Буланин Д.М. Указ. соч.

¹⁷¹ Ляпин Д.А., Волков С.А. Указ. соч.

произвели много грабежей и ушли в свои пределы. Глава русской армии Д.М. Пожарский оказался под критикой придворных и родственников царя Михаила, проиграл местнический спор временщику Б.М. Салтыкову и попросился в монастырь. Реакция на эту просьбу была суровой: воеводу сняли с должностей и запретили являться во Дворец.

Измученный участием в погоне за «лисовчиками» С.И. Шаховской в это время подал челобитную об отпуске в деревню, указывая в ней, что «заволочен: со службы да на службу». Но в Москве были крайне недовольны этой просьбой и обвинили князя в отказе от службы, расценив его поступок как поддержку опального Д.М. Пожарского. В результате С.И. Шаховской тоже попадает в опалу и оказывается сослан в северную Унжу, но затем его возвращают в Москву¹⁷².

История второй опалы С.И. Шаховского очень показательна и представляет отдельный интерес. Дело в том, что в это время он пишет одно из самых своих известных сочинений – послание в защиту князя Д.М. Пожарского, с которым он видимо находился тогда в дружеских отношениях. Здесь необходимо отметить следующий показательный факт, а именно, наличие у Д.М. Пожарского земельных владений в Нижегородском уезде, которые являлись соседними с владениями представителей семейства Шаховских¹⁷³. Поэтическое послание Д.М. Пожарскому не содержало прямой критики властей, но выказывало слишком много сочувствия попавшему в опалу герою освобождения Москвы в 1612 г. Оно также содержало рассуждения о скоротечности земной истории и смене царей¹⁷⁴.

С.И. Шаховской, будучи представителем знатного княжеского рода и участником освобождения столицы от иностранных интервентов, оставался

¹⁷² Малюта Е.Г. Князь Семен Шаховской на Русском Севере (к изучению творческой биографии писателя) // Рябининские чтения – 2023. Материалы IX конференции по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2023. С. 43-45; Волков С.А., Ляпин Д.А. Указ. соч.

¹⁷³ Нижегородский край в конце XVI – первой половине XVII века (Акты приказного делопроизводства). Сост.: Б.М. Пудалов. Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, 2009. 288 с.; Материалы по истории Нижегородского края конца XVI – первой четверти XVII века: в 2-х ч. / Сост.: А.В. Антонов, А.А. Булычев, В.А. Кадик, С.В. Сироткин. М.: Древлехранилище, 2015. Ч. 2. 960 с.

¹⁷⁴ Ляпин Д.А. «Всяко земное житие пара есть и сон»: время и обстоятельства написания С.И. Шаховским послания князю Д.М. Пожарскому // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2018. № 2 (10). С. 77-90.

на службе при дворе, но вскоре был направлен участвовать в военных действиях. Так он вновь оказался под Смоленском в числе воюющих против поляков, а также участвовал во взятии Вязьмы, Белой, Дорогобужа, но при таком активном участии в боевых действиях каких-либо наград или пожалований он удостоен не был¹⁷⁵. Результатом стало трудное материальное положение, которое способствовало конфликту с установившейся властью в лице влиятельных родственников матери избранного царя Михаила Романова¹⁷⁶.

Князь Д.М. Пожарский имел схожую судьбу. Его опала сильно повредила репутации действующей власти и вызвало осуждения в обществе¹⁷⁷. В 1616 г. Д.М. Пожарский был отправлен участвовать в боевых действиях против поляков и шведов и хотя продолжал получать важные дела, но главным воеводой уже никогда не назначался. Таким образом новая власть старалась не допускать возвышений тех, кто получил популярность во время войны с поляками и освобождения Москвы в 1612 году¹⁷⁸.

В таких условиях и было написано послание к Д.М. Пожарскому – одно из самых известных сегодня произведений С.И. Шаховского. Можно предположить, что само послание дошло до наших дней не в полном виде, на что указывают два обстоятельства: в первой строке указано, что произведение содержит акrostих, но в сохранившейся версии он отсутствует; далее в тексте встречается фраза-сравнение героев событий 1612 г. с ветхозаветной Юдифью «яко же прежде помянутой», однако в произведении упоминаний Юдифи не обнаруживается. Возможно, произведение было отредактировано С. И. Шаховским, который исключил из текста фрагменты, дискредитирующие его в глазах действующей власти.

Послание С.И. Шаховского князю Д.М. Пожарскому начинается с богословских рассуждений и выражения благодарности: *«И хотим*

¹⁷⁵ Корсаков Д.А. Указ. соч.

¹⁷⁶ Козляков В.Н. Михаил Федорович. М.: Молодая гвардия, 2004. 346 с. С. 94-119; Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 211-222.

¹⁷⁷ Эскин Ю.М. Очерки истории местничества в России XVI-XVII вв. М.: Квадрига, 2009. 508 с.

¹⁷⁸ В 1618 г. гетман Я. Ходкевич, шедший на Москву, наслышанный об унижениях Д.М. Пожарского от московских властей предполагал даже переманить его на свою сторону. Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 214.

вспомянути твою к себе милость», а в середине произведения автор вновь возвращается к этой теме:

*«Прекормил еси нас с супружником нашим и с родишими
от нас сироты.
И потом не въменил еси себе в тягость нашего же к
тебе стужения,
И не видя от нас никоторого к себе рабского
послужения,
Пожаловал нас своею великою милостию и нищих нас не
отпустил....
И довольно время твоим великим жалованием и с
червишками питался...»¹⁷⁹.*

Послание Д.М. Пожарскому составлено без четкой структуры, соединяя в себе многие смысловые и идейные образы. Большая часть произведения посвящена прославлению боевых заслуг князя и его соратников по освобождению Москвы от иностранных интервентов в 1612 г. Наглядна параллель с историей захвата турками Святой земли и попытки порабощения России иноверцами в Смутное время, но Бог сподобил *«крепких и нелестных по вере побарателей, что отогнали от нас таких злых и немилостивых наругателей»*, – говорит в своем послании С.И. Шаховской¹⁸⁰. Такое прославление героев позволяет увидеть косвенный упрек в адрес действующей власти, ничего не предпринявшей для защиты и спасения Москвы, но после Смуты, удалившей героев ополчения и даже предавшей их опале.

При обилии похвальных эпитетов в адрес военных подвигов князя Д.М. Пожарского, С.И. Шаховской пишет о своем понимании несправедливого

¹⁷⁹ Там же. С. 88.

¹⁸⁰ Там же. С. 82.

положения «поносимого» героя, указывая на то, что и сам много претерпел на данном поприще, ведь как правило, *«чужая беда и напасть никому не болит»*, однако он глубоко сопереживает Д.М. Пожарскому, ведь и сам *«вержен есть аки камень в море»*¹⁸¹.

Одновременно с тем, С.И. Шаховский обращается к князю Пожарскому с просьбой помнить о нем и не оставлять своей поддержкой:

*«Пожалуй нас грешных и призри в конечной сей беде
Да даст ти господь благая и поленая получитьи везде»*¹⁸².

Центральное место в послании занимают призывы к терпению и смирению, которые, по мысли автора, способствуют духовному совершенствованию человека. Беды и несчастья необходимо рассматривать как действие Промысла Божьего, так как, утверждает С.И. Шаховской, это напоминание о человеческих грехах. Посылаемые человеку трудности позволяют развиваться духовно и не уподобляться неразумным животным – рассуждает С.И. Шаховской как писатель-богослов¹⁸³. В послании С.И. Шаховской обращается к теме осмысления постигающих человека бед неоднократно, в частности он пишет: *«Свойственно бо есть христианом в сем житии скорби и беды терпети»*, а настигающая человека беда *«возброняет от всякия злобы»*, укрепляет терпение¹⁸⁴.

Терпение и смирение – основные мотивы послания Д.М. Пожарскому. С.И. Шаховской перефразирует строки из Соборного послания апостола Иакова *«ведомо есть, всяко земное житие пара есть и сон»*, то есть настигающие человека несчастья есть явление временной и греховной земной жизни, а значит они не могут по-настоящему повредить душе, а только укрепляют её в более высоких духовных устремлениях. Опалы или милости от земных властей не могут быть предметом подлинных

¹⁸¹ Там же. С. 87.

¹⁸² Там же. С. 90.

¹⁸³ Там же. С. 87.

¹⁸⁴ Там же. С. 84.

переживаний, так как в жизни вечной человек будет судим по духовной праведности, а не по его угодливости земным властям. Важно отметить, что С.И. Шаховской не использует прямую цитату из Соборного послания апостола Иакова, а только делает к ней отсылку, но оригинальные строки из послания дают дополнительный смысл, заключающийся не только в призыве к терпению, но и в надежде на перемены в будущем: «Вы, которые не знаете, что случится завтра: ибо что такое жизнь ваша? пар, являющийся на малое время, а потом исчезающий» (Иак 4: 14).

В своих рассуждениях С.И. Шаховской показывает, что они живут в несправедливые времена, когда людьми легко и быстро забывается посланная Богом «невзгода», но выражает надежду на всеобщее покаяние *«аже не накажемся, что нам будет от него, от своего творца»*. Цитируя фразу Христа: *«Отраднее будет Содому и Гоморе, нежели тому роду»*, С.И. Шаховской вновь отсылает к новозаветному канону и еще одному отрывку из Евангелия от Марка: *«И если кто не примет вас и не будет слушать вас, то, выходя оттуда, отрясите прах от ног ваших, во свидетельство на них. Истинно говорю вам: отраднее будет Содому и Гоморре в день суда, нежели тому городу»* (Мк 6: 11).

Так С.И. Шаховской призывает князя Д.М. Пожарского не поддерживать споры с его недругами, но положиться во всем на Бога, ведь несправедливых гонителей опального князя ждет неотвратимое наказание и *«отраднее будет Содому и Гоморре в день суда»*.

Дальше С. И. Шаховской продолжает свои рассуждения:

*«Ты же, государь, будь всегда чист душою своею и телом,
Понеже во оном веце всяк воспримет по злым и добрым
делом».*¹⁸⁵

¹⁸⁵ Там же. С. 85.

В данном случае, венец является сравнением со страданиями Иисуса Христа, символизируя торжество Высшей правды при несправедливости земных судей.

Далее С.И. Шаховской, вновь обращаясь к опальному князю, напоминает ему, что за все его несправедливые страдания будет подлинное вознаграждение и Бог за «великую правду и за кровь воздарит». Главное, по мнению С.И. Шаховского, это угодить Богу, так как именно Бог (а не земные московские власти, которые скоро забыли заслуги князя) «воздарит»:

«Аще помилован еси, государь, от небесного царя

и от земного

*Сам помилован будеши...»*¹⁸⁶.

Завершается послание надеждой на новые победы Д. М. Пожарского и на скорую их с С. И. Шаховским встречу, так как не только автор послания, но и многие люди желают князю быть бодрым и веселым:

«Мнози же паки жаждали видети радости твоего лица

*Аки дети, долго не видючи своего отца»*¹⁸⁷.

Оставляя за пределами внимания подробный анализ текста, отметим его основные мотивы: С.И. Шаховской демонстрирует поддержку и сопереживание, разделяет негодование несправедливой опалой Д.М. Пожарского и призывает последнего к христианским добродетелям терпения и смирения. По тону и характеру послания ясно, что оно написано в период, когда сам С.И. Шаховской находился в опале, т.е. в конце 1615 г. и был «ввержен аки камень в море». Сопереживание и понимание

¹⁸⁶ Там же. С. 90.

¹⁸⁷ Там же С. 91.

несправедливости московских властей указывают на то, что автор претерпевал те же невзгоды.

В 1617-1618 гг. С.И. Шаховской служил воеводой в небольшой крепости Ядрин¹⁸⁸. В это же время начинается поход повзрослевшего сына Сигизмунда III королевича Владислава на Москву, который приводит к осаде русской столицы в 1618 г. Князь С.И. Шаховской был срочно вызван в столицу и летом 1618 г. числился вторым осадным воеводой и помощником князя С.В. Прозоровского. Его отряд осуществлял свои военно-осадные функции за Яузой и видимо успешно справлялся со своей задачей¹⁸⁹.

Вплоть до 1619 г. положение С. И. Шаховского, как и положение Д.М. Пожарского, было трудным. В 1619 г. из польского плена вернулся отец царя Михаила – Филарет Никитич, ставший московским патриархом. Начинаются большие перемены при дворе. Часть прежних царедворцев была отставлена, некоторые угодили в немилость. Как мы уже отмечали в первой главе, отец царя и близкие к нему люди фактически управляли государством. Перемены случились быстро в 1619 г. и на этой волне московских политических изменений С.И. Шаховского вновь возвысили и даже наградили вотчиной в Вологде за заслуги во время обороны Москвы от Владислава. Затем писателя отправили на воеводство в Пронск¹⁹⁰.

2.2. Служебная карьера и опалы 1619-1645 гг.

К декабрю 1619 г. С.И. Шаховской числится владельцем нескольких вотчин, находящихся в Вологде, Галиче и под Москвой, а также назначен вторым воеводой и помощником князя И.А. Хованского в Вязьме¹⁹¹. Видимо в это время он пользовался некоторой поддержкой могущественного

¹⁸⁸ Корсаков Д.А. Шаховской, князь Семен Иванович, по прозванию Харя // Русский биографический словарь. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1905. Т. 22: Чаадаев – Швитков. С. 586-589; Шаховской С.И. Указ. соч. С. 66.

¹⁸⁹ Лукичев М.П. Указ. соч. С. 99.

¹⁹⁰ Барсуков А.П. Указ. соч. С. 173.

¹⁹¹ Лукичев М.П. Указ. соч. С. 100.

патриарха Филарета и мог надеяться на возвращение в Москву для службы при дворе.

Однако в 1620 г. на двоюродных братьев С.И. Шаховского поступил донос по поводу государственного преступления («воровства»): во время вечернего застолья в гостях они изображали царя и бояр. Эта пародия, известная под именем «игры в царя», была хорошо известна в России XVII в.¹⁹². Наказание за участие в таких играх было обычно весьма суровым, тем более в годы патриаршества Филарета. Всех участников было велено «за то воровство» казнить, а С.И. Шаховского отправили «в понизовые города по тюрьмам»¹⁹³. На какое-то время князь оказался под следствием, в опале, но вскоре был освобожден, поскольку не было никаких свидетельств его причастности «к играм в царя».

Новая обстановка в Кремле и положение князя С.И. Шаховского в 1620-1621 гг. могут быть поняты посредством анализа поэтического произведения, относящегося к этому времени – «Послания к другу, зело полезно». Прежде всего необходимо рассмотреть текст послания и прояснить его смысловое направление и характер, после чего мы проследим обстоятельства написания этого интересного произведения.

Приведем полный текст послания, включая название и акростих, в котором скрыто имя автора.

*Послание к некоему другу зело полезно
от божественных писаний, сложенное за премногу его любовь
и посещение его, когда ему случися стрегому
быти в царстей опале суцу неповину*

Сие писанеицо в конец приити едва возмогах,

¹⁹² Полосин И.И. Игра в царя (отголоски Смуты в московском быту XVII в.) // Известия Тверского педагогического университета. Тверь, 1926. Вып. 1. С. 59-63; Успенский Б.А. Этюды о русской истории. СПб.: Азбука, 2002. 480 с.; Мухин О.Н. Феномен «игры в царя» в политической культуре России раннего Нового времени: психосоциальные корни // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 339. С. 62-69; Никишин В.О. К вопросу о феномене «игры в царя» // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Ставрополь, 2014. Т. 14. С. 126-136.

¹⁹³ Шаховской С.И. Указ. соч. С. 61.

поне же от уныния болезнено духом исчезох.
Аще не бы государь мой, Семен Гаврилович, добродейца,
то бы мне было всяково пуци лиходейца.
Он, государь мой, совершенную веру к богу показывает,
а нас, убогих, довольными брашны напитует.
Наполняет себя в мире добрыми слухи,
Тем прогоняет от себя далече лукавыя духи.
Нам, убогим, - присный питател,
За то ему подаст нетление благодател.
Какими бо похвалами могу его почитать?
Но не возмогу по достоинству ума своего обострити.
Воистинну, во всех людех добронравием похвален,
паче же от бога в бесконечныя веки будет славен,
понеже Христа, бога нашего, учение помнит,
сущим в скорбех помогати волит.
С ним же ты, государь мой, здоров и радостен навеки буди,
а меня, искателя своего, не забуди¹⁹⁴.

Необходимость приведения полного текста послания объясняется тем, что как первый публикатор Л.Н. Майков (1891), так и следующие за ним издатели произведения В.К. Былинин и А.А. Илюшин (1989) поняли смысловую направленность текста не совсем верно¹⁹⁵. А именно, они сделали вывод, что послание имеет адресатом Семена Гавриловича, которого автор восхваляет в благодарность за поддержку, оказанную во время пребывания С.И. Шаховского в опале.

Сомнения в такой адресованности послания вызывает тот факт, что в названии текста адресат не указан прямо. Тем более, маловероятна «зело» полезность послания, учитывая православный контекст, который отвергает

¹⁹⁴ Виршевая поэзия (первая половина XVII века) / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. В.К. Былинина, А.А. Илюшина. М.: Советская Россия, 1989. С. 92.

¹⁹⁵ Там же. Комментарии. С. 407.

подобные прямолинейные обращения с прижизненным восхвалением адресата и его личных достоинств как соблазняющие ко греху гордыни. Еще один существенный факт связан с обращением к «Семену Гавриловичу» в третьем лице: «Аще не бы государь мой, Семен Гаврилович, добродейца» («если бы не государь мой, Семен Гаврилович, добродетель»). По какой причине автор посчитал необходимым исключить непосредственное обращение «ты»? И наконец вызывает вопрос, что имел в виду поэт, когда написал: «С ним же ты, государь мой, здрав и радостен навеки буди»? Маловероятно, что слова «С ним же ты» подразумевают Христа, так как более вероятно, что речь идет как раз о благодетельном человеке по имени Семен Гаврилович, о котором автор вспоминает в качестве примера.

Если мы внимательно прочитаем текст, то обнаружим, что подлинный смысл этих мест связан с рекомендацией «некому другу», оказавшемуся под стражей (который скорее всего посетил автора в подобной же ситуации) поискать поддержки у Семена Гавриловича. Тогда становится понятным похвала Семену Гавриловичу как пример поступков доброго христианина, поддерживающего своего ближнего в трудной ситуации: «Какими бо похвалами могу его почтити?» - говорит поэт. Другие похвалы известному, судя по всему, и автору, и адресату Семену Гавриловичу показывают, что последний вероятно ранее помогал самому С.И. Шаховскому и другим людям: «нам, убогим, - присный питател», «во всех людех добронравием похвален». Также указывается на пример Христа, который Семен Гаврилович реализует своими добрыми поступками: «понеже Христа, бога нашего, учение помнит», «сущим в скорбех помогати волит». Вполне закономерно послание заканчивается уверением о Семене Гавриловиче: «С ним же ты, государь мой, здрав и радостен навеки буди», то есть, по сути, автор дает рекомендацию обратиться за помощью к известному ему и адресату послания Семену Гавриловичу, который может помочь в решении возникших проблем.

Очевидно, что «Послание к некому другу» имеет адресатом вовсе не Семена Гавриловича, а написано для знакомого С.И. Шаховского, оказавшегося в опале, которому поэт настойчиво рекомендует поискать помощи и поддержки у Семена Гавриловича. Последний не только по мнению автора добрый и отзывчивый человек («Наполняет себя в мире добрыми слухи/Тем прогоняет от себя далече лукавые духи»), но и тот, кто в состоянии оказать реальную помощь («С ним же ты, государь мой, здоров и радостен навеки буди»).

В завершении произведения следует акrostих, в котором зашифровано имя автора С.И. Шаховского. В статье на эту тему Д.А. Ляпиным было показано, что адресатом послания являлся Т.И. Луговской. Такое заключение следует признать верным. Оно согласуется с известными фактами пребывания С.И. Шаховского под стражей в 1620 г., когда он был арестован без особенных на то оснований. Глава Разрядного приказа Т.И. Луговской посетил опального поэта и, вероятно, оказал содействие в возвращении его ко двору. В благодарность за некогда оказанную помощь и помня «премную любовь» и «посещение», рекомендует своему адресату поискать поддержки у знакомого Семена Гавриловича, имевшего необходимый авторитет и занимавшего достаточно высокую должность в Судном приказе. Под именем «Семен Гаврилович» подразумевался Судья московского Судного приказа С.Г. Коробьин, чья биография была восстановлена Я.Н. Рабиновичем¹⁹⁶.

С.Г. Коробьин имел существенное влияние при дворе, а также очевидно обладал необходимыми дипломатическими качествами. Например, направленный в 1622 г. воеводой в Уфу, он должен был сменить на этой должности Г.В. Измайлова и, хотя Измайловы регулярно затевали местнические тяжбы с Коробьиными, но при смене воевод никаких споров и трудностей не возникло¹⁹⁷. Кроме того, будучи практически ровесником С.И.

¹⁹⁶ Рабинович Я.Н. Личности Смутного времени: Семен Гаврилович Коробьин // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2011. Т. 11. Вып. 2. Ч. 2. С. 11-18.

¹⁹⁷ Там же. С. 14.

Шаховского С.Г. Коробьин относился к тому же кругу знати, принимал активное участие в событиях Смутного времени, в рядах Второго ополчения, участвовал в обороне Москвы от войск королевича Владислава.

После окончания Смуты С.Г. Коробьин и его братья пользовались заметным расположением патриарха Филарета. Еще один существенный факт заключается в том, что родной брат С.Г. Коробьина, Василий Гаврилович, был направлен послом к персидскому шаху Аббасу, а в 1625 г. Коробьины принимали участие в церемонии встречи персидского посла и передачи в Москву «Ризы Христовой»¹⁹⁸. С. И. Шаховский также принимал участие в этих церемониях и именно тогда создал свое послание к шаху.

Помимо этих биографических пересечений, о знакомстве С.И. Шаховского с С.Г. Коробьиным говорит и сохранившееся поэтическое послание, написанное С.И. Шаховским непосредственно С.Г. Коробьину, где последний именуется не иначе как «исходателем» всего рода ярославских князей Шаховских¹⁹⁹. Все это дает все основания считать, что именно С.Г. Коробьин является тем благодетелем, о котором говорится в «Послании к некому другу». Получается, что в 1622 г. С.И. Шаховской написал тайное (если судить по зашифрованному в акростихе имени автора) послание своему попавшему в опалу другу Т.И. Луговскому, рекомендуя обратиться за помощью к С.Г. Коробьину.

Рассмотренное послание указывает на то, что обстановка при дворе после возвращения Филарета была крайне сложной, старые приближенные к трону быстро лишались своего влияния, многое зависело теперь от переменчивого расположения всесильного патриарха. Эта ситуация подтверждается очередной, третьей по счету опалой С.И. Шаховского²⁰⁰.

Причиной опалы на этот раз послужил четвертый брак писателя, который в конце 1622 г. вызвал негодование патриарха Филарета. Видимо на

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ Буланин Д.М. Указ. соч. С. 284.

²⁰⁰ Ляпин Д.А. Непризнанный святой Прокопий Устьянский и новые сведения к творческой биографии С.И. Шаховского // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2022. Том 22. Вып. 4. С. 430-435.

эту тему вначале последовал донос. Патриарх поставил под сомнение каноническую законность этого брака, о чем известно из послания самого опального князя, в котором он пишет, что первые его три жены скончались слишком рано, а сам он, являясь еще молодым и полным сил (ему на тот момент было около 30 лет), решился на новый брак (1620). С.И. Шаховской также указывает в своем оправдательном послании патриарху, что от четвертого брака у него уже родились дети ²⁰¹. В эти тяжелые для себя дни князь пишет стихотворение-молитву «Против разлучения супружества»:

*Помилуй, господи царю,
и сохрани жену мою.
Аще и незаконно поях ю,
и чада моя,
еже еси даровал, презря
моя согрешения.
Соблюди их, владыко, и помилуй,
и долгоденьствия даруй.
Во здравии и спасении
посети, владыко, милосердием своим
Во веки, аминь²⁰².*

В ожидании своей участи С.И. Шаховской начал работу над созданием истории жизни сына царя Ивана Грозного царевича Димитрия Углицкого, в процессе канонизации которого принимал непосредственное участие патриарх Филарет²⁰³. Но все эти действия князя не возымели ожидаемого эффекта, и он был отправлен в ссылку в Тобольск. Хотя ссылка все же оказалась недолгой и в 1624 г. его возвращают в столицу, где он поступает на государственную службу.

²⁰¹ ОР РГБ. Ф. 173.1 № 213. Л. 20 об.

²⁰² Виршевая поэзия (первая половина XVII века) / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. В.К. Былинина, А.А. Илюшина. М.: Советская Россия, 1989. С. 93.

²⁰³ Лукичев М.П. Указ. соч.

Вероятно, эти обстоятельства побудили С.И. Шаховского скрыть в своих воспоминаниях («Домашних записках») информацию о конфликте с патриархом. Такой поступок может быть объяснен опасением князя за будущее своих детей, которых могли признать незаконнорожденными и лишить прав на наследные земельные владения. Такое лишение прав на земли по причине незаконнорожденности практиковалось в России XVII в. и эта практика хорошо известна из описания Г.К. Котошихина: «А у которых бояр, и думных людей, и у иных чинов людей, будут прижиты дети от наложниц, от вдов или от девок, а после того на тех своих наложницах поженятся, или и не женаты помрут, а после их смерти останутся дети, которые прижиты по закону, а другие дети выблядки, или после смерти их останутся одни те выблядки: и по их смерти даются поместья, и вотчины, и животы, сыновьям их и дочерям тем, которые по закону прижиты; а которые прижиты не по закону, и тем поместей и вотчин и животов никаких не делят и не дают ничего... и в службу царскую ни в какую не принимают»²⁰⁴.

Необходимо отметить, что основания для опасений у С.И. Шаховского действительно были. Примером тому служит челобитная его племянника Захария Ивановича Шаховского с братьями, поданная в 1662 г. в Разряд. В челобитной утверждается, что сын С.И. Шаховского Федор является незаконнорожденным, поэтому принадлежащие ему в Вологодском уезде земли необходимо передать авторам челобитной²⁰⁵. Правда Федор в своей ответной челобитной утверждал, что наследство отца им получено законно и говорил: «Будто я родился не ведомо после какого разводу отца моего с матерью», «и хотят меня от честь от рождения моего»²⁰⁶. В челобитной Федором указывалось на отсутствие документов о разводе его отца с матерью, но родственники, претендующие на владение землями в Вологодском уезде, уверяли, что расторжение четвертого брака С.И.

²⁰⁴ Котошихин Г.К. Указ. соч. С. 80.

²⁰⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6 а. Д. 13. Л. 250-252 об.

²⁰⁶ Там же. Л. 251.

Шаховского являлось хорошо известным фактом и ссылались на некую челобитную, подтверждавшую их слова.

Если мы обратимся к тексту составленного С.И. Шаховским «Прощения к Филарету» (написанному в 1622 г.), то обнаружим, что князь сообщает о своих трех женах, скончавшихся в «маловременной године», с которыми он к тому же по причине различных обстоятельств практически не проводил времени и «только очими своими видех». Каждый из первых трех браков длился малое время: первый – три года, второй – полтора года, третий – девятнадцать недель. Не отрицая своей плотской немощи («плоцкого сладострастия не могу одолети») князь указывает, что женился четвертый раз (в 1620 г.), так как опасается впасть в грех блудодеяния. Отдельно С.И. Шаховской обращает внимание патриарха Филарета на то, что в четвертом браке у него уже родились дети²⁰⁷.

Никаких сведений о факте развода в тексте нет. Кроме того, Федор являлся средним из троих детей князя от этого брака и имел еще братьев Михаила и Ивана. Каких-либо обвинений в незаконнорожденности его братьев не известно.

Реальное существование и утрата разводного дела князя С.И. Шаховского, заведенного по непосредственному требованию патриарха Филарета вполне вероятны. Подтверждением тому может служить короткая ссылка князя, о причинах которой он писал в своих «Домашних записках» довольно обще: «Сослан я князь Семен в Тобольск в опалу в чужом деле, но того ж году пожалован взят к Москве»²⁰⁸. Можно допустить, что патриарх высоко оценивал способности С.И. Шаховского и вскоре дал ему указание составить большое поэтическое послание к персидскому шаху Аббасу²⁰⁹. Также можно предположить, что опальный поэт получил прощение и возможность беспрепятственной жизни с четвертой супругой. Тем не менее, события опалы, связанные с очень личными обстоятельствами жизни были

²⁰⁷ ОР РГБ. Ф. 173.1 № 213. Л. 21 об.

²⁰⁸ Шаховской С.И. Указ. соч. С. 61.

²⁰⁹ Keenan E.L. Semen Shakhovskoi and the Condition of Orthodoxy // Harvard Ukraine Studies. 1988. Vol. 12/13. P. 795-815.

для С.И. Шаховского очень памятен, и он включил в свое собрание сочинений, составленное уже в последние годы жизни, свое обращение к патриарху Филарету.

Возвращаясь к опале С. И. Шаховского в 1622 г., можно сказать, что все усилия князя по убеждению патриарха Филарета и приданию через это законных оснований для своего четвертого брака оказались тщетны и он отправляется в ссылку в Тобольск. В частности, сведения об этой отправке, по приводимым М.П. Лукичевым источникам, содержатся в царской грамоте от 12 января 1622 (грамота была направлена воеводам – боярину Матвею Михайловичу Годунову и князю Ивану Фёдоровичу Волконскому)²¹⁰. Данная грамота была привезена только 21 марта 1622 г., но к этому времени уже был составлен другой царский указ от 11 марта 1622 г., где С.И. Шаховского вызывают «к Москве» в приказ Казанского дворца. М.П. Лукичев утверждает, что на основании нового царского указа С.И. Шаховский покинул Тобольск 19 мая 1622 г. Хотя некоторые исследователи полагают, что в опале и тобольской ссылке писатель находился с 1622 по 1625 гг.²¹¹.

В 1625 г. патриарх Филарет дал поручение к С.И. Шаховскому о составлении письма к персидскому шаху из династии Сефевидов Аббасу I с благодарностью за присланную в Москву православную святыню (ризу Господню), что может говорить о проявлении Филаретом «милости» к опальному князю.

Послание к персидскому шаху не просто одно из лучших творений С.И. Шаховского, но и настоящий шедевр поэтического творчества первой половины XVII в. Американский славист Э. Кинан в свое время показал глубокий смысл данного произведения. В своем тексте, полном аллегорий и ссылок на священные тексты, князь настойчиво указывает шаху на необходимость принятия им православной веры и уважение к русским традициям. Специалисты, отмечая литературные достоинства послания,

²¹⁰ Лукичев М.П. Указ. соч.

²¹¹ Корсаков Д.А. Указ. соч. С. 588.

указывали на его бессмысленность: ведь могущественный персидский шах никогда бы не согласился принять православную веру и русские обычаи. Но если это понятно нам, то в еще большей степени это было ясно современникам, включая и С.И. Шаховского. Учитывая данное важное обстоятельство, Э. Кинан предположил, что настоящий смысл послания персидскому правителю заключался в аллегорическом обращении к польскому королевичу Владиславу, который до сих пор считал себя правителем России, но был католиком и не уважал традиций страны. В это время в Речи Посполитой вновь были сильны антимосковские настроения и призывы к новому походу на Россию с целью возвращения престола «законному» правителю Владиславу.

Видимо в своем послании С.И. Шаховской показал абсурдность воцарения Владислава в Москве: ведь это также невероятно, как и принятие шахом православия. Широко было известно негативное отношение польского королевича к православию и его призывы к искоренению этой религии, хотя он именовал себя «государем московским»²¹².

О временной «милости» к опальному князю со стороны патриарха Филарета может свидетельствовать и тот факт, что в январе 1626 г. старший сын С.И. Шаховского Михаил пожалован Филаретом в патриаршие стольники. Должность стольника с одной стороны позволяла находиться в самом ближнем кругу патриарха, с другой – позволяла Филарету иметь контроль над наследниками князя и тем самым держать последнего под угрозой опалы уже его сыну, как одному из наследников княжеского титула и имущества. Можно с уверенностью предположить, что такие действия патриарха Филарета стали одной из побудительных причин к тому, что Семен Иванович в апреле 1626 г. «дневал и ночевал» при царском дворе, ожидая царской милости и возможности снятия с себя опалы²¹³.

²¹² Keenan E.L. Idid.

²¹³ Лукичев М.П. Указ. соч. С. 102.

Нельзя сказать, что князь имел какой-то особый успех в своих попытках обрести царское расположение, но дальнейшая служба С.И. Шаховского проходила уже на должности енисейского воеводы, где он пробыл с 1628 по 1631 гг. Находясь на этой службе 20 сентября 1629 г. С.И. Шаховской отправляет из Енисейска в Сибирский приказ отчет «О приведении в подданство бурятских князцов Кохоня и Кадыма и взятии с них ясака». Ясак составил 59 соболей, взятых в государеву казну, но прежде всего сообщалось о наличии новых подданных из среды местных князей, а значит и об официальном прибавлении к казенным землям их владений. Позже, в 1630 г. С.И. Шаховской составил роспись земель, находящихся к востоку от Енисейска, а следующие два года провёл в Тобольске, получая в это время за свою службу оклад из государственной казны в размере 39 рублей²¹⁴.

Сохранилась отписка князя, датированная 1631 годом, в которой говорится о возложении ясака на роды тунгусов по Илим и бурят. Подчиненными енисейского воеводы было собрано 428 соболей, 3 шубы, не считая собранной ранее пушнины²¹⁵.

Удаленность служения от столицы была сопряжена для князя с определенной долей опасности. Противостояние сибирских коренных народов, разгульный нрав местного казачества нередко приводили к столкновениям и печальным последствиям, которые князю приходилось урегулировать. Так, например, А.А. Бродников упоминает, что С.И. Шаховской распорядился кормить пленных бурят в результате разбойного нападения красноярских казаков именно из красноярских запасов²¹⁶.

При участии С.И. Шаховского граница русских владений в Сибири была отодвинута несколько южнее. Назначенный им атаман М. Перфирьев с

²¹⁴ Полетаев А.В. Князь Семен Шаховской и его сибирские «знакомцы»: Федор Андреевич Шелешпанский // Проблемы истории России. Екатеринбург : Волот. Вып. 4: Евразийское пограничье. 2001. С. 158-174. Полетаев А.В. Князь Семен Шаховской и его сибирские «знакомцы»: Сергей Андреевич Котов // Проблемы истории России. Екатеринбург : Волот. Вып. 6: От Средневековья к Современности. 2005. С. 39-58; Лукичев М.П. Указ. С. 102.

²¹⁵ Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Изд. 2-е. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2013. С. 23 - 44.

²¹⁶ Бродников А.А. История формирования Енисейского уезда (1610–1630 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2025. С. 91.

большим отрядом казаков весной 1631 г. строит Братский острог у порога Падуна, который стал на долгие годы крайней точкой русских владений на Ангаре²¹⁷.

В целом отмечено, что, будучи воеводой в Енисейске два года, князь С.И. Шаховской оказался рациональным управленцем, который действовал решительно, без оглядки на вышестоящее начальство, осознавая полноту ответственности. Его стараниями и участием увеличилась численность енисейского гарнизона, что в свою очередь способствовало продвижению русских людей в бассейн Лены. Со временем небольшой окраинный острог стал основными воротами в Восточную Сибирь²¹⁸.

В 1632 г. началась война с Речью Посполитой. С.И. Шаховского возвращают в Москву и он, вместе с главнокомандующим боярином Михаилом Борисовичем Шеиным выступает к Смоленску. Однако никаких конкретных сведений о роли князя в это время в распоряжении историков нет. Вероятно, он не принимал участие в боевых действиях и избежал попадания в окружение под Смоленском, после которого русская армия капитулировала и начались переговоры о мире. К тому же в 1633 г. умер патриарх Филарет и обстановка при дворе начала меняться. С.И. Шаховской в это время был приближенным к одному из высших сановников Ф.И. Шереметеву. В частности, он принимает участие в переговорах с Варшавой по поводу заключения мира. По некоторым сведениям, в 1635 г. Шаховского отправляют догнать польских послов «Песочинского со товарищи», которых настигли в Царевом Займище и С.И. Шаховской говорил с ними в Великую субботу о государственных делах, делая все это по приказу русского царя. Вернулся Семен Иванович в Москву ко вторнику Святой недели, к Благовещенской обедне и был «у руки государевой», подавая в качестве отчета статейный список посольства²¹⁹.

²¹⁷ Там же. С. 160.

²¹⁸ Бродников А.А. Енисейский воевода князь С.И. Шаховской (1629-1631 гг.) // Енисейская Сибирь в истории России (к 400-летию г. Енисейска). Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск: ООО "Лаборатория развития", 2019. С. 46-49.

²¹⁹ Лукичев М.П. Указ. соч. С. 102.

В ходе Смоленской войны Россия не смогла добиться поставленных целей и вернула себе только один город – Серпейск. Правда, в результате умелых действий русских переговорщиков, польский король Владислав IV отказался от притязаний на русский престол за откуп в 20.000 рублей, что можно считать важным дипломатическим успехом.

В 1637 г. С.И. Шаховского направляют посланником в Речь Посполитую вместе с представителем молодого дворянского рода Григорием Нечаевым. Сам князь числился в это время как «наместник Елатомский», что должно было придать ему дополнительный статус и значение как русского посланника. После поездки в Речь Посполитую он удостоивается чести быть «у царского стола» в 1637 г.²²⁰ Возможное возвышение С.И. Шаховского было связано с начавшейся политической борьбой в Москве.

С 1633 г., когда скончался отец Михаила Федоровича — властный патриарх Филарет, у руля власти остались кланы Шереметевых, Черкасских, Романовых и их окружение, которые владели важнейшими экономическими ресурсами, имели много богатств и привилегий. Противниками этих аристократов выступали те, кто давно был у трона, но не имел возможности влиять на власть²²¹. Другой большой проблемой стало ухудшение внутренней обстановки в стране. Смоленская война нанесла удар по престижу власти, население хотело продолжать военные действия с давним недругом царя Михаила – польским королем Владиславом. В Кремле же были довольны тем, что соперник отрекся от русского престола, на который претендовал с того самого времени, когда русские пригласили его править в 1610 г. В итоге «мирские всяких чинов люди» стали открыто высказывать свое недовольствие пассивностью власть имущих аристократов, в государстве все делалось «нестройно», а царь находился в «кручине»²²². Систематически

²²⁰ Там же.

²²¹ Ляпин Д.А. Указ. соч. С. 40.

²²² Поршнев Б.Ф. Указ. соч. С. 120.

происходило повышение налогов и отмена льгот, с 1634 г. внутренняя обстановка в стране заметно обостряется²²³.

На этом фоне происходит возвышение Б.И. Морозова – воспитателя царевича Алексея, наследника престола. Никаких важных постов начинающий боярин не занимал²²⁴. Зато этот ловкий и терпеливый вельможа добился полного доверия своего воспитанника, став ему не только наставником, но и старшим другом, «отца вместо». Видимо сыграли свою роль пассивность царя Михаила, его склонность к «кручине», частая меланхолия и странное равнодушие к жизни²²⁵. Во второй половине 1630-х годов наметилось создание двух партий: правящей группы старых аристократов (князей Черкасских, Ф.И. Шереметева и др.) и новой группы во главе с Б.И. Морозовым, сплотившейся вокруг царевича Алексея²²⁶. В таких условиях С.И. Шаховской очевидно был приближен к первой партии, так как его возвращение в Москву и новый виток служебной карьеры был целиком связан с поддержкой со стороны Ф.И. Шереметева.

В 1638 г. С.И. Шаховской был отправлен на воеводство в Крапивну, товарищем (вторым воеводой) к И.П. Шереметеву (ставшему боярином в 1634 г.). В эти годы здесь находилась вся военная элита России, включая Д.М. Пожарского, С.В. Прозоровского и И.Б. Черкасского (фактически главы правительства с 1633 г.), которая занималась возведением оборонительной черты в тульских и рязанских территориях. Эта черта должна была защитить плодородные и богатые уезды по Оке от постоянных татарских набегов и создать рубеж обороны к северу от южной окраины.

И.П. Шереметев имел большой опыт и поддержку со стороны своего родственника Ф.И. Шереметева, но его отношения с С.И. Шаховским не

²²³ Смирнов П.П. Указ. соч. С. 50-60.

²²⁴ Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в.: Очерки истории / Отв. ред. А.П. Павлов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 546 с.

²²⁵ Светова Е.А. Двор Алексея Михайловича в контексте абсолютизации царской власти: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2011. 232 с.

²²⁶ Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. М., Л.: Академия наук СССР, 1948. Т. 2. 736 с. Поршнев Б.Ф. Указ. соч. С. 119; Филина Е.И. «В поисках альтернативы...»: «Придворные партии» в политической борьбе в России 30-50-х гг. XVII в. М.: МПГУ, 2011. 348 с. Ляпин Д.А. Указ. соч. С. 39-43.

сложились. Конфликт между ними начался случайно, после того как в отчетах о постройке оборонительных сооружений у обоих не сошлись цифры о количестве привлеченных людей. Они строили укрепления к западу от Тулы в тяжелых условиях войны с крымскими татарами. В итоге выезжать на место строительства и для войны с татарами каждый должен был с военным отрядом. После того как не совпали цифры, оба военачальника начали спорить о том, сколько человек должно быть под началом у каждого. Вначале у С.И. Шаховского было больше людей, хотя он был вторым воеводой. В Разрядном приказе предложили справедливый обмен, чтобы сил у воевод было поровну. Однако И.П. Шереметев нарушил этот приказ, забрав себе почти весь воинский контингент. С.И. Шаховской написал по этому поводу доклад. Но в Разрядном приказе опасались конфликта с Ф.И. Шереметевым и вновь рекомендовали воеводам «решать дела сообща и любовно». Затем в 1639 г. последовало распоряжение оставить в Крапивне одного И.П. Шереметева²²⁷.

Это дело свидетельствует о том, что отношения у С.И. Шаховского с «партией» старых аристократических родов не были безупречными. По мере возможности князь старался исполнять свои обязанности и не стремился избегать конфликтов, стараясь отстаивать свою правоту даже если это вредило его карьере.

В 1640 г. в результате борьбы партий в кругах странников Ф.И. Шереметева возникает идея женить дочь царя Михаила Ирину на датском принце Вальдемаре, пригласив его в Россию. Вероятно, он должен был стать противовесом царевичу Алексею и стоящему за ним Б.И. Морозову. С этого момента началась открытая борьба партий, в которую оказался втянут и С.И. Шаховской.

В 1640 г. ему пожаловали новые земли в Галицком уезде и допустили к «царской руке». Поводом для награды было участие в обороне Москвы в

²²⁷ Яковлев А.И. Засечная черта Московского государства в XVII веке: очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1916. С. 16 - 46.

1618 г. («за осадное сидение королевичева приходу») и компенсации за отнятые у него в 1620 г. владения. Затем его отправили воеводой в отдаленные Терки, но там С.И. Шаховской прослужил недолго. Хотя на данной должности ему назначаются прибавка к поместному окладу в 50 четвертей и жалование в 30 рублей²²⁸.

Вернувшись С.И. Шаховской пишет челобитную о том, что, будучи в 1638 г. на службе в Сибири оставил свои книги и другое имущество на время. Однако попытки его вернуть оказались тщетными. Сам князь полагал, что его сундуки были пограблены местным воеводой Ж.В. Кондыревым²²⁹. В Разрядном приказе благосклонно отнеслись к этой просьбе, хотя С.И. Шаховской ранее уже писал об этом инциденте. 7 февраля 1641 г. управляющему Енисейским острогом воеводе О. Г. Оничкову было отправлено приказание «те, княз Семеновы книги Шеховского выслать к Москве с ыными нашими делы вместе»²³⁰. Получил ли в итоге князь Шаховской свои книги, или они так и потерялись где-то в ходе постоянных переписок и пересылок, об этом до сих пор неизвестно.

Сын датского короля, Вальдемар согласился приехал в Россию и начались переговоры об условиях брака. Б.И. Морозов привлек на свою сторону образованных чиновников, чтобы те писали трактаты, дискредитирующие протестантов и «еретическую» Европу. Сторонникам свадьбы Ирины и Вальдемара понадобился литературный и полемический талант князя, который доказывал, что вопрос веры не имеет большого значения и Вальдемар может сохранить протестантизм. В Кремле, вероятно Ф.И. Шереметевым, князю было поручено написать обстоятельное послание на имя царя Михаила, в котором доказывалось необходимость и реальность брака²³¹.

В 1643 г. С.И. Шаховского направляют в Тверь встречать датского королевича Вальдемара, сватающегося к дочери русского царя Ирине

²²⁸ Лукичев М.П. Указ. соч. С. 103.

²²⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 98. Л. 294-294 об.

²³⁰ Там же. Л. 314, 307 (в пагинации перепутана последовательность текстов).

²³¹ Голубцов А.П. Указ. соч.

Михайловне. Во время сватовства возникает ожидаемый вопрос перехода королевича в православие, но С.И. Шаховской высказывает мнение, основанное на его личном толковании слов апостола Павла, что «муж неверующий святится женой верующей» (1 Кор. 7:14). Это мнение шло, конечно, в противовес позициям Б.И. Морозова и царевича Алексея.

2.3. Последние годы жизни (1645-1654)

Развернувшаяся в Кремле политическая борьба закончилась внезапной смертью царя Михаила Федоровича 13 июля 1645 г. Б.И. Морозову быстро удалось предотвратить брак Ирины и Вальдемара и посадить на трон своего воспитанника Алексея. К началу 1646 г. власть молодого царя и его воспитателя была уже несомненной²³². С этого года начинаются закономерные преследования тех, кто поддерживал партию противников новой власти, а среди них был и С.И. Шаховской, автор послания царю Михаилу о возможности и важности брака Ирины²³³.

В 1646 г. начинается новая опала С.И. Шаховского: было решено отправить его в Якутск. Однако поездки в этот отдаленный город были редкими и на время князя отправили воеводой на Кольский полуостров в крепость Колу. Уже через несколько месяцев пришло распоряжение перевести его в Устюг, город откуда шли русский торговые и военные караваны за Урал. Добраться до Устюга нужно было Белым морем, через Архангельск. Через несколько лет в письме к своему другу келарю Троицкого монастыря Симону Азарьину С.И. Шаховской вспоминал эту поездку с ужасом. Огромные волны чуть было не потопили корабль, и только обращение к преп. Сергию Радонежскому спасло его от гибели²³⁴.

С.И. Шаховской прибыв в Устюг занимался активной творческой работой. В частности, точно известно, о составлении им акафиста святому

²³² Кошелева О.Е. Лето 1645 года: смена лиц на российском престоле // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. М.: Институт всеобщей истории РАН, 1999. Вып. 2. С. 148-170; Ляпин Д.А. Указ. соч. С. 78.

²³⁴ Платонов С.Ф. Книга о чудесах преподобного Сергия, творения Симона Азарьина // Памятники древнерусской письменности. СПб., 1888. Т. 70. С. 74 - 75.

Сергию Радонежскому²³⁵. В начале 1648 г. С.И. Шаховского перевели в Сольвычегодск²³⁶. До нашего времени сохранилась переписка, которую вел С.И. Шаховской в 1647-1648 гг. со своим другом, тобольским дьяком Третьяком Васильевым. В своих письмах он периодически рассуждал о нависших над ним опасностях и горестях жизни²³⁷. Ожидаемая ссылка была не столь серьезным наказанием за поддержку Вальдемара, как альтернативы на русский престол.

Реформы нового правительства были слишком жесткими и бесцеремонными. Они вызвали недовольство в народе и надежды старой партии на то, что Б.И. Морозов будет свергнут, а молодой царь станет лояльнее к ним. 2-3 июня 1648 г. в Москве вспыхнул народный бунт, в результате которого могущественный боярин отправился в монастырь, все правительство ушло в отставку, а главные его члены были убиты. По стране поползли самые разные слухи о произошедшем, и вскоре волнения охватили несколько провинциальных городов. 9 июля 1648 г. воевода Устюга М.В. Милославский был обвинен группой горожан в предательстве как пособник реформатора Б.И. Морозова. Бунтовщики на целый день захватили власть в городе, пытаясь оправдать свои действия фальшивым царским указом.

22 июня 1648 г. волнения вспыхнули в Сольвычегодске²³⁸. Местные жители давно уже были недовольны присланным из Москвы сыщиком Федором Приклонским, который должен был разобраться в причинах постоянных недоимок в уплате налогов. Чиновник жил на «широкую ногу», брал взятки и угрожал расправой местному населению. 22 июня 1648 г. под влиянием слухов о московских событиях население Сольвычегодска решило, что Ф. Приклонский собирает деньги в свой карман, а часть отдает своим столичным покровителям. Толпа отправилась в дом сыщика для предъявления обвинений, но тот смело вышел к людям и показал царский

²³⁵ Там же.

²³⁶ Чистякова Е.В. Городские восстания в России в первой половине XVII века. Воронеж: Издательство ВГУ, 1975. С. 179 - 190.

²³⁷ Попов А.Н., Указ. соч. С. 179, 363.

²³⁸ Чистякова Е.В. Указ. соч. С. 184-186.

указ с печатью о его назначении в город для расследования причин недоимок. Однако люди разорвали указ, отобрали деньги, а самого Ф. Приклонского избили и выбросили через забор на улицу. С этого момента жители считали себя единственной законной властью в городе, не подчиняясь воеводе В.Ф. Чоглокову. После избияния Ф. Приклонского толпа отправилась грабить дома неугодных им горожан, а затем – в местные кабаки. В пьяных пересудах люди решили, что напрасно ограничились избиянием сыщика, которого следовало бы убить.

Между тем, пришедший в себя после побоев Ф. Приклонский прибежал в дом, где жил С.И. Шаховской, с просьбой спрятать его. Вскоре мятежники, обыскивая город, зашли в дом и к князю. Тот принял их радушно, угощал вином и вел разговоры о случившемся в Москве. Он, между прочим, тоже называл Б. И. Морозова предателем и узурпатором власти²³⁹. Гостеприимство С. И. Шаховского привело к тому, что у него в доме собралась большая толпа непрошенных гостей. Опасаясь, что его случайно обнаружат, Ф. Приклонский украдкой вышел на улицу, надеясь спрятаться в лесу, но был замечен и кинулся бежать в городской собор. Движимый страхом за свою жизнь, он заперся в главном храме города, надеясь, что набожные горожане не станут убивать человека в святом месте. Но те решили выломать церковные ворота, и только вмешательство купцов Строгановых, построивших этот храм, остановило ход трагедии. Ночью перепуганный Ф. Приклонский тайно выбрался из храма на улицу и на лодке уплыл из города, а утром волнения прекратились.

Таким образом, С.И. Шаховского могли убить мятежники, когда стало понятно, что он укрывал у себя ненавистного столичного чиновника. Но, к счастью, этого не случилось. В очередном послании своему другу Третьяку Васильеву писатель, сетуя на жизнь, рассуждал: «А мое окаянство всецелый Бог милостью своей терпит, у Соли Вычегодской, июля, 19 числа

²³⁹ Там же. С. 189.

в живых еле был, а уж с мертвыми осужден был!»²⁴⁰. С.И. Шаховской собирался в Якутск, но в августе 1648 г. он был вызван в Москву, где на время власть вернули его покровители в аристократических кругах.

Таковы были события пребывания С.И. Шаховского в Сольвычегодске в 1648 г. Именно в это время, а, может быть, и еще раньше, в Устюге, он работал над составлением похвалы местным святым Прокопию и Иоанну, основная идея которого связана с добровольным аскетизмом и презрением к материальному миру. Не только от богатства и карьеры отказывается его герой, Прокопий Устюжский, но даже от приюта в богадельне. Он предпочел жить прямо на голой земле, возле церковных врат. Причем этот поступок в тексте метафорически связывается с началом весны, пробуждением природы от зимнего сна²⁴¹. Не думая о земных благах, устюжский подвижник круглый год ходил в одной и той же рубахе, а когда та рвалась от ветхости, то не искал новую, а зашивал порванное место²⁴². Добровольно и смиренно он переносил жажду, холод и жару, пока полностью не обуздал свои желания. Точно также и его последователь Иоанн «презрел красоту бренного материального мира и телеса своя» постом «удручил»²⁴³. Многие люди не понимали подвига святых подвижников, смеялись над ними, били их и унижали, но Бог оценил смирение устюжан, сделав их чудотворцами. В итоге, отказавшись от материальных благ, Прокопий и Иоанн сумели достичь небесного «града Иерусалима». В заключении «Слова похвального» следует обращение к устюжским чудотворцам с просьбой о помощи в стремлении уйти от мирских благ, чтобы получить «блага вечные».

Вопрос о том, бы ли С.И. Шаховской действительно автором «Слова похвального», не может быть решен однозначно. Аргументы в пользу его авторства можно представить в следующем виде. 1) В заглавии, написанном киноварью («Слово похвальное... Прокопию и Иоанну Устюжским чудотворцам. Списано дуксом Симеоном Шаховским»), первая буква «С» в

²⁴⁰ Попов А.Н. Указ. соч. С. 8.

²⁴¹ ОР РГБ Ф. 354 № 73. Л. 328-328 об.

²⁴² Там же. Л. 329.

²⁴³ Там же. Л. 333.

слове «списано» нанесена чернилами отдельно и, возможно, появилась уже во время создания книги, а изначально предложение читалось как «писано дуксом Симеоном Шаховским». 2) В тексте имеются сравнения вступления Прокопия в новую жизнь с началом весны. Подобные «весенние» аллюзии встречаются в «Летописной книге», автором которой, как было установлено М. В. Кукушкиной, являлся С. И. Шаховской²⁴⁴. 3) Наличие рифмованных предложений внутри «Слова похвального» – черта, характерная для русских поэтов досиллабической эпохи, но только С.И. Шаховской непосредственно работал с данным текстом.

Так или иначе, нет сомнений в причастности князя к этому произведению, а также в его интересе к жизни устюжских святых. Даже если С.И. Шаховской только «списал» этот текст, добавив в него рифмованные строки, то и в этом случае проделанную работу можно отнести к кругу его творческого наследия. Мы считаем возможным датировать создание «Слова похвального» временем пребывания писателя в Устюге и Сольвычегодске (Соли Вычегодской) в 1646-1648 гг.

Содержание «Слова похвального» можно вполне логично связать с теми переживаниями, которые мог испытывать С.И. Шаховской в 1647-1648 гг. Дело было даже не в ожидании далекой якутской ссылки, а в том, что он уже не рассчитывал на успешную служебную карьеру в царствование Алексея Михайловича. Причастность к проигравшей аристократической партии навсегда отдалили его от Двора. Новая опала означала для стареющего князя также и материальные потери, ведь только успешная служба позволяла увеличивать свое благосостояние. Поездки в ссылки и на дальние воеводства были сопряжены с тратой времени, подрывом здоровья и большими расходами.

Устюжские чудотворцы Прокопий и Иоанн, презревшие земные блага, отказавшиеся от материального мира, терпящие насмешки и хулу горожан,

²⁴⁴ Кукушкина М.В. Указ. соч., см. также: Серова И. Ю. Указ. соч., Шаховской С.И. Летописная книга / Подготовка текста и комментарии Е.П. Дергачевой-Скопп // Памятники литературы Древней Руси. Конiec XVI-начала XVII веков. М.: Художественная литература, 1987. С. 358-427.

послужили хорошим примером надлежащего отношения к богатству и признанию заслуг. Вероятно, в чтении о подвигах святых подвижников С.И. Шаховской искал утешение в обрушившихся на него бедствиях. В таких обстоятельствах в 1647-1648 гг. он и составляет «Слово похвальное».

Осенью 1648 г. пришедшие к власти противники Б.И. Морозова, бояре Я.К. Черкасский и Н.И. Романов возвращают С.И. Шаховского в Москву, надеясь использовать его в своих интересах при дворе. Однако ситуация резко меняется. Молодой царь Алексей уже в декабре 1648 г. возвращает своего воспитателя и отправляет новое правительство в отставку. В январе 1649 г. Я.К. Черкасский готовил новый бунт, но этого не случилось. «Партия» аристократов, противников Б.И. Морозова, окончательно проиграла. Вскоре начались новые репрессии их сторонников, в ряды которых попал и С.И. Шаховской.

Писателя на этот раз обвинили в ереси и пособничестве браку Вальдемара и Ирины, а главные обвинения строились на основании его послания царю Михаилу. Все это было надуманным, ведь тогда сторонниками брака были многие и, прежде всего, члены правительства Ф.И. Шереметев, Я.К. Черкасский и Н.И. Романов. Следственную комиссию, расследовавшую это дело, возглавил А.Н. Трубецкой, которого контролировал лично царь. На расспросах С.И. Шаховской говорил, что, написав послание, лишь исполнял поручение самого царя Михаила Федоровича. Ссылка на покойного государя озадачила следствие, но угрозами А.Н. Трубецкой сумел заставить С.И. Шаховского отречься от своих слов и признать, что делалось это лишь его собственным злым умыслом.

Вина С.И. Шаховского была доказана. Приговор за «еретическое дело» был вынесен членами нового правительства (а не патриархом Иосифом): С. И. Шаховского надлежало сжечь «за то, что пристал к королевичу и со своими советниками и всем ему добра хотел и беспрестанно мыслил, и делал

еретическое и богомерзкое дело»²⁴⁵. В последний момент сожжение было заменено ссылкой в Сибирь²⁴⁶.

В Томск С.И. Шаховской прибывает 10 сентября 1649 г. Интересно, что во время этой ссылки им была составлена «Роспись земель Восточной Сибири», где присутствует (также сочинённый С.И. Шаховским) «канон похвальный и с кондаки и с икосы великим святителем Киевским и Московским и всея Руси Чудотворцем, Петру и Алексею и Ионе».

В XIX в. этот текст обратил на себя внимание исследователей и была обнаружена зашифрованная запись²⁴⁷, где автор скрыл свое имя и звание посредством церковнославянской азбуки, имевшей, как известно, помимо буквенного и цифровое атрибутирование. Таким образом, в каноне была открыта зашифрованная посредством церковнославянского языка запись «Князь Симеон Шаховский Ярославской». Здесь надо обратить внимание на то, что Шаховской, посредством своеобразного творческого подхода к осуществлению исключительно технической задачи по составлению реестра восточносибирских земель России, продолжает древнюю традицию шифрования посланий, которая хорошо известна в таких, близких по смыслу действия и исполнения, формах как акростих или азбучная молитва.

Многолетняя череда опал и ссылок, участие в военных походах и служба в Москве дают основания считать, что С.И. Шаховской не посещал своих старых вотчин, с которых, кроме того, был полностью лишен дохода (после опалы и ссылки в 1622 г.). Только в 1640 г. князем получена жалованная грамота на доход с Галицкой чети, данной ему в компенсацию ранее отнятых земель.

Опала и смертный приговор, замененный на ссылку в 1649 г., стали для С.И. Шаховского последствием не только его спорных религиозных

²⁴⁵ Голубцов А.П. Указ. соч. С. 15-18. Некоторые исследователи считают, что С. И. Шаховской в 1654 г. написал свое сочинение о Смуте: Семенова Е.П. Об источниках «Повести преславной» С.И. Шаховского // ТОДРЛ. Л., 1986. Т. 39. С. 335-340; Семенова Е.П. Русская общественная мысль первой половины XVII в. (творчество С.И. Шаховского и И.А. Хворостинина): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1982. 19 с.; Серова И. Ю. Указ. соч.

²⁴⁶ Лукичев М. П. Указ. соч. С. 104.

²⁴⁷ Разрешение старинной задачи из Троицкой лавры // Москвитянин, № 8, 1851.

толкований православной традиции церковного брака, но и политической борьбы партий, в которую он оказался втянут. Более того, заявление Семена Ивановича о том, что он получил приказ от царя Михаила Федоровича на то, чтобы высказать неканоническое мнение о возможности брака царской дочери с королевичем Вальдемаром без перехода последнего в православие являлось само по себе политически опасным, так как становилось опосредованным обвинением русского царя в еретических взглядах. Даже если С.И. Шаховской не подразумевал такого толкования своего заявления, то это лишь усугубляло его вину с точки зрения действующих церковных властей и делало Семена Ивановича неблагонадежным по отношению к существующим правилам политической жизни Русского царства.

Таким образом можно заключить, что многочисленные опалы С.И. Шаховского являлись следствием не только сложности его характера и религиозных взглядов, но и серьезных изменений во внутривластной обстановке. И все же настойчивое стремление С.И. Шаховского отразить в литературном творчестве сложные перипетии личной судьбы и судьбы России позволяют сегодня проследить исторический путь развития русской государственной системы и формирования новых форм литературного высказывания.

Надо отметить, что службы С.И. Шаховского в период опал и ссылок, как и его участие в политической жизни Российского царства остаются до сих пор не до конца проясненными, так как описываются единичными, часто косвенными документами. В этом отношении представляется важным изучение литературного наследия Семена Ивановича и уточнение адресатов его посланий. Такая исследовательская работа кажется важной еще и по той причине, что по свидетельствам ряда историков С.И. Шаховской отличался довольно серьезным знанием церковных книг и был авторитетным человеком в вопросах веры. По этой причине можно рассматривать службу и опалы своеобразным отражением исторического развития не только литературного, но и церковного мировоззрения соответствующего периода русской истории.

В Сибири в 1650 г. С.И. Шаховской приступает к написанию воспоминаний о жизни – «Домашних записок». Это сочинение имеет вид хронологической записи по годам и является единственным произведением такого рода. С одной стороны – это могла быть проба составления произведений по летописному образцу, а с другой – составление послужного списка, который мог быть вполне уместен к концу жизни для решения имущественных и финансовых вопросов²⁴⁸. В строгом смысле послужным списком эту работу считать нельзя, поскольку сведения подобного характера перемежаются с фактами личной жизни князя. Они охватывают период с 1601 года до конца 40-х годов XVII века, причем события там описаны самые различные: бедствия и переживания, прибытие польских послов к Борису Годунову и т.д. У большинства событий отмечен год, а некоторые даты указаны более точно: в неделю страстную поста, «в октября 1 день», «на Егория вешнего».

А.А. Бродников, основываясь на выводах А.В. Полетаева, пишет: «...имеется и точка зрения, что С. Шаховской сам сформировал себе ореол «опального» в своих автобиографических записках, в чем просматривается едва заметное фрондерство к власти. Тем не менее именно этот ореол закрепился в научной литературе и является историографическим мифом»²⁴⁹. Такое мнение вполне возможно. Если мы обратимся к фактам, то увидим, что писатель подвергался опалам за все время своей жизни: 1606/1608, 1615/1618, 1622/25; 1646/48; 1649/1651 гг. В общей сложности они заняли 16 лет его жизни. Прожил С.И. Шаховской около 60 лет, начав карьеру в 15 лет. Следовательно, в опалах он был 16 из 45 лет (треть). Конечно, это далеко не вся жизнь, но для построения стабильной карьеры и достижения успехов при дворе – это слишком много.

²⁴⁸ Малюта Е.Г. Некоторые особенности «Домашних записок» князя Симеона Шаховского как документа автобиографического характера // INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения. Сборник статей молодых ученых. Выпуск 7. Екатеринбург: УГИ УрФУ, 2024. С. 62-66.

²⁴⁹ Полетаев А.В. Князь Семен Шаховской и его сибирские «знакомцы»: Сергей Андреевич Котов // Проблемы истории России. Екатеринбург : Волот. Вып. 6: От Средневековья к Современности. 2005. С. 39-58.

Дата возвращения С.И. Шаховского в Москву не известна. С.Ф. Платонов, ссылаясь на рукопись о новых чудесах Симона Азарьина, предположил, что опальный точно был в Москве в 1653 г.²⁵⁰ М.П. Лукичев нашел запись, составленную на смотре служилых людей в Москве летом 1653 г., где С.И. Шаховской упомянут как неявившийся на основной смотр войска по болезни²⁵¹. Однако в книге Симона Азарьина о новых чудесах Сергия Радонежского рассказывается история о том, как С.И. Шаховской принес в Троицкую Лавру кондаки собственного сочинения и об этом было позже сообщено патриарху Иосифу. Известно, что глава русской церкви умер 15 апреля 1652 г. Следовательно в это время писатель уже вернулся, хотя он точно был в Тобольске в 1650 г., откуда писал своему другу дьяку Третьяку Васильеву²⁵². Значит возвращение состоялось в промежуток между концом 1650 и началом 1652 гг.

Последние годы жизни С.И. Шаховской сблизился с Симоном Азарьиным и Троице-Сергиевой Лаврой. Он сообщил своему другу для книги о новых чудесах Сергия три эпизода на эту тему из собственной жизни²⁵³. Симон когда-то был военным и служил князьям Мстиславским, он тоже увлекался собиранием книг и был талантливым писателем²⁵⁴.

В 1653 г. С.И. Шаховской сделал себе сборник своих работ, который до сих пор остается главным источником для изучения его творческого наследия²⁵⁵. Позже с книги была снята копия, а сама рукопись была передана в библиотеку Симону Азарьину. В последствии тот завещал все свои книги Троице-Сергиевой Лавре.

²⁵⁰ Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник. Изд. 2-е, СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1913. 474 с.

²⁵¹ Лукичев М.П. Указ. соч. С. 104.

²⁵² Попов А.Н. Переписка дьяка Третьяка Васильева с исследованием о времени переписки, а равно и самом дьяке Васильеве и о лицах к кому писал // Временник императорского московского общества истории и древностей российских. М.: Университетская типография, 1851. Кн. 9. Отд. 3. С. 2-10.

²⁵³ Платонов С.Ф. Книга о чудесах преподобного Сергия, творения Симона Азарьина // Памятники древнерусской письменности. СПб., 1888. Т. 70. 131 с. С. 73-74; 75-76; 86-87.

²⁵⁴ Белоброва О.А., Клитина Е.Н. Симон (в миру Савва Леонтьев сын Азарьин по прозвищу Булат) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Вып. 3. Ч. 3. С. 380-382.

²⁵⁵ ОР РГБ. Ф. 173/1 № 213/214.

Последний раз князь упомянут в материалах Печатного приказа: 11 июля 1654 г. по челобитной, составленной совместно с сыном Михаилом, с их поместий и вотчин в Галиче «поворотных денег до государеву указу править не велено». В августе 1655 г. его сыновья просили разделить имущество отца. Следовательно, С.И. Шаховского уже не было в живых²⁵⁶.

Таким образом С.И. Шаховской прожил жизнь, насыщенную событиями. Его служба началась при дворе Бориса Годунова, он активно участвовал в событиях Смутного времени, служил воеводой и выполнял различные особые поручения. Можно сказать, что он был типичным представителем военной элиты своего времени. Необычной была его литературная деятельность. Именно эта двойственность и определяла уникальность личности С.И. Шаховского, как бы принадлежащего двум мирам, духовному и светскому, на что обратил специальное внимание в исследовании молитвословий князя Р. Мартин²⁵⁷.

За все время С.И. Шаховской пребывал в опале несколько раз, а именно: в 1606 г. после похода на Елец попал в опалу и был выслан в Новгород, потом в свое поместье; в 1615 г. после совместного с князем Дмитрием Пожарским похода на войско пана Лисовского и поданной челобитной, что он «заволочен со службы да на службу» попадает в опалу и ссылается в Унжу; в 1622 г. по причине заключения четвертого брака попадает в новую опалу и ссылается в Тобольск, а в 1626 г. «дневал и ночевал» при царском дворе, ожидая возможности получить прощение от опалы; в 1645 г. попадает в опалу и ссылается в Усть-Колу, в 1646 г. переведен в Великий Устюг, а в 1647 г. в Сольвычегодск, где находился до волнений 1648 г.; последняя опала в 1649 г. – суд, приговор к казни и замена казни на новую ссылку в Томск.

²⁵⁶ Лукичев М.П. Указ. соч. С. 107.

²⁵⁷ Martin R.E. «The Prayers of the Sinful Prince Semën Shakhovskoi». The Religious World of Russia's First Intelligent // Canadian-American Slavic Studies. 2022. No. 56. P. 498-522.

О детях князя С.И. Шаховского известно, что у него было три сына Михаил, Федор и Иван. Михаил (упоминается в исторических документах с 1627 по 1663 гг. как воевода и судья времен правления первых царей из династии Романовых – Михаила и Алексея).

Итак, мы впервые восстановили и систематизировали основные факты служебной карьеры князя С.И. Шаховского. Все это время он занимался литературной деятельностью и трудами. О некоторых из них, тесно связанных с его политической служебной карьерой упоминалось в этой главе. Более подробно его обширное творческое наследие будет рассмотрено в следующей главе.

ГЛАВА 3. ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КНЯЗЯ С.И. ШАХОВСКОГО В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ЭПОХИ

3.1. Молитвенные произведения и стихотворные послания: вклад в развитие жанра

Перечень молитвенных сочинений князя С.И. Шаховского можно извлечь из сборника, составленного самим автором, но необходимо обратить внимание на отсутствие четкой структурной организации его в рукописи. При общем взгляде на состав рукописи, видно, что произведения совершенно разных жанров перемежаются в общем тексте друг с другом: исторические, богословские, гимнографические и т.д. К настоящему времени Е.Г. Малютой разобраны и структурированы сочинения С.И. Шаховского гимнографического цикла²⁵⁸.

Речь, прежде всего, идет о цикле молитв, которые в рукописи выделены самим С.И. Шаховским под общим заглавием *«Молитвы, творение многогрешного в человецех дукса Семиона Шаховского»*²⁵⁹. Этот список молитвенных авторских сочинений личного характера состоит из более чем двадцати относительно небольших по объему молений и отличается от общего корпуса текстов.

Необходимо отметить, что собранные в единый цикл молитвы напоминают по своей сути своеобразный молитвослов, в котором мы обнаруживаем как сугубо личные тексты, так и молитвословия, которые могли бы употребляться другими людьми.

Приведем перечень указанного блока молитвенных произведений, выделенного самим С.И. Шаховским, согласно рукописи РГБ Ф. 173.1 № 214:

²⁵⁸ Малюта Е.Г. Гимнография князя Симеона Шаховского: идейно-содержательная специфика и художественные особенности: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2024. 322 с.

²⁵⁹ ОР РГБ Ф. 173/1 № 213; № 214. Сочинения князя Симеона Шаховского.

- *«Молитва Господу нашему Иисусу Христу»*. Начало: *«Господи Боже всеблагий Иисусе Христе, Судия всему миру...»* (л. 405);
- *«Тогожде молитва честному и животворящему Кресту»*. Начало: *«Радуйся живоносный Кресте, верным похвала и утверждение, оружие на враги непобедимо...»* (л. 407 об.);
- *«Сия молитва Пречистой Богородице, от начала творение преподобного инокса Максима Грека святого горца по точку красную, а конец сложен нашею грубостию и недоумением»*. Начало: *«Тебе, превосходящую безплотных божественных чинов неприкладною чистотою, молю, Всепетая...»* (408 об.);
- *«Тогожде молитва великому в пророках предтече и Крестителю Господню Иванну»*. Начало: *«О, великий во пророках, просиявый от неплоды, небесный человеке...»* (л. 409 об.);
- *«Тогожде молитва бесплотным»*. Начало: *«Святissimi архангели, ангели, начала, власти, престолы...»* (л. 410);
- *«Тогожде молитва святым верховным и прочим апостолам»*. Начало: *«Величissimi верховнии апостолы, блаженный Петр и христоподобный Павел...»* (л. 410 об.);
- *«Тогожде молитва святым пророкам»*. Начало: *«Святissimi славнии пророцы, Моисей великий и Илия, Самоил славный...»* (л. 411);
- *«Тогожде молитва святителям»*. Начало: *«Преславнии величissimi святителие и всея вселенная учителя...»* (л. 411 об.);
- *«Тогожде молитва преподобным и богоносным отцем»*. Начало: *«Преподобнии и богоноснии отцы, Антоней и Феодосей величissimi...»* (л. 412 об.);
- *«Тогожде молитва святым мучеником»*. Начало: *«Преславнии чудодейцы, величissimi христовы мученики»* (л. 413);
- *«Тогожде молитва святым преподобным женам и мученицам»*; Начало: *«О прехвалныя и преблаженныя девы и жены, преукрашенныя невесты...»* (л. 414);

- *«Тогожде молитва святителям Московским и всеа Руси». Начало: «Новаго Рима пресветлая светила, богомудрые отцы...» (л. 415);*
- *«Тогожде молитва святым благоверным царем и великим князем». Начало: «Благоверныя и скифетродержавныя цари и князи новаго Израиля...» (л. 416);*
- *«Тогожде молитва преподобным отцем русским». Начало: «Приидете благовернии людие, воспоим преподобных отец лики» (л. 417).*
- *«Тогожде молитва за царя». Начало: «Помилуй, Господи, и соблюди раба своего, государя нашего...» (л. 418).*
- *«Тогожде молитва за патриарха». Начало: «Помилуй, Господи, и соблюди господина нашего смиренного кир (имя пропущено²⁶⁰)...» (л. 419);*
- Молитвы, не имеющие заглавий.
- а) *«Помилуй, Господи, и посети милующих нас...» (л. 420);*
- б) *«Помилуй, Господи, отец наших духовных...» (л. 420 об.);*
- в) *«Помилуй, Господи, служащая нам и повинующаяся...» (л. 421);*
- г) *«Помилуй, Царю небесный, всех православных христиан...» (л. 421 об.);*
- д) *«Помилуй, Господи, и прости враги наша...» (л. 422);*
- е) *«Помилуй, Господи Царю, и сохрани жену мою...» (л. 422);*
- ж) *«Помяни, Господи, отшедшия души раб своих...» (л. 422 об.);*
- з) *«Помяни, Господи, отец моих духовных, и вся сродники моя...» (л. 423);*
- *«Тогожде молитва преподобному Дмитрию, вологодскому чудотворцу. Начало: «О, преблагий наш пастырю и учитель, о, великий чудотворец Димитрий...» (л. 423 об.).*
- *«Тогожде молитва преподобному Макарию, унежскому чудотворцу». Начало: «Радуйся, богоизбранный честный сосуде...» (л. 424 об.).*

²⁶⁰ Е.П. Семеновой по пропуску имени датировала сборник первой половиной 1652 г., когда патриаршая кафедра некоторое время пустовала после смерти патриарха Иосифа. (Семенова Е.П. Русская общественная мысль первой половины XVII в. (творчество С.И. Шаховского и И.А. Хворостинина): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1982. 19 с.)

В корпусе молитвы расположены по иерархии. Первая молитва обращена ко Христу, поскольку христианин обращается, прежде всего, к Божеству – Творцу, Правителю и Судье мира, выражая надежду на Божественную милость.

В православной традиции Бог исповедуется в Троице, «неслиянной и нераздельной», и С.И. Шаховской исповедует эти догматы в начале текста: «в Триипостасном Божестве славимый и во едином существе, власти же и силе со Отцем и Святым Духом неразлучно пребываемый».

Так же в начале текста автор разместил большое количество эпитетов, которые перекликаются с молитвой, читаемой на вечерне в день Троицы.

Далее по тексту идет перечисление иных православных догматов о «приснодевстве Марии» и о восприятии человеческой природы за исключением греха: «и сошед на землю осенением Святого духа от девическия утробы без семени плоть восприял еси, и всю немощь нашу, кроме греха, понесл еси». А также догмат о воскресении: «...и воскрес тридневно всеилен...».

После такого подробного исповедания веры автор переходит к упоминанию своих немощей «аз бо грешный тмою помраченный», как противопоставление совершенной Божественной личности и несовершенной человеческой.

Одновременно с этим, в молитве развернуто показана необходимость личного смиренного покаяния как необходимого условия духовного становления и обретения надежды быть услышанным: «призри на мое смирение, аще и раздражаю твое безчисленное милосердие, но надеюся на твое человеколюбие».

После обращения к Богу и выражения смирения через покаяние, молитва завершается непосредственным прошением о спасении души молящегося.

Можно указать на некоторые поэтические особенности данного текста, а именно попытки создания рифменных созвучий, что указывает на

перемены в русской культуре происходившие в первой половине XVII в.: *«...Сам Себе достигаемый, неприступнем свете пребываемый, от небесных и земных певаемый и покланяемый, в триипостасном божестве славимый и во едином существе, власти же и силе со Отцем и Святым духом неразлучно пребываемый...»*.

Сама структура молитвословия построена по принципу постепенного приближения к личному молитвенному прошению о спасении души.

Молитвы С.И. Шаховского связаны с постоянными напоминаниями о Божественном промысле в жизни человека, который трудно постижим. В этой связи большое место в содержании молитвенных текстов занимает мотив принятия жизненных невзгод, а личные нужды и просьбы отодвинуты на второй план. Биография писателя, показанная нами в первой главе (опалы и ссылки), позволяет понять этот душевный настрой. Причем само настроение покаянного прошения показывает ту глубокую погруженность в православную традицию и в текст Евангелия, которой отличаются все молитвенные произведения С.И. Шаховского: «...приими мя Господи яко древле мытаря кающагося и помилуй мя яко оною блудницу от фарисей пред твое человеколюбие приведенну и отпустил оправданну...», с прямой отсылкой к Евангельскому тексту (Лк. 18: 9–14, Ин. 8: 1–11), или «...яко сам живоносными усты своими петрови рекл еси аще ди брат твой рече согрешит до седми десят крат седмицею и обратився покается отпуститьи ему согрешение повелел еси...» (Мф. 18: 21–22). Мотив прощения и принятия своей судьбы занимает важное место в молитвенных обращениях. Неслучайно С.И. Шаховской отсылает к словам Христа о постоянном прощении ²⁶¹.

Следующей идет молитва Кресту Господню. Ее текст, безусловно, созвучен содержанию песнопений праздника Воздвижения ²⁶²: «Радуйся живоносный кресте», «О треблаженное древо на нем же распятся Христос

²⁶¹ Малюта Е.Г. Гимнография князя Симеона Шаховского... С. 193–198.

²⁶² Воздвижение Честного и Животворящего Креста. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2013. 64 с.

Бог наш». В этом месте автор вспоминает предание, связанное с обретением креста равноапостольной Еленой: «и воздвигни мя, яко мертвеца древле»²⁶³. Молитва краткая по объему, но исполнена емких словесных формулировок и приемов.

Далее у князя следует молитва к Богородице. Частичный анализ этого произведения приведен в диссертации Е.Г. Малюты²⁶⁴. В тексте С.И. Шаховской сам указывает первоисточник текста – молитву авторства преподобного Максима Грека, а затем добавляет, что финальную часть составил самостоятельно.

В молитве Иоанну Крестителю князь также начинает с эпитетов, которые из текста Евангелия были заимствованы в гимнографические произведения – стихиры, тропари и т.д. С.И. Шаховской именует Иоанна «великий во пророцех», «небесный человеке, земный ангеле». В тексте князь вспоминает суть подвига Предтечи – интеллектуальная подготовка израильтян к пришествию Христа и крещение в Иордане Самого Спасителя: «сподобился еси во струях иорданских руку возложить на владыку и показати путя спасительныя людем фарисейское думение и бесовскую гордость их посрамил еси» (Мф. 3: 13-17). Здесь автор также упоминает слова Христа: «не восста рече в рожденных женами болий Ивана Крестителя» (Мф. 11:11), через это подчеркивая дерзновение Предтечи по отношению к Богу.

С молитвы бесплотным силам С.И. Шаховской начинает придерживаться определенного типа построения своих текстов. Здесь он перечисляет ангельские чины, согласно трактату святого Дионисия Ареопагита «О небесной иерархии»²⁶⁵, однако не совсем в точном порядке. После перечисления князь говорит о сути ангельского служения: «ему же со страхом и трепетом предстоите, победныя возсылающе песни и воспевающе

²⁶³ Ставрографический сборник. Книга третья: Крест как личная святыня: Сб. статей. М.: Изд-во Московской Патриархии; Изд-во «Древлехранилище», 2005. 684 с.

²⁶⁴ Малюта Е.Г. Гимнография князя Симеона Шаховского: идейно-содержательная специфика и художественные особенности: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2024. С. 198

²⁶⁵ Святого Дионисия Ареопагита о небесной иерархии / Пер. с греч. Изд. 6-е. М.: Синод. тип., 1898. 63 с.

непостижимую его славу». Затем следует молитвенная просьба о покровительстве и помиловании. Этой структуры С.И. Шаховской будет придерживаться и в последующих текстах.

В молитве апостолам князь, согласно принятой структуре построения текстов, упоминает наиболее почитаемых для себя и для народной православной практики имена апостолов: Петра и Павла (в православной христианской традиции практически всегда упоминаются вместе), Иакова – брата Иисуса Христа по плоти, сына Иосифа Обручника, согласно преданию, Андрея Первозванного, который по преданию проповедовал в землях будущей Киевской Руси и Иоанна Богослова – апостола любви, которого сам С.И. Шаховской многократно цитирует и перефразирует в различных своих жанрах. Далее князь упоминает, что Христом апостолам дана власть отпускать грехи и надеется, что и он получит прощение «дана бысть вам благодать молиться за ны и грехи отпущати, не презрите мя убогово, беднующа и просяще вашей помощи во отпущение грехов моих, аминь» (Мф. 18:18, Ин. 20:23).

В молитве пророкам также перечислены наиболее значимые для автора имена: Моисей, Илья, Самуил, Елисей, Исайя, Иеремия, Варух, Даниил и царь Давид – составитель псалмов. Суть пророческого подвига – возвешение воли Божией, о чем и говорит князь в своей молитве: «ему же ныне на небесех радостно предстоите, молящися за ны, да подаст ми Господь прошением вашим милосердие свое во веки, аминь».

Молитва святителям имеет тот же принцип построения, что и предыдущий текст. В начале упоминаются иерархи, в православном богослужебной практике именуемые великими и вселенскими: Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст, далее следует имя Афанасия Великого – ставшего автором на I Вселенском соборе догматической формулировки о единосущии Лиц Троицы. Также С.И. Шаховской упоминает святителя Николая Мирликийского, Амвросия Медиоланского и некий Дионисий, возможно – Дионисий Ареопагит, первый епископ Афин,

мыслитель и богослов, составитель трактата «О небесной иерархии». Наименования ангельских чинов вошли также в молитву С.И. Шаховского к бесплотным силам.

Автор и здесь формулирует суть служения святителей – просвещение народов Христовой верой: «по Христе, Владыце своем, поборающе и слово истины его исправляюще, и своим учением вся конца земная светолучно просвещающе» и уже по традиции он в противовес их подвигу ставит свои немощи с просьбой их исцелить: «просветите мое неразумие и тму сердца моего далече прогоните, богохульные помыслы и скаредие ²⁶⁶ сердечное от мене до конца истребите, да чистым сердцем и здравым помышлением, и устнами воспою творца моего и владыку».

В молитве преподобным представлен более широкий список почитаемых С.И. Шаховским святых, причем здесь они не ограничены хронологически или территориально: Антоний и Феодосий Киево-Печерские (основатели Киевской Лавры), Ефимий Великий (древний подвижник, один из отцов общежительного монашества), Савва Освященный (создатель иерусалимского богослужебного устава), Иоанн Лествичник (игумен монастыря на Синайской горе, автор монашеского руководства «Лествицы»), Иоанн Дамаскин (автор «Изложения православной веры», составитель христианской музыкальной системы осмогласия), Пахомий и Иларион Великие, Семион Столпник, Савва и Семион Сербские, Варлаам и Иоасаф²⁶⁷ и преподобные, просиявшие в Египте, Ливии, Вифаиде и «во всех странах». С.И. Шаховской объединяет их подвиг одной фразой «в посте просиявшие», но, безусловно, пост здесь должен пониматься не в привычной современной трактовке, как отказ от определенных типов продуктов, но гораздо шире – как особый аскетический образ жизни в целом.

Молитву мученикам открывает упоминаемый в Новом Завете первомученик Стефан, сорок мучеников Севастийских, ветхозаветные отроки

²⁶⁶ По-церковнославянски – гнусность, мерзость.

²⁶⁷ Житие и Жизнь преподобных отец наших Варлаама пустынноика и Иоасафа царевича Индийского. Творение преподобного отца нашего Иоанна Дамаскина. СПб.: Лит. А. Беггрова, 1887. 538 с.

Анания, Азария и Мисаил, великомученик Георгий Победоносец, Димитрий Солунский, Иаков Персиянин, бессребреники Косма и Дамиан. Здесь так же перечень святых очень разнообразен по временным и территориальным характеристикам, в том числе упомянуты персоны из Ветхого Завета, из книги пророка Даниила, которые были мучимы телесно за отказ принести жертву ложному богу. Они стали как бы прообразом новозаветных мучеников за Христа. С.И. Шаховской так и размышляет о феномене мученичества: «кровь свою яко воду за Христа пролияша, презрев своя телеса и маловременное на земли пребывание». Завершается текст этой молитвы перефразированием окончания тропаря из службы сорока мученикам: «слава венчавшему вас, слава подающему вами всем исцеление»²⁶⁸.

В следующем тексте молитвы святые подобраны по половому признаку: единая молитва посвящена преподобным женам и мученицам. В ней упомянуты первомученица Фекла (по аналогии с архидиаконом Стефаном), преподобная Мария Египетская, великомученица Ефимия, две мученицы Анастасии Римских, преподобная Ксения, великомученица Екатерина, мученица Параскева. Интересно, что именно к святым женщинам князь обращается с просьбой о целомудрии, то есть о целостном мышлении и о соответственном поведении: «избавите мя душегубительныя сия страсти и блуднаго желанья, и разсеяннаго ми ума соберите благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа».

Упомянутые в молитве святые известны твердостью характера, веры, хранением, в том числе, плотской чистоты, на что они вдохновлялись личностью Христа. Здесь автор также противопоставляет их подвигу свою немощь и просит об исцелении: «не гнушайтесь мя скверных моих дел ради и неподобных мыслей молитесь Владыце моему и Пречистой Его Матери, Владычице наша, избавити мя належащаго прещения диаволя и разрушити тех злокозненное мечтание, влогающе непрестанно во ум мой вся скверныя

²⁶⁸ Миняе. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2002. 12 том. Ч. 1. С. 424; Ч. 2. С. 273.

помыслы и хулу, оскверняя душу мою и розметая, смущая сию всегда». Это прошение перекликается по смыслу, например, с посланием князя С.И. Шаховского к патриарху Филарету с просьбой помилования за незаконный четвертый брак. В послании он так же оправдывает себя горячностью нрава и случающимися искушениями²⁶⁹.

Содержание и этой молитвы С.И. Шаховского, и молитвы о разлучении супружества «*Помилуй, Господи Царю, и сохрани жену мою...*» указывает на непреходящую для автора важность данной темы и его попытки осмыслить события личной жизни в, найдя им не только юридическое, но и духовно-нравственное оправдание.

Здесь покаянная сторона дела сопровождается обращением к благодати и человеколюбию Христа, которые С.И. Шаховской считает основой общественного устройства, а потому полагает, что именно в благодати и человеколюбии Христовых сможет обрести защиту и помощь в своих земных делах по устройению личной жизни. Стоит отметить, что тема взаимодействия закона и любви, икономии и акривии, звучит у князя как в дальнейших молитвах, так и в текстах других жанров, обзор и частичный анализ которых уже был сделан другими исследователями ранее²⁷⁰.

Таким образом даже поверхностный взгляд на молитвенные тексты князя Семена Ивановича Шаховского открывает перед нами человека, очень глубоко погруженного в жизнь и традиции Русской православной церкви. Пантеон почитаемых им святых очень широк и разнообразен. С одной стороны, высказывается мнение, что это свидетельствует о его начитанности и владении приличной библиотекой, а с другой мы можем утверждать, что он как человек, деятельно исповедающий православие, с ранних лет участвовал в церковных службах и так впитал в свое сознание поэтику, стилистические особенности и мудрость церковных песнопений и других текстов.

²⁶⁹ Волков С.А. Послание С.И. Шаховского к патриарху Филарету «зело умильно»: к вопросу взаимоотношения списков // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2025. Вып. № 2 (43). С 30-37.

²⁷⁰ Малюта Е.Г. Гимнография князя Симеона Шаховского... С. 199-204.

Стоит отметить, что личная библиотека С.И. Шаховского, источниковая база, которую он использовал для написания своих работ, вероятно, была очень обширной. Не совсем понятно перевозил ли он ее с собой во время ссылок и поездок на воинства или она была стационарной. Остается также открытым вопрос о том, кому перешла эта библиотека после его смерти. В настоящее время сделана попытка частично восстановить источники, которыми мог пользоваться князь в своей литературной деятельности, не считая пометок, оставленных им самим на полях своей рукописи. Сюда, с большой долей вероятности, относились «Острожская Псалтирь с воследованием» 1598 г., «Псалтырь с воследованием» 1625 г., «Канонник» 1636 г., «Книжица в шести розделах» Василия Сурожского, «Кириллова книга» 1644 г.²⁷¹

Тем не менее не стоит забывать, что С.И. Шаховской принадлежал к определенному образованному кругу людей своего времени и мог пользоваться литературой из чужих собраний, кроме того, в его распоряжении были обширные монастырские библиотеки. Часто мы видим, что в своих произведениях писатель ошибается – следствие того, что он цитировал текст по памяти, но не имел его под рукой. С другой стороны, точно известно, что, возвращаясь со службы из Тобольска в 1638 г. князь оставил массу книг в сундуках. В последствии он жаловался, что тобольский воевода Ж.В. Кондырев их пограбил²⁷². А.В. Полетаева пишет о том, что после завершения службы в Енисейске (1629–1631) князь подал челобитную с просьбой вернуть его книги и вещи, которые он оставил в остроге на хранение у С. Котова²⁷³. Как мы видим, дважды С.И. Шаховской просит вернуть оставленные книги. Моет быть он отправлялся в дальние поездки без большого количества имущества, налегке, а потом, после обустройства на новом месте получал основную часть важных для себя вещей в том числе и

²⁷¹ Там же. С. 188-193.

²⁷²РГАДА. Ф. 2 14. Оп. 3. Д. 98. Л. 294-294 об.

²⁷³ Полетаев А.В. Князь Семен Шаховской и его сибирские «знакомцы»: Сергей Андреевич Котов // Проблемы истории России. Екатеринбург : Волот. Вып. 6: От Средневековья к Современности. 2005. С. 39-58.

столь необходимые ему для работы книги. В итоге переезды не позволяли С.И. Шаховскому иметь все необходимые книги под рукой сразу, поэтому он нуждался в кратком сборнике молитвенных произведений, который и подготовил самостоятельно.

В контексте настоящей работы необходимо также обратить внимание на выводы, которые сделал иеромонах Далмат (Юдин) о развивающейся в XVII в. повсеместной практике составления молитвенных текстов личного сочинения²⁷⁴. Известна, например, «Малая подорожная книжица» Ф. Скорины. Эти универсальные сборники были предназначены для любого человека, кто совершает молитвенное правило независимо от наличия священнического сана, монашества или мирского состояния, а особенно для тех, *«...которые не часто в церкви бывают, а особливе для подорожных»*²⁷⁵. Князь С.И. Шаховской, несомненно, относился к таким благочестивым «подорожным» мирянам, чья жизнь была наполнена постоянными переездами, ссылками, походами и прочими государственными делами.

Хотя исследователи справедливо указывают на авторскую переработку изначальных текстов молитв, тем не менее она является достаточно обстоятельной, поэтому князь открыто указывает себя их автором²⁷⁶. В целом, как отметил Е.Г. Малюта, общий характер ряда молитвенных произведений князя, особенно без заглавий связан с написанием их после ссылки, пока была велика эмоциональная палитра, а это по смыслу и подаче роднит их с виршевыми посланиями князю Дмитрию Пожарскому и другими стихотворными произведениями С.И. Шаховского, в которых он просит оказать конкретную помощь поддержкой при царском дворе, а также помощь в вопросах материального характера²⁷⁷.

²⁷⁴ Далмат (Юдин), иером. Начальный этап бытования молитв утренних и вечерних по печатным источникам (1596–1622): возникновение, вариативность состава, пути передачи текста // Богословский вестник. 2015. № 18-19. С. 289-341.

²⁷⁵ Там же. С. 317 - 318

²⁷⁶ Ляпин Д.А. Непризнанный святой Прокопий Устьянский и новые сведения к творческой биографии С.И. Шаховского // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22. Вып. 4. С. 430-435; Волков С.А., Ляпин Д.А. Похвальное слово устюжским чудотворцам князя Семена Шаховского // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 3. С. 442-449.

²⁷⁷ Малюта Е.Г. Гимнография князя Симеона Шаховского... С. 204-205.

Итак, завершая рассмотрение вышеприведенный сборник молитвенных произведений князя С.И. Шаховского можно сделать вывод о сознательном распределении автором молитв в определенном порядке, когда в начале и конце размещены молитвы общеупотребительного характера, которые можно рассматривать в качестве молитвословия для каждого православного христианина, в то время как в центральной части сборника помещены молитвы исключительно частного характера и предназначенные для личного молитвенного правила только самого князя.

Сам же корпус представленных в сборнике молитвенных произведений показывает освоение князем С.И. Шаховским предшествующего опыта житийной литературы и богословских трудов отцов Церкви, одновременно с тем, наблюдается стремление автора внести в свои произведения актуальную для его времени виршевую традицию стихосложения²⁷⁸.

Таким образом, можно отметить не только знакомство С.И. Шаховского с памятниками молитвенных чинопоследований, но и его активное размышление над вопросами богословского содержания в контексте актуальных событий, в которых он принимал непосредственное участие и которые касались его личного жизненного опыта, в том числе вопросов брака и богословского обоснования различных ситуаций при заключении брачных союзов. При этом, С.И. Шаховской, сохранял свою индивидуальную поэтику изложения, что хорошо заметно в стиле изложения и в композиционных особенностях его молитвенных произведений. Выше было показано, как писатель осмыслял существующую традицию, перенимал актуальные для его времени формы литературного письма и одновременно с этим оставался верен своей личной поэтике как в этическом, так и в эстетическом плане. В определенном смысле, можно наблюдать на примере приведенного выше свода общих и личных молитв, как С.И. Шаховской сформировал свой уникальный способ составления молитвенных посланий, используя композиционные сдвиги в традиционных структурирующих

²⁷⁸ Там же. С. 206-210.

формах молитвослова и житийной литературы. Кроме того, опираясь на структуру широко известных молитвенных посланий, С.И. Шаховской создавал свои варианты композиционного формирования произведений, привнося в них индивидуальные приемы тематического членения личных и общих молитвенных текстов.

3.2. Сочинения о Смутном времени – новая светская публицистика

События Смутного времени нашли свое отражение в большом количестве произведений современников и послужили зарождению и развитию в отечественной книжной культуре новых жанров, таких как светская поэзия, проза и публицистика. Князь С.И. Шаховской, будучи активно вовлечен в текущие процессы изменения общественных институтов и имея (как показано выше) несомненный дар литератора, отразил в своих произведениях развитие не только поэтических, но и публицистических жанров в отечественной литературной традиции.

Говоря о произведениях С.И. Шаховского, которые обнаруживают элементы публицистического типа изложения, необходимо указать прежде всего на «Домашние записки»²⁷⁹ князя, где помимо сведений о своем рождении и служебной карьере от 1601 по 1649 гг., С. И. Шаховской дает и ряд комментариев по поводу событий Смуты. Как уже сказано ранее, давая интерпретацию общероссийским событиям и их значению, князь С. И. Шаховской избегает в «Домашних записках» упоминаний о своем участии в Смуте. Тем не менее, сама автобиографичность повествования указывает на изменения в подходе к изложению исторических событий: внесение в текст личных интерпретаций, авторская трактовка богословского смысла событий, автобиографичность сюжета. Все это позволяет говорить о формировавшихся в русской книжной культуре XVII в. новых литературных направлениях, в том числе относящихся к жанру светской публицистики и С.И. Шаховской

²⁷⁹ Шаховской С.И. Указ. соч.

принимал самое непосредственное участие в создании произведений данного направления. В данном контексте расхождение приводимой С. И. Шаховским в «Домашних записках» даты коронации Василия Шуйского с датой, известной сегодня отечественным историкам, можно объяснить тем, что князь составлял не просто летопись, а произведение-толкование, где интерпретация автора является более существенным содержанием текста, а даты событий относятся к повествовательным элементам дополнительного порядка. Более того, можно отметить, что такая неточность приводимой в «Домашних записках» даты коронации Василия Шуйского является чертой индивидуальной, памятной автору как событие, но не как точное число месяца.

В целом, «Домашние записки» начинаются традиционным для летописного источника изложением событий, произошедших в те или иные даты, указанные автором, но начиная с пятой записи читатель узнавал о личных бедах, постигших автора и здесь С.И. Шаховской изменил традиционную форму летописания, внося в свое изложение исключительно личные, авторские интерпретации собственных злоключений. Такая особенность уже отмечалась исследователями, но необходимо добавить, что сама манера изложения создает видимо значимый для автора образ «опального» князя и в этом (как отмечено исследователями²⁸⁰) прослеживается некое фрондерство к власти, которое впоследствии все чаще станет проявляться в публицистических произведениях более поздних русских авторов.

Одно из самых ярких свойств зарождавшейся новой публицистики, это усиление индивидуального начала, стремление к самовыражению, что заметно даже в таком, казалось бы, основанном на исключительно житийном принципе изложения, произведении князя С.И. Шаховского как «Повесть известно сказуема на память великомученика благоверного царевича

²⁸⁰ Полетаев А.В. Князь Семен Шаховской и его сибирские «знакомцы»: Сергей Андреевич Котов // Проблемы истории России. Екатеринбург : Волот. Вып. 6: От Средневековья к Современности. 2005. С. 39-58.

Дмитрия». В этом произведении автор не столько говорит о событии смерти наследника Ивана Грозного, сколько находит повод указать существенные для своей личной судьбы детали. Князь С.И. Шаховской пишет о рождении царевича Дмитрия, что он рожден *«от шестыя ему жены царицы Марии»*. То есть, здесь наблюдается совершенно очевидное пересечение с болезненной для князя темой законности неканонического «шестые» брака, а, следовательно, и законности наследника. Причем С.И. Шаховской комментирует этот факт в ожидаемом оправдательном ключе: *«Да никто же зазирает многобрачное сие рождество... Не осудится бо всяк родивыйся от многобрачия родителским прегрешением, аще добре житие свое изведет»*.

Используя житийный принцип повествования, автор через пример самого заметного события в новейшей для него истории Русского царства показывает законность и своего четвертого брака.

Осмысливая одновременно юридический и богословский аспекты проблемы канонического брака, князь дает не просто толкование, но авторскую интерпретацию событий, которые соотносит со своей личной судьбой. Здесь как нельзя сильно выражено то индивидуальное начало, о котором сказано выше, так как С.И. Шаховской «смеет» соотносить пример своего четвертого брака с браком самого государя Ивана Грозного, что уже само по себе являлось довольно смелой попыткой найти оправдательные аргументы в свою пользу и дать основания для признания законности своего четвертого бракосочетания. Рассуждая о наследнике Ивана Грозного, князь С.И. Шаховской по сути ищет обоснования для оправдания самого себя и признания законных прав своих наследников от четвертого брака.

Помимо приведенных мотивировок для написания данного произведения, у С.И. Шаховского как бы между делом вырывается еще один примечательный личный комментарий, который очевидно расходился с декларируемыми трактовками официальных светских и духовных властей в современном ему Русском государстве. Говоря о личности Бориса Годунова, которого на тот момент считали убийцей царевича Дмитрия, С.И. Шаховской

характеризует Годунова, как пребывающего в «велемудренном и многоразсудном разуме».

Современники князя С.И. Шаховского вообще много говорили о личности Бориса Годунова, при этом не просто изыскивали богословские трактовки, но и не забывали «показать характер» отдельного человека во всей его противоречивости и различности проявлений. Авраамий Палицын писал о Годунове: *«Аще и разумен бе в царских правлениих, но писания божественнаго не навик и того ради в братолюбствии блажен бываше»*²⁸¹. Палицыну вторил князь Иван Хворостинин: *«Аще и не научен сый писаниам и вещем книжным, но природное свойство целоносно имея»*²⁸². А представитель высшей бюрократии Иван Тимофеев отмечал не только контрастность характера, но пытался из этого вывести некий эстетический принцип: *«И яже злота о Борисе извещана бе, должно есть и благодеяний его к миру не утаити... Елико убо злотворная его подробну написати потщахомся, сице и добротворивая о нем исповедати не обленимся»*²⁸³.

Князь С.И. Шаховской, говоря о «велемудренном и многоразсудном разуме» Бориса Годунова следовал актуальной ему публицистической манере изложения, но вносил в нее индивидуальное авторское толкование событий и личностей, а агиография постепенно превращалась в биографию и автобиографию.

Развитие этого процесса показано еще Л.А. Дмитриевым на примере северорусских житий²⁸⁴, но и в общерусском контексте данный процесс происходил повсеместно, что фрагментарно наблюдается в том числе и в произведениях С.И. Шаховского. Причем если в северорусских памятниках наблюдается явная тенденция превращения житийных принципов в

²⁸¹ Сказание Авраамия Палицына. / Подгот. текста и коммент. О.А. Державиной и Е.В. Колосовой. Под ред. Л.В. Черепнина. М., Л.: Академия наук СССР, 1955. 349 с.; «Сказание» состоит из нескольких contemporaneous слоев, о датировке которых до сих пор идут споры (Солодкин Я. Г. О датировке начальных глав «Истории» Авраамия Палицына. // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 290-304).

²⁸² Семенова Е.П. И.А. Хворостинин и его «Словеса дней» // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 286-297.

²⁸³ Временник Ивана Тимофеева / Подгот. к печати, пер. и коммент. О.А. Державиной; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Изд. Академии наук СССР. М.-Л.: 1-я тип. Изд-ва Академии наук СССР, 1951. 524 с.

²⁸⁴ Дмитриев Л.А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XVII веков. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л.: Наука, 1973. 303 с.

«повествование с персонажами», которые порывают с традицией идеального героя жития, которому необходимо подражать, то С.И. Шаховской настойчиво сохраняет этот элемент «идеальности», находя богословские аргументы в пользу той или иной интерпретации событий собственной судьбы. Но произведения С.И. Шаховского не являются житийными в привычном его современникам смысле слова, а относятся скорее к «повествованиям о жизни» с богословскими элементами, характерными для житийного изложения.

Еще одно примечательное произведение о Смуте – «Летописная книга», которое изначально приписывалось князю И.М. Катыреву-Ростовскому, но по результатам изысканий ряда исследователей²⁸⁵, вероятно, также принадлежит перу С.И. Шаховского. Впервые оно было издано в 1869 г. А.Н. Поповым под названием «Хронограф Сергея Кубасова»²⁸⁶ без сопровождения какими-либо комментариями. Немногим ранее был опубликован отрывок²⁸⁷, в котором говорится об истории Лжедмитрия I.

Важно, что и «Летописная книга» носит черты зарождающейся новой светской публицистики, хотя и наследует всей предшествующей традиции русской книжности. Так как атрибуция произведения С.И. Шаховскому относится к не до конца подтвержденным открытиям историографии, то необходимо отметить важность исторических интерпретаций в произведениях о Смутном времени, которые также указывают на историко-публицистические тенденции, в русле которых С.И. Шаховской создавал свои произведения. Именно это направление активно развивалось в период «бунташного» XVII в. на русской почве, хотя произведения данного периода и носили часто черты житийной литературы прошлых эпох, обращение к которой характерно для произведений С.И. Шаховского. Версия о том, что

²⁸⁵ Там же; Кукушкина М.В. Указ. соч.

²⁸⁶ Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / собрал и издал Андрей Попов. М.: Тип. А. И. Мамонтова и Ко., 1869. 541 с.

²⁸⁷ Четыре сказания о Лже-Димитрие, извлеченные из рукописей Публичной библиотеки. СПб.: Тип. И.И. Глазунова, 1863. 132 с.

С.И. Шаховской выступал скорее редактором²⁸⁸ «Летописной книги» кажется более вероятной, тем не менее надо отметить данный памятник как связанный, пускай и опосредованно²⁸⁹, с творческими изысканиями князя.

Из всего круга широко распространенных житийных героев, где большая часть избиралась к канонизации, как правило, из числа иноков, архипастырей, князей-воинов и князей-мучеников, С.И. Шаховскому ближе всего образ последних и это настойчиво повторялось князем или буквальным, или опосредованным соотнесением себя и своей судьбы с подвижническим и смиренным путем святых князей-мучеников.

«Повесть о некоем мнисе, како послася от бога на царя Бориса во отомщение крове праведнаго царевича Димитрия» по сути есть подспудное перенесение своего личного опыта в область конструирования сюжета о божественном возмездии гонителям и хулителям. Здесь тема неотвратимости и неизбежности отмщения показана князем на самом близком в историческом смысле примере, когда даже наличие определенных положительных черт описываемого персонажа не избавляет последнего от наказания за тяжкие преступления. Можно было бы видеть в этом произведении С.И. Шаховского исключительно пересказ известных исторических событий, но так как этот же автор написал о «шестыя» браке Ивана Грозного в несомненной связи с собственным неканоническим четвертым браком, то вполне допустимо видеть и в этом произведении о неотвратимости кары Божией элементы личного поиска справедливости в отношении себя и указание на высшую справедливость, которая неизбежно свершается ради мучеников. Помимо прочего, С.И. Шаховской часто берет на себя роль наставника в вопросах богословского обоснования (что было показано, например, в работе М. В. Шпаковского²⁹⁰) высказываемых им интерпретаций различных событий исторического характера и событий,

²⁸⁸ Буланин Д.М. Указ. соч. С. 278.

²⁸⁹ Серова И.Ю. К вопросу о влиянии «Летописной книги» на Повести о Смуте С.И. Шаховского // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 338-340.

²⁹⁰ Шпаковский М.В. Послание князя Семена Шаховского против аполлинарианства // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2022. № 1 (17). С. 132-150.

связанных с личной судьбой автора, что говорит об использовании богословского материала в целях полемического обоснования той или иной точки зрения, в том числе и на вопросы каноничности брака или неотвратимости Божьего наказания.

Отдельного внимания требуют так называемые «исторические» произведения князя С.И. Шаховского, рассказывающие о конкретных исторических событиях. К таким произведениям относятся «Слово о пожаре московском изложено вкратце. зело умильно прочитающе со вниманием» (пожар случился 3 мая 1626 г.) и «Повесть преславная сказуемая о принесении многочудесныя ризы Христа от персид в царствующий град Москву...». Здесь князь повествует об известных ему событиях, современником которых он был сам и которым он дает кроме богословской еще и личную оценку, используя свой литературный талант. Важно, что период зарождения в русской культуре публицистических произведений, современником которого был князь С. И. Шаховский, позволял авторам формировать новые традиции публичного высказывания, но при этом каждый автор вносил в эту новую традицию свои особенности повествования и Шаховский ярко демонстрировал приверженность к включению и настойчивому повторению в своих произведениях богословских цитат и интерпретаций. Это выделяло произведения князя из общего ряда «событийных» текстов и давало своеобразную личную окраску его текстам.

При этом первое произведение «О московском пожаре» весьма примечательно тем, что обнаруживает связь с еще одним произведением того же периода, которое возможно связано с именем С. И. Шаховского. Речь идет о найденном²⁹¹ в личном архиве игумена Кронида (Карева)²⁹² сборнике, в котором содержится текст, озаглавленный «Чюдо преславно и древним чудесем подобно паче же плачу и умилению достойно, како содеяся во граде Устюге во храме соборном Пресвятыя Богородица честнаго и славнаго

²⁹¹ Лифшиц А.Л. Неизвестное сочинение Семена Ивановича Шаховского о пожаре в Успенском соборе Великого Устюга // *Slověne. International Journal of Slavic Studies*. 2023. Т. 12, № 2. С. 127-142.

²⁹² Игумен Кронид (Карев) в настоящее время является насельником Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.

ея Успения». Найденное в сборнике игумена Кронида произведение позволяет уточнить датировку события описываемого пожара, но кроме того в нем обнаружена зашифрованная подпись автора, которая без труда прочитывается как «князь Симеон Шаховской. То есть, событие пожара как минимум дважды становится для С.И. Шаховского поводом к созданию произведения, при этом позволяет князю дать свою личную богословскую оценку смыслу этих событий. Учитывая контекст и манеру изложения С. И. Шаховского можно с уверенностью говорить о своеобразном публицистическом подходе князя в над указанными произведениями, который через описываемое событие дает личную оценку и характеристику произошедшему, что является одним из основных признаков для формирующихся в XVII в. направлений новой русской публицистики.

Также необходимо сказать и о таком, редко оказывающемся в центре внимания исследователей²⁹³, произведении С.И. Шаховского как «Вопросихъ некоего любу мудреца о неудоборазумныхъ вещех»²⁹⁴ («Спросил одного мудреца о непонятных вещах»). Здесь вопросы исключительно богословского характера сочетаются с психологизмом публициста, который побуждал автора вообще обратиться к данной теме.

Сама пытливость, попытка разобраться в существе вопроса и личный комментарий с указанием аргументации в пользу неясности тех или иных мест в известном тексте Священного Писания указывает на связь изложения (не по форме, но по духу) с публицистической манерой изложения проблемы и комментирования ее контекста, исходя из личного понимания. Причем сама манера изложения, построенного на определенной словесной игре, позволяет автору высказать собственные мысли используя некий «двойной» язык, что вообще характерно для многих произведений С.И. Шаховского, который был, как известно, склонен к литературным мистификациям и использованию словесной игры как основного литературного приема.

²⁹³ Ляпин Д.А. Животные пятого дня и три вопроса князя С. И. Шаховского к одному мудрецу // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2022. № 1 (17). С. 123-131.

²⁹⁴ ОР РГБ. Ф. 173/1 № 213. Л. 329-333.

Именно эта манера изложения позволила в свое время Э. Кинану предположить, что первое послание Курбского Ивану Грозному составлено именно князем С.И. Шаховским²⁹⁵. В приводимом же сейчас произведении заданные автором вопросы по существу содержат в себе и ответы на них, то есть С.И. Шаховской использует древнюю форму вопрошания для того, чтобы дать собственные авторские ответы на богословские вопросы, но дать ответы не по причине софистических отвлеченных рассуждений, а ради внесения публицистической ясности в актуальную автору современность. То же первое послание Курбского Ивану Грозному, при всех его богословских отсылках имеет вполне политическое содержание и является характерным полемическим текстом, созданным не ради богословского спора, но исключительно из целей политического обоснования собственных убеждений и публичного продвижения этих убеждений.

Так и С.И. Шаховской, рассуждая в осторожной форме «вопросов к мудрецу» (справедливо опасаясь обвинений в ереси, так как подобная манера изложения вполне могла быть воспринята как аналог вопросов Мартина Лютера к папе римскому, переросших в известные лютеровские «95 тезисов») выдавал собственные трактовки актуальной реальности, демонстрируя при этом знакомство не только с текстами Священного Писания, но и с актуальными его времени богословско-философскими традициями.

К этому типу богословско-исторических произведений относятся и еще два текста С.И. Шаховского «Слово похвальное трем московским святителям: Петру, Алексию и Ионе»²⁹⁶ и «Слово похвальное Христа ради юродивым Прокопию и Иоанну, устюжским чудотворцам»²⁹⁷.

В случае похвального слова московским святителям можно говорить о прекрасном знании С.И. Шаховским древних византийских богословских трудов и агиографических произведений (на это указывают цитаты и

²⁹⁵ Keenan E.L. Указ. соч. С. 73-74.

²⁹⁶ ОР РГБ. Ф. 173/1. Л. 213–267.

²⁹⁷ ОР РГБ. Ф. 354. № 73. Л. 317–328 (первая пагинация); 326–337 (вторая пагинация).

аналогии в произведении С.И. Шаховского), что в свою очередь позволяет дополнительно отметить как круг чтения автора, так и возможные источники получения необходимых знаний о библейской истории и памятниках богословского содержания.

В «Похвальном слове московским святителям...», впрочем, как и в обширном творческом наследии С.И. Шаховского, цитаты и перефразы из книжных памятников составляют значительную часть текста, выполняя роль метафорическую, стилистическую и прагматическую. Так как содержательный и в целом филологический анализ данного произведения С.И. Шаховского уже давался²⁹⁸ ранее исследователями «Похвального слова московским святителям...», то особенно интересно обратить внимание на прагматическую функцию произведения С.И. Шаховского, так как эта функция напрямую связана с теми же задачами, которые выполняют любые произведения публицистического характера – вызвать у читателей отклик и поделиться авторской интерпретацией описываемых событий, убедить читателя в том, что именно авторская интерпретация является максимально близкой к главному смыслу произошедшего, даже если речь идет о похвальном слове написанном в «житийном» духе. Это в свою очередь позволяет говорить о влиянии возникших в XVII в. в русском обществе тенденций к самовыражению в произведениях даже такого, казалось бы, далекого от публицистики жанра каким является жанр «похвального слова святым».

«Слово похвальное Христа ради юродивым Прокопию и Иоанну, устюжским чудотворцам» является произведением, которое приписывается С.И. Шаховскому по таким признакам как: 1) Заглавие сохранившейся рукописи, в котором киноварью написано «Слово похвальное... Списано дуксом Симеоном Шаховским», но буква «С» в слове «списано» нанесена чернилами и возможно исходно слово читалось как «писано»; 2) В тексте

²⁹⁸ Медведев А.А. Библизмы в «Похвальном слове митрополитам Петру, Алексию и Ионе» князя С.И. Шаховского // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 22. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 272-291.

имеются так называемые «весенние» аллюзии, которые характерны для творчества С.И. Шаховского; 3) Наличие рифмованных предложений, характерных для поэтов досиллабической эпохи, но с текстом работал только С. И. Шаховской. Возможно, данное произведение было написано С. И. Шаховским в связи с его пребыванием в 1646 г. в Устюге, но даже если авторство С.И. Шаховского не может пока быть однозначно установлено, то причастность князя к написанию данного в рукописи «Слова похвального Христа ради юродивым Прокопию и Иоанну, устюжским чудотворцам» и в целом его интерес к жизни устюжских святых сомнений не вызывают²⁹⁹.

Вполне возможно, что С.И. Шаховским были использованы имеющиеся тексты о жизни устюжских святых, которые князь творчески переработал и «украсил» рифмованными строками.

Необходимо обратить внимание на строки, которые можно выделить в контексте жизни самого С.И. Шаховского как мотив особо для князя близкий и важный, что в свою очередь косвенно указывает на связь произведения с С.И. Шаховским: *«И странником в чужой земле явился. И как птицы, парящие по воздуху во время цветущей весны – царицы времени к землям нашим приближаются, и в дубравах вселяются, и друг к другу приобщаются, и гнезда себе созидают, и птенцов своих воспитывают, и сладостными песнями воздух наполняют, и сердца людей улаживают. Также и сей чудный муж, блаженный Прокопий....»*; *«И от невежд камнями и палками побивается. И в таком терпении [пребывает] до дня смерти своей...»* (о святом юродивом Иоанне). Здесь переплетаются несколько характерных для творчества С.И. Шаховского элементов. С одной стороны, любимая С.И. Шаховским «весенняя» метафора, с другой – типичный для произведений князя мотив несправедного гонения и христианского претерпевания несправедливости. Таким образом, в данном произведении наблюдается косвенное соотнесение с судьбой С. И. Шаховского, которое является

²⁹⁹ Волков С.А., Ляпин Д.А. Похвальное слово устюжским чудотворцам князя Семена Шаховского // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 3. С. 442-449.

несомненным авторским осмыслением жития святых, но с опосредованным самовыражением как в плане творческом, так и в плане автобиографическом.

Интерес в смысле публицистического духа изложения представляет и послание С.И. Шаховского к князю Пожарскому, в котором также прослеживаются определенная манера письма, сочетающего в себе элементы исторического, богословского и публицистического характера. Довольно развернуто об этом послании говорится в одной из статей Д.А. Ляпина³⁰⁰, но здесь лишь обратим внимание на использование С.И. Шаховским почти фольклорных выражений и построении на этом своей мысли: *«Или рещи: немилосердие и презорство всех обдержит, Отнюдь просто рещи: чюжая беда и напасть никому не болит»* или *«Яко некоторый гладный пес или волк на вся человеки шибается, Подобно же тому и гладная утроба никого не срамляется»*.

К этому же посланию примыкает еще одно произведение С. И. Шаховского «Послание к некоему другу зело полезно от божественных писаний, сложенное за премногу его любовь и посещение его, когда ему случися стрегому быти в царстей опале сущу неповинну»³⁰¹, где князь демонстрирует упомянутую выше склонность к мистификациям и шифрованию своего имени: *«Есть убо сему снискатель роду ерославсково исходатель, ему же звание сице, на три части пишем толице: Двадешатное <К> с пятьдесятым <Н> и по ряду вне числа...»* и т. д. Кроме прочего, в этом послании князем С. И. Шаховским отражены исторические реалии, как то обстановка при московском царском дворе, нрав патриарха Филарета, который отличался нетерпимостью к самостоятельно мыслящим представителям высшей знати, в результате чего многие русские аристократы подвергались регулярным опалам и замене официально объявленного царского решения о казни ссылкой в отдаленные регионы Русского государства.

³⁰⁰ Ляпин Д.А. «Всяко земное житие пара есть и сон»: время и обстоятельства написания С.И. Шаховским послания князю Д.М. Пожарскому // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2018. № 2 (10). С. 77-90.

³⁰¹ Виршевая поэзия (первая половина XVII века) / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. В.К. Былинина, А.А. Илюшина. М.: Советская Россия, 1989. 480 с. С. 92.

Хотя в отечественной историографии бытовало мнение о художественной малозначительности произведений князя С. И. Шаховского³⁰², сегодня необходимо обратить внимание на иные точки зрения на наследие князя и увидеть те несомненные достоинства, которые характеризуют его литературное и, в частности, публицистическое наследие.

Начало особому вниманию к наследию князя было положено известными работами Э. Кинана³⁰³, но остается еще достаточно возможностей для более детального изучения творчества князя С. И. Шаховского. Особый интерес представляет наследие С. И. Шаховского, которое относится к зарождавшемуся в XVII в. в русском образованном обществе жанру публицистики, так как истоки данного жанра прослеживаются как в авторских произведениях князя, так и во многих произведениях того периода, что указывает на довольно сложную синтетическую систему формирования жанра публичного высказывания, имевшего источником все многообразие русской книжной традиции, будь то стихотворные опыты или опыты житийных изложений.

3.3. Богословские произведения – дань традиции

Пожалуй, одно из самых органичных для С.И. Шаховского направлений литературного творчества – это составление произведений богословского содержания. Отмечаемая многими эрудированность князя в вопросах догматического богословия и литературная плодовитость как нельзя кстати приходились при подготовке им ряда богословских произведений³⁰⁴. Здесь С.И. Шаховской использовал свой опыт составления

³⁰² Соловьев С.М. Указ. соч. С. 335.

³⁰³ Keenan E.L. The Kurbskii Groznyi apocrypha. The seventeenth century genesis of the «Correspondence» attributed to prince A. M. Kurbskii and tsar Ivan IV. Cambridge, 1971. 253 p; Keenan E.L. Semen Shakhovskoi and the Condition of Orthodoxy // Harvard Ukraine Studies. 1988. Vol. 12/13. P. 795-815; Martin R.E. Political Folkways and Praying for the Dead in Muscovy: Reconsidering Edward Keenan's «Slight» Against the Church // Canadian Slavonic Papers. 2006. Vol. XLVIII. No. 3-4. P. 283-302.

³⁰⁴ Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский. История русской церкви. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. Т. XI. 628 с.; Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1888.

авторских молитв и общих молитвенных правил, посланий личного и общегосударственного характера, осмысления богословских трудов отцов Церкви и текстов Священного Писания. Конфликтные ситуации с действующей церковной властью в вопросах каноничности бракосочетания в различных ситуациях (будь то мнение князя о возможной женитьбе королевича Вальдемара без перехода последнего в православие³⁰⁵, или собственный опыт четвертого брака Шаховского) позволяли князю не только уточнять свои богословские толкования, но и периодически составлять произведения, которые должны были утвердить читателей в приверженности князя православному вероисповеданию.

Одно из таких богословских произведений С.И. Шаховского – «Послание к некоему любомудрецу, несмысленне глаголющу яко Господь наш Иисус Христос вместо души человеческия прият Дух Святый»³⁰⁶. Данное послание относится к полемическим и предполагает некоего неизвестного оппонента, якобы обвиняемого в ереси Аполлинария Лаодикийского. Из текста ясно, что суть еретического учения С.И. Шаховской понимает как замещение души Христа и ее частей ума и слова Духом Святым в воплощении. Основная мысль Шаховского заключается в том, что аполлинарианство исключает возможность обожения, а, следовательно, и жертва Христа теряет смысл.

Опираясь на цитаты из святителя Григория Богослова и Псевдо-Ефрема Сирина, князь аргументирует ложность аполлинарианского учения. Учитывая известные обстоятельства жизни С.И. Шаховского, можно предположить, что, отдавая дань традиционному православному учению, он все же имел и личные причины для написания подобных посланий, а именно, хорошее знание богословских текстов предшествующих эпох побуждало князя искать ответы на возникающие у него вопросы, сопоставляя известные

372 с.; Тюменцев И.О. Памятники русской литературы и летописания первой половины XVII в. как источники по истории движения Лжедмитрия II (1607-1610-е годы) // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Вып. 7. 2017. С. 238-248; Корсаков Д.А. Указ. соч.

³⁰⁵ Голубцов А.П. Памятники прений о вере, возникших по делу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны // ЧОИДР. 1892. Кн. 2. Отд. 11. С. 158-165.

³⁰⁶ ОР РГБ Ф. 173/1 № 213. Л. 143-148 об.

ему источники с устоявшейся практикой христологического понимания учения Церкви.

Подобное богословие мирянина являлось не одиночной практикой³⁰⁷ и здесь С.И. Шаховской лишь следует общей тенденции, развивая традицию мирского богословия образованных и начитанных людей его времени, хотя текст послания Шаховского и представляет редкий пример рассмотрения именно христологических вопросов³⁰⁸.

Такая особенность данного сочинения князя ставит его в один ряд с известными сочинениями Иосифа Волоцкого³⁰⁹ и Максима Грека³¹⁰. Но в отличие от указанных авторов, Шаховской не использовал приемы скрытых цитат из святоотеческих текстов или свободной формулировки учения Отцов Церкви, а «...прямо опирался на маркированные цитаты из признанных и авторитетных источников»³¹¹. Такой подход к работе над собственными произведениями богословского характера можно объяснить влиянием нескольких аспектов: общего исторического контекста, в котором Шаховским создавались произведения; личного опыта участия в автора исторических событиях; объема знания исторических памятников, как источников богословского вдохновения.

Одновременно с этим и даже исходя из влияния указанных выше аспектов, С.И. Шаховской обладал самостоятельностью мышления, но стремился вписаться в существующее положение вещей, оставаясь настойчивым и одновременно крайне осторожным в вопросах богословского характера (на это указывают маркированные цитаты из авторитетных богословских источников). Послание князя Шаховского против аполлинарианства как раз демонстрирует, в каком историческом контексте

³⁰⁷ Яцимирский А.И. Послание Ивана Бегичева о видимом образе Божии // ЧОИДР. 1895. Кн. 2. Отд. 2.

³⁰⁸ Корецкий В.И. Христологические споры в России (середина XVI в.) // Вопросы истории религии и атеизма. 1963. Вып. XI. С. 334-361.

³⁰⁹ Волоцкий И., преп. Просветитель или обличение ереси жидовствующих. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1896. 551 с.

³¹⁰ Преподобный Максим Грек. Сочинения. / Отв. ред. Н.В. Сеницына. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014. Т. 2. 432 с.

³¹¹ Шпаковский М.В. Послание князя Семена Шаховского против аполлинарианства // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2022. № 1 (17). С. 132-150.

оно создавалось и насколько важно было для представителей русской интеллектуальной элиты XVII века осмыслить существующую богословскую традицию, найти ответы на возникающие богословские вопросы и обоснование для бытующих духовных практик.

С.И. Шаховской определяет еретические взгляды воображаемого или известного ему оппонента как аполлинарианство, осужденное на Втором Вселенском соборе одновременно с еретическими учениями Савелия и Македония ³¹². Князь утверждает, что подобное еретическое заблуждение ведет к проклятию, а, следовательно, видит своего оппонента как человека, нуждающегося в наставлении в истине. Важно то, что наставлять в истине Шаховской берется сам, то есть здесь наблюдается стремление мирянина участвовать в делах Церкви в качестве наставника и учителя, что также вполне могло быть воспринято и как опасная мирская активность, ведь князю наверняка были известны слова из апостольского послания: «Братия мои! не многие делайтесь учителями, зная, что мы подвергнемся большему осуждению» (Иак. 3:1). Тем не менее, С.И. Шаховской выступил в качестве такого «учителя», что очевидно было довольно трудно представить еще в не такое отдаленное историческое время в русском обществе, где наставниками в истине выступали традиционно отцы Церкви. Учитывая настойчивое создание Шаховским богослужебных произведений, которые он отстаивал как возможные для общецерковного использования, можно видеть те исторические изменения, которые происходили в среде русских интеллектуалов XVII века.

Здесь необходимо обратить внимание на творчество Шаховского как гимнографа, так как это хорошо демонстрирует настоятельное стремление князя участвовать в актуальных ему богословских дискуссиях не только в качестве теоретика, но и как практика, предлагающего Церкви произведения для общецерковного использования. Причем князь С.И. Шаховской обращался не только к широко распространенным гимнографическим

³¹² ОР РГБ Ф. 173/1 № 213. Л. 144.

жанрам, но и к таким редким для русской богослужебной практики того времени жанрам как акафист. Это тем более примечательно, что, например, акафист Шаховского «Кондаки со икосы трем московским святителям» связан с установлением нового церковного праздника московским святителям, значит князь стремился наполнить богослужебную практику актуальными для русского пространства произведениями, которые помимо теоретически-богословского имели и ритуально-практический смысл.

Авторское предпочтение определенного жанра вновь указывает на относительную самостоятельность гимнографа, предполагавшую смелость гимнотворца, создававшего новые общецерковные произведения.

К произведениям богословского характера относятся и такие тексты Шаховского как «Рассуждение о том, чего ради постигается листвие на праздник Троицен», «Послание некоему другу, препирающемуся о священном шестом соборе яко не обретается шестый великий собор в книге священных правил» (написано кн. И. Хворостинину) и «Послание некоему другу, вопросившему, отчего повелось иноком не есть мяса». Здесь необходимо отметить стремление С. И. Шаховского высказаться по актуальным богословским вопросам, но само по себе такое стремление происходило не из его «служебных» мотиваций (как, например, можно было бы ожидать от тех современников С. И. Шаховского, которые относились к священническому сословию или по меньшей мере являлись представителями высшей церковной бюрократии), но из личных побуждений автора. Подобные примеры, когда мирянин обращается к богословию³¹³ известны, хотя и немногочисленны, и к ним можно отнести, например, сочинения Андрея Курбского, но все же практика такая довольно редка, а потому наследие С. И. Шаховского представляет здесь отдельный интерес для современных исследователей.

Ведь как показывает практика, составление посланий по таким вопросам как каноничность или легитимность Вселенских соборов являлось

³¹³ Яцимирский А.И. Послание Ивана Бегичева о видимом образе Божии // ЧОИДР. 1895. Кн. 2. Отд. 2.

прерогативой «профессиональных» богословов, к которым С. И. Шаховской не относился, но тем не менее он написал свое «Послание некоему другу, препирающемуся о священном шестом соборе...».

То же самое касается вопросов традиционных обрядовых практик или аскетических традиций монашества. С. И. Шаховской, не будучи ни священником, ни монахом, тем не менее берется рассуждать о данных практиках и традициях «Рассуждение о том, чего ради постигается листвие на праздник Троицен», «Послание некоему другу, вопросившему, отчего повелось иноком не есть мяса». В этом также прослеживается формирующаяся традиция публичного авторского высказывания, которая в русском образованном обществе XVII в. охватывала не только такие области как личная, частная жизнь человека, но и распространялась на весь спектр богословских вопросов и поиске на них ответов.

Воспринятые на русской почве, но до конца не проясненные вопросы православных ритуальных практик и их связи с догматическими утверждениями особенно заметно стали обсуждаться в русском обществе после периода Смуты. Как будет сказано ниже, этой активизации мирского внимания к исключительно духовно-богословским смыслам православия способствовал ряд факторов, но интересно то, насколько С. И. Шаховским был полностью охвачен весь спектр существующих тенденций. При взгляде на творческое наследие С. И. Шаховского можно отметить его высказывания и по поводу частных молитвенных правил, и по поводу богословско-символических смыслов исторических событий, и в отношении догматических споров.

Совершенно естественно, что, будучи так активно увлечен разбором богословских вопросов, С.И. Шаховской высказывался и о различных учениях, определенных каноническими церковными решениями как еретические. Одна из таких известных ересей – ересь аполлинарианства. В связи с этим С.И. Шаховской составляет свое «Послание против аполлинарианства...», текст которого был введен в научный оборот

М.В. Шпаковским³¹⁴. Указанное послание вместе с основным объемом творческого наследия С. И. Шаховского сохранилось в составе рукописи РГБ Ф. 173/1 № 213 Л. 143–148 об.³¹⁵. М.В. Шпаковский предполагает, что причиной написания этого сочинения могли стать полученные С.И. Шаховским сведения о некоем рассуждении, оппонентом которому С.И. Шаховской и выступает. Но исходя из известных тенденций к авторскому публичному высказыванию, характерных для русского образованного общества XVII в. можно допустить, что данный богословский вопрос мог беспокоить и самого автора, а составление послания вызвано соображениями личного характера. Сама форма произведения как «некий ответ на некие вопросы» является исторически традиционной и могла быть выбрана автором из соображений эстетико-этических, имея в виду не конкретного адресата, а рассуждение на вообще возникающие вопросы у мирян, интересующихся высоким богословием.

С точки зрения канонического богословия, уже само заглавие, проставленное в рукописи «Тогожде послание, к некоему любомудрецу несмысленне глаголющу яко Господь наш Иисус Христос вместо души человеческия приял дух святыи» указывает на довольно общую формулировку богословской проблемы без углубления в ее нюансы (не идет речи о сложности сочетания в Христе божественного и человеческого естества, а просто проведена граница или/или). Здесь сказывается несколько исторических причин, как факторов, способствовавших появлению такого «обобщающего» богословия: 1) отсутствие на тот период русской богословской школы; 2) необходимость исправления накопившихся ошибок и опечаток в богословских книгах; 3) тяготение авторов к личному публичному высказыванию по богословским вопросам. Хотя в древнерусской культуре известны и более обстоятельные и глубокие

³¹⁴ Шпаковский М.В. Послание князя Семена Шаховского против аполлинарианства // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2022. № 1 (17). С. 132-150.

³¹⁵ Леонид (Кавелин Л.А.), архим. Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища св. Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 г. (ныне находящихся в библиотеке Московской духовной академии). Вып. 2. М., 1887. 376 с.

произведения на тему христологии³¹⁶, но данное сочинение С. И. Шаховского вполне может быть включено в этот перечень христологических сочинений. Связь «Послания против аполлинарианства...» С. И. Шаховского с сочинениями Филофея Псковского³¹⁷ видится здесь как неслучайная, так как автор опирается на известные и признанные в Церкви утверждения, пытаясь с одной стороны убедить своего читателя, с другой – показать свою приверженность традиционной православной точке зрения.

Одновременно с этим важно обратить внимание, что в произведении С.И. Шаховского не делается акцента на связи ереси аполлинарианства и опресноками у католиков, что часто наблюдалось у других авторов³¹⁸. Возможно, это связано с довольно сложными отношениями между С.И. Шаховским и священноначалием русской Церкви, которые послужили некоему тяготению автора к экуменическим идеям, а возможно, что автора при составлении «Послания против аполлинарианства...» интересовали исключительно богословские, а не обрядовые вопросы.

Отдельная дань традиции – это составление С.И. Шаховским произведений, связанных с церковно-практическими и богослужебными надобностями. Примером такого авторского обращения к довольно сложной и до сих пор обсуждаемой традиции может быть составленная С.И. Шаховским «Служба Софии Премудрости Божией...». Сам по себе вопрос интерпретации образа «Софии Премудрости Божией» является для традиционного богословия во многих отношениях дискуссионным, тем интереснее отметить обращение С. И. Шаховского именно к этому образу и составление службы на данную тему. Такой интерес указывает на интерес С.И. Шаховского не просто к вопросам догматически проясненным и соборно принятым, но к богословию очень высокому и трудному для рядового мирянина.

³¹⁶ Волоцкий И. Указ. соч. С. 139-169; Преп. Максим Грек. Указ. соч. С. 136-144.

³¹⁷ Силицына Н.В. Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции. (XV–XVI вв.). М.: Индик, 1998. 410 с.

³¹⁸ Малинин В.Н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Историко-литературное исследование. Киев: Тип. Киево-Печерской Успенской Лавры, 1901. 1032 с.

Историческая судьба немногих русских храмов, посвященных Софии Премудрости Божией довольно ясно показывает, насколько данный образ был и остается редким в практическом применении. Очевидно, что князь С.И. Шаховской при составлении богослужебного ритуального текста имеет в виду Софию новгородскую, кроме того, очевидно, что автору известны и соответствующие иконографические образы «Софии Премудрости Божией». Возможно, автор руководствовался тем соображением, что посвящение главных православных храмов «Софии Премудрости Божией» требует не осмысления самого представления об этом образе, а богослужебной практики. Из текста составленной С.И. Шаховским службы можно увидеть, что «София» понимается автором прежде всего как «премудрость Божия» в буквальном смысле, при этом вопрос выражения данного образа в лице Христа или отдельного явления остается за скобками серьезного авторского обсуждения.

В целом, взявшись за составление службы, С.И. Шаховской сводит свою работу к иконографическому изображению и по существу составляет традиционную службу иконе, избегая вопросов толкования указанного образа «Софии Премудрости Божией». Судя по всему, князю С. И. Шаховскому оказалось не под силу истолковать образ однозначно и бесспорно, так как в своей «Службе...» он оставляет довольно размытыми вопросы толкования, блуждая между так называемыми «новгородскими» и «московскими» интерпретациями, так и не решившись ни на одну из них. Тем не менее, С. И. Шаховской оставляет в тексте уже привычный для него акростих, в котором зашифровывает свое имя.

В качестве еще одного примера богословских сочинений С.И. Шаховского рассмотрим его «Послание некоему другу, вопросившему, отчего повелось иноком не ясти мяса».

Это небольшое по объему, на 1,5 листа, произведение включено в сборник сочинений князя С.И. Шаховского. Оно написано в привычном для князя виде – ответ на вопрос. Вполне возможно, что реального

вопрошающего и не существовало, а автор в таком виде отвечает на разномыслие общественности, вполне вероятно, что и насельников какой-либо обители, в которую он совершал поездки. В настоящей работе мы анализируем вариант текста по рукописи РГБ. Ф.173.1 № 214.

Начинает его автор по обыкновению со смиренного посыла: «вопросил еси [собеседник] малоумие мое», однако же следом он уточняет, что будет отвечать на этот вопрос не от себя, а от известных ему источников: «аз ти реку не от своего самоизволения, но от божественных писаний».

Прежде всего С.И. Шаховской говорит, что существует два мнения по этому вопросу. По одной версии монахи не едят мяса изначально, с момента возникновения монашества (Египет, III в.)³¹⁹, по другой – после решений Пятого Вселенского собора (553 г.). С.И. Шаховской здесь сразу справедливо отмечает, что хотя это предание и бытует в народе, но подобного канонического постановления в деяниях упомянутого собора нет.

В подтверждение того мнения, что выбор монастырями вкушать или не вкушать мяса – это не канон, а закрепившаяся традиция, С.И. Шаховской приводит собеседнику различные примеры.

Во-первых, князь ссылается на монастырский устав преподобного Федора Студита (ум. 826 г.).³²⁰ Он отмечает, что преподобный Федор жил уже после даже седьмого собора, а потому должен был бы знать о таковом правиле в отношении употребления мяса. Тем не менее князь пишет, что Федор по окончании успенского поста «повелевает заклати два вола», а если запрещающий канон существовал, то такого распоряжения быть не могло. Далее автор упоминает послание некоего подвижника Никона, который якобы подтверждает запрет на употребление мяса, но как подмечает С.И. Шаховской, Никон не ссылается ни на одно правило или творение святых отцов, а говорит как бы от себя, что для князя неприемлемо.

³¹⁹ Смирнов Петр, протоиерей. История христианской православной церкви. Изд. 31. Пг.: Типо-литография М.П. Фроловой, 1916. С. 188.

³²⁰ Об этом см: Творения преподобного отца нашего и исповедника Феодора Студита в русском переводе. Том второй. СПб.: Издание С.-Петербургской Духовной Академии, 1908. С. 822-830.

Интересна отсылка князя на правила святителя Василия Великого (ок. 330 – 379 гг.), который много потрудился для воцерковления монашества и унификации его деятельности: «божественный Василий в постнических своих заветаях преподобным отходником, егда сходятца спраздновати живущим в монастыри братиям, да не гнушаются рече приготовляемое вариво ясти за еже в нем влагаемое тарихо еже есть по простому рещи ветчинна». Здесь употребляется без перевода греческое слово *tárixos*, которое переводится на русский язык как соленое, копченое мясо или ветчина³²¹.

Также писатель упоминает о необычной практике в обители преподобного Пахомия Великого (292 – 348 гг.), когда паломников-мирян кормили мясом, а самим насельникам монастыря оставались кости, причем основа этой практики лежит в некоем упомянутом С.И. Шаховским апостольском предании: «тучнейшая бо свинья мяса предлагаше приходящим к нему миряном <...> худейшими же и костливыми удесы питаеше сущая в нем преподобныя иноки».

Таким образом, согласно приведенным примерам С.И. Шаховской проводит обратный процесс – выводит из богословской и канонической плоскости неосновополагающие вопросы церковного благочестия, разграничивая тем самым сферу богословия и традиции, что на наш взгляд является значимым деянием автора.

Заканчивает писатель свое послание фразой: «Се тебе, господину моему от моя грубости и малоумия разрешение недоумению твоему. Здравствуй о Христе. Аминь».

Следующим, весьма интересным богословским произведением С.И. Шаховского является «Рассуждение о том, чего ради поставляется листвие на праздник троичен»³²².

³²¹ В словаре русского языка XI – XVII веков эта цитата послания С.И. Шаховского является примером употребления слова *tárixos*.

³²² ОР РГБ. Ф. 173/1 № 213. Л. 69 об. – 79 об.

Этот текст написан в привычном уже для автора вопросно-ответном стиле. Начинается текст непосредственно с вопроса неизвестного собеседника: «Чесо ради постилаются в церквах многолиственное ветвие древес в день пятьдесятый»³²³ (Почему в день Пятидесятницы храмы украшаются ветвями деревьев). Далее следует непосредственно ответ.

Начинает князь с упоминания того факта, что в народном сознании утвердилось две версии происхождения и символического смысла этой красивой традиции. С.И. Шаховской поясняет, что до рождения Иисуса Христа повсеместно было распространено языческое многобожие, а люди обожествляли различные объекты окружающей их природы: «поклонялися людие кусту и огню, и иным тварем, а не Творцу всех и Богу». А после события Боговоплощения и распространения христианства по территории Римской империи и всему миру, религиозно-философская парадигма изменилась противоположным образом: «По Христове же рождестве умолкоша идолопоклонение и многобожие еллинское преста, и от ныне до конца исчезе. И сего ради, рече, в день пятьдесятный постилаем листвием и попираем ногами преже бывшую еллинскую честь и поклоняемся Творцу, всех Содетелю, а не твари». То есть выстилание храмов скошенной травой и цветами, а также ветвей и листьев символизирует торжество единобожия над многобожием, выход человеческого самосознания за рамки законов природы и восстановление подчинения его принципам истинного богочитания.

Из первого толкования, согласно мнению С.И. Шаховского, проистекает второе: торжество христианского мировоззрения и нравственности Нового Завета над иудейским ветхозаветным «законничеством», когда вся общественная и частная жизни подчинялась пространному своду правил и предписаний, исполнение которых и сулило человеку спасение души. Автор размышляет: «приидем убо ко другому толкованию и како убо ови глаголют быти сему вместо, рече, иудейского

³²³ День Святой Троицы, Пятидесятница (иногда в источниках встречается калька с греческого языка - Пентикостия) – один из двенадцати главных православных церковных праздников, отмечаемый через 50 дней после Пасхи.

праздника почтения сениц³²⁴ сие творим. И сего ради, рече, zde уставися лежати на листу и попирати ногами прежде бывший закон. Понеже убо ветхая, рече, вся мимоидоша, и вся быша нова». То есть здесь С.И. Шаховской также говорит о смене мировоззренческой парадигмы, но уже от ветхозаветного видения взаимоотношений человека и Бога к новозаветному.

После озвучивания двух представленных предположений, С.И. Шаховской в присущем ему стиле переходит к личным соображениям на этот счет: «Аз убо мню не тако сему толкованию быти праведно, судих малыми, елико вместит мысль моя худая, разрешити яже о сих недоумение по догаду, а по уставу писанных не случилось видати ми». Он, как настоящий исследователь и знаток, отмечает, что хотя он и не обладает всей полнотой информации, но в известных ему святоотеческих, канонических и богослужебных книгах, он не встречал какого-либо конкретного истолкования этой традиции, в связи с чем он допускает применение логических рассуждений. Причем слово «рассуждение» он выносит в заглавие своего произведения, что добавляет вариативности к его жанрам.

Князь начинает свои умозаключения с утверждения, что если мыслить попираание ногами листьев, как торжество разума над природой, и почитание Творца над почитанием творения, то более правильно было бы эту традицию воплощать не в праздник Пятидесятницы, а в день Рождества Христова, с которого и начинается это глобальное мировоззренческое изменение: «яко идолопоклонение преста, прилично бы творити сия на праздник еже по плоти Христова поклоняемаго рожества, понеже бо рожеством своим елинское многобожие устави и истреби до конца». Он дополнительно подкрепляет свои доводы и иными аргументами: «Якоже бо и во египте пришествием своим идола сокруши³²⁵, когда принесенну ему бывшу Иосифом и материю

³²⁴ Потчѣніе - поставление, утверждение. Потчѣніе сѣни, или сѣницъ (σκηνοτήρια) – поставление кушей, - праздник иудейский. См.: Дьяченко Г.М. Полный церковно-славянский словарь.... С. 469.

³²⁵ Здесь С.И. Шаховской упоминает церковное предание, согласно которому, Святое Семейство, спасаясь от Ирода, прибыло в Египет, в город Гермополь. В месте под названием Сатина, Иисус и его родители подошли к большому языческому храму, где находились 365 идолов: по одному на каждый день года. Как только Пресвятая Богородица с Младенцем Христом на руках переступила порог капища, присутствие Того, Кто есть путь, истина и жизнь, повергло наземь всех стоявших там кумиров и сокрушило их, по слову

его и подобно бы уже совокупити всякое многобожие еллинское: не едино древо, но огонь и камень, и солнце, и луну и иную тварь, почтенную ими, они убо не единому древу поклонялися и чеснотворили, но и прочим, о них же предрекох³²⁶». То есть князь видит твердую связь возобладания христианства над многобожием именно с событиями Рождества Христова.

Далее С.И. Шаховской приступает к анализу второй версии. Причем здесь он позволяет себе выразить некоторую критику в адрес ее приверженцев: «Или бы аще того ради яко, рече, в ветхом [завете – *прим. С.В.*] иудеи и праздноваху потщенье кушь и неправо ж мудурствуют и зело неискусно, понеже убо не в поругание закон сотворен от Бога, аще и на время узаконися тогда, но да не творим его ныне и не ходим по нем».

Очевидно, что в окружении князя имелись люди, возможно, из числа духовенства, которые держались мнения, что Ветхий Завет после пришествия Христа стал упразднен полностью и потерял свои актуальность и авторитет. С.И. Шаховской не согласен с этим убеждением. Он напоминает таковым слова самого Иисуса, зафиксированные в Евангелии: «А ругатися³²⁷ ему не подобает яко и сам единродный рече не приидох разорити закона или пророки, но да исполнити»³²⁸.

В дальнейших рассуждениях автор настаивает на преемстве и неразрывности двух Заветов для цельного понимания жизни современными ему и будущими поколениями. Он предлагает своему собеседнику получше разобраться в ветхозаветных традициях иудеев, вникнуть в смысл их главных событий истории и календаря, чтобы относиться с уважением и более глубоко понимать уже новозаветные памятные даты: «А о праздниках бо иудейских аще хоцещи навикнути, аз ти повем от писания и да навикнеши, яко не сиевые ради вины бысть таковое действие».

пророка: «Вот, Господь восседит на облаке легком, и грядет в Египет. И потрясутся от лица Его идола египетские, и сердце Египта растает в нем» (Ис. 19: 1).

³²⁶ Т.е. «упомянул ранее».

³²⁷ Т.е. «не подобает насмехаться», см.: Дьяченко Г.М. Полный церковно-славянский словарь... С. 558.

³²⁸ Ср.: Мф. 5: 17.

И далее князь С.И. Шаховской предлагает вопрошающему обширное рассуждение о связи главных праздников Ветхого и Нового Заветов, прибегая к свойственной ему литературной образности.

Сначала автор перечисляет главные праздники ветхозаветной культуры, приводя непрямую цитату книги Исход: «Трие убо велиция праздники творимыя суть во иудеех, рече закон. По трикраты лете³²⁹, рече, сотворите ми велик день, опресноки снабдите семь дней по времени новомесячия, в той бо изыдoste из Египта. И велик день в первых жатв жит твоих, яко же сееси на ниве своей. И велик день скончанию преходящу лету, в собрание делесе от нив твоих»³³⁰.

Здесь князь называет ветхозаветный праздник пасхи и опресноков (исход из Египта)³³¹, пятидесятницу (дарование Закона израильтянам через пророка Моисея на горе Синай, «праздник седмиц»)³³² и праздник палаток

³²⁹ Трижды в год.

³³⁰ См.: Исх., 23:14 – 17.

³³¹ Пасха т.е. прохождение мимо, или пощада; (греч. Паска, евр. Песах); воспоминание о ночи, когда Господь послал ангела умертвить всех перворожденных в Египте и пройти мимо еврейских домов, и когда вывел евреев из рабства. Этот праздник дан израильтянам как вечное установление. После переселения в Ханаан евреи должны были закалывать и есть пасхального агнца в святилище и вместо помазания кровью косяков, священник кропил кровью жертвенник. Для празднования этого дня с течением времени образовался особый порядок. Во время пасхальной трапезы глава семейства благословлял несколько чаш, которые выпивались по старшинству, пелись особые псалмы и читались фрагменты Священного Писания. За трапезой ели горькие травы, пресный хлеб (опресноки) и специально приготовленного ягненка. Только после этого каждый из присутствующих мог пить и есть по собственному желанию. Четыре чаши считались необходимыми для полноты празднования пасхи. Во время такой пасхальной трапезы Иисус установил Таинство причащения. Сразу после пасхи начинался праздник опресноков, который праздновали 7 дней с 15 по 21 Нисана. Этот праздник так назван от того, что в эти семь дней разрешалось есть только пресный хлеб в воспоминание поспешного бегства из Египта, когда народ не успел заквасить своего теста; вся закваска до начала празднования должна была выноситься из дома. В каждый из дней этого праздника приносились особенные жертвы. Первый и седьмой дни праздновались, как суббота – день покоя. Во второй день, 16-го Нисана, должны были приносить Богу начаток жатвы (сноп). До приношения первого снопа Богу нельзя было есть нового хлеба со своего поля. 21-го Нисана праздник заканчивался священным собранием. Оба эти праздника, Пасхи и опресноков, считались общим праздником; последний (праздник опресноков) начинался во время вкушения пасхального агнца. Поэтому день, в который ели пасхального агнца, называется первым днем опресноков. См.: Библейский энциклопедический словарь / Сост. Э. Нюстрем...

³³² Праздник седмиц (евр. Шавуот), праздник жатвы, «день первых плодов», праздновался через семь недель после начала жатвы, или в пятидесятый день после приношения в святилище первого снопа (второй день периода опресноков). Весь народ почитал этот день, как субботу, т.е. прекращал всякую работу, и веселиться вместе со всеми своими: детьми, слугами, вдовами, бедными и левитами при общей жертвенной трапезе перед Господом. Этот праздник был окончанием времени жатвы, которое начиналось с Пасхи. Его празднование нигде не упоминается в Ветхом Завете, кроме 2Пар 8.13. В позднейшие времена, уже в христианский период, празднику седмиц было предано значение воспоминания издания закона на Синае; но основания для подобного толкования нет в Библии и в преданиях. Так как праздник седмиц праздновался в 50-й день после Пасхи, а 50-й по-гречески гласит «пентекости», то это слово стало другим названием этого праздника, и от этого греческого названия произошло слово «пятидесятница». В такой праздник седмиц или пятидесятницу, Святой Дух сошел на апостолов. См.: Библейский энциклопедический словарь / Сост. Э. Нюстрем...

или кущей (в воспоминание сорока лет путешествия по пустыне, праздник собирания плодов)³³³, вновь показывая замечательную осведомленность и в первой части Священного Писания, и в знании иудейской традиции в целом, и в содержании богослужебных книг.

Так, например, он раскрывает содержание этих дней в деталях, вдохновляясь, кроме прочего, содержанием текста синаксаря³³⁴, написанного для дня Святой Троицы³³⁵:

Текст князя С.И. Шаховского	Синаксарь в Неделю святыя Пентикостии	Перевод синаксаря на русский язык
Пасху убо глаголет писание, преведение от Египта сииречь опресноки тварима в первый месяц лету, рекомый март ³³⁶ . От четвертагонадесят дне от вечера до двадесят первого дне до вечера семь дней опресноки творяху в той бо изведе бог люди своя из Египта ³³⁷ . Второй же по	Пасху убо в воспоминание творяху преведения Чермнаго моря: пасха бо преведение толкуется. Являше же таковый праздник, наше еже от темнаго греха к раю паки преведение и возвращение. Пятдесятницу же	Надлежит знать, что у евреев было три праздника – Пасха, Пятидесятница и Поставление кущей. Пасху совершали в воспоминание о переходе чрез Красное море, (ибо

³³³ Праздник кущей (евр. Суккот) - один из трех главных праздников у евреев. Воспоминание, как израильтяне жили в кущах (шалашах) во время сорокалетнего странствования по пустыне. Также -праздник собирания плодов, т.к. совпадал с окончанием земледелия, когда еще можно было жить под открытым небом (середина месяца Тишри (октября). Продолжался 7 дней (15–21); первый и восьмой дни были днями покоя. Последний праздник года, день радости; его празднование сопровождалось черпанием воды, танцами с факелами и т.п. В праздник кущей, закон предписывал, чтобы все находились у святилища в течение 7 дней неотлучно. Каждый совершеннолетний мужчина должен был лично являться пред Господом и принести благодарение за год. На улицах, открытых местах и на крышах домов строили кущи из ветвей деревьев, носили в руках ветки с плодами: лимонами и финиками, радостно пировали в кущах и т.д. В субботный год (год отпущения) торжественность праздника увеличивалась ежедневным чтением заранее определенных частей закона. См.: Библейский энциклопедический словарь / Сост. Э. Нюстрем...

³³⁴ Синаксарь (от греч. σύναξις (синаксис) – собрание) – сборник выдержек из писаний святых отцов и церковных преданий, предназначенных для чтения за богослужением, помимо уставных богослужебных текстов.

³³⁵ Никифор Ксанфопул. Собрание синаксарей Постной и Цветной Триоди. // URL: <https://azbyka.ru/cobranie-sinaksarej-postnoj-i-cvetnoj-triodi#toc> (Дата обращения: 22.01.2025).

³³⁶ Март – первый месяц года у евреев и иных народов.

³³⁷ С.И. Шаховским указан конкретный временной период, применительно к современному ему календарю.

пасце	праздник	праздноваху,	в	«Пасха» в переводе
пятидесятный	апреля	вспоминание	еже в	и значит
месяца на	вспоминание	пустыни злострадания их,		«переход»), а
законного	предания	и како многими скорбьми		указывал сей
пятидесятым	днем	в землю обетования		праздник на наш
минувшим	от Чермного	введени быша: тогда бо и		переход от
[моря – прим. С.В.]		плода пшеницы и вина		греховной тьмы и
прехождению их	дан бысти	насладишася. И являше		возвращение в рай.
им закон и пустынного	ради	праздник сей наше		Пятидесятница
озлобления и в	землю	озлобление от неверия, и		праздновалась
обетанную	вхождения.	И в Церковь внитие: тогда		евреями в
вкусиша	тогда	бо и мы Владычняго		вспоминание их
первее, и	так	причащаемся Тела и		злостраданий в
творяху	рукоятя	Крове. Ови убо тоя ради		пустыне – о том,
пятикостия.	Той же	вины глаголют, яже у		как чрез многие
недельный	именуется	еврей Пятдесятнице		скорби были они
понеже иудеи	по закону	праздноватися: ови же в		введены в землю
шесть дней	исчитаху	и тако		обетованную, ибо
праздноваху	седмочислия.	честь якоже глаголют,		тогда насладились
Честь же им	не во днех	постився Моисей,		плодами, хлебом и
точию, но и в	месецы и лета	Богописанный закон		вином. Являл
достигающи	от дни убо	прият, вкупе		собою он и наши
субота юже	по всякой	поминающим и тельца		бедствия от
седморицы	почитают	жрения, и иных, яже егда		неверия, и
недельну	оставляют.	Моисей восходя на гору,		вхождение в
А еже	седмь седмориц	и низходя содея. Другим		Церковь, ибо и мы
слагаем	рождает	же непщевася		приобщаемся тогда
пятидесятный	нареченный	от		Тела и Крови
них святой	день.	Единому		Владычней. Одни
же точию	оскудевающу	дню		говорят, что

его же от будущего века привзяхом. осмаго же суца того и перваго. Паче же единаго и неразорима яко не вечерня и не ктому секома нощию. Но имуща незаходимое солнце светяща непрестанно. в летех же седьмое лето, о нем же речеся во второзаконии в седьмое лето рече да сотвориши оставление, весь долг твой оставиши еже ти есть должен ближний. Аще ли же продаст ти ся брат твой да работает ти шесть лет. И в седьмое отпустиши я свободна от себе и учредиши его сего ради сие лето оставление именоваху иудеи, в не же убо и землю неоранну оставляху. И не точию же в седмих есть седмориц честь належаху но и в седморицах седмориц. Дневныя же седморица творят пятидесятницу иже о той юдеи нареченный и богозванный день. От лет	речеся: то бо о себе слагаемо, творит пятидесятое, единому оскудевающу дневи. Честь же седмочислия у еврей, не точию во днех есть, но и в лета достигающая, от нихже лет и еже у них творят иовилеон, сказуемо оставление. У седморичаемым бо летом, сие бывает, егда и землю несеянную оставляют, и животным подают ослабу, и купленным рабом отходить повелевают.	Пятидесятница праздновалась у иудеев по этой причине, другие же – что в честь тех пятидесяти дней, когда Моисей постился, приняв по истечении их Богом написанный закон. Вспоминают при этом жертвоприношение тельцу и другое – то, что совершил Моисей, восходя на гору и нисходя с нее. Иные полагали, что Пятидесятница задумана евреями, как уже говорилось, ради достоинства числа семь, ибо, умноженное само на себя, оно, за вычетом единицы, составляет пятьдесят. Но
--	--	--

же творят овилеон сказаемо оставление. О нем же в левитском законоположении писано есть. Да изчислиши себе седмаго покоища лет. Рекше седмь лет седмици и будут ти čtyредесят девять лет. И освяти те лето пятдесятно и возопиите оставление на земли. Тако убо евреи почитают седмочислие от моисеова законоположения везде приемлют. Еже седмочислие являя от сего яко изрядно есть таинство.		достоинство числа пятьдесят относится не только к дням, но и к годам, из которых составляется у них юбилей, ибо он бывает при семикратном умножении семи лет, когда и землю оставляют незасеянной, и скоту дают отдых, и купленных рабов на волю отпускают.
--	--	--

Озвучив сведения, схожие с синаксарем, князь переходит к описанию подобного символизма образов и чисел, подтверждая указанное ранее понимаемое им единение обеих частей Писания, церковного предания и, как следствие, цельности мировоззрения: «Многа убо имама свидетельства рещи низвещения яко убо честное есть седмичное число от многих же мала от Святаго Писания представим. Исаяя убо глаголет о Христе яко почиша на том седмь дарований духовных. Не яко седмь духов сущих един бо есть Дух Святый, но божественная содействия вся, яже в том духове пророк наречет. Суть же сия дух премудрости, дух разума, дух смышления, дух благочестия, дух света, дух крепости, дух страха Божия (Ис 11:2-3). Глаголет же богослов помышляю же рече и седмь труб Исуса Навина и обхождения толика от них

же стены иерихонския сотрясошася (Нав 6:1-4). Глаголет же и Соломан³³⁸ во притчах Премудрость, рече, созда себе храм и утверди семь столп (Прит, 9:1), Премудрость же убо глаголя составное Божие Единородное Слово храм иже создавша дом тела еже от Святыя Девы обложи семь же столпов яже духа дарования яже дальняя вся имаше Христос. Да что ми яже дальняя и ветхая глаголати потреба, сам Господь святое и истинное совершение во Евангелии вопросившу его Петру коликощи, аще сохрешит ко мне брат мой, и оставлю его до семь крат ли. Отвещает тому Господь, не глаголю ти даже до семь крат, но даже до семьдесят крат седмориц³³⁹ рекше многосугубне еже есть четьреста и деветь десят, но и не в сицевых предел положи Господь кающемуся, но безмерне оставиши и рече кающемуся согрешения да каликащи обращается (Мф 18:21-22). Видиши ли се писание оставление согрешений их в седморичном числе определяет, но дни в седмих совершаются в них же Бог мира сотвори глаголют же неции яко скончеватися имать в седморичном числе века и убо о дни предглаголанне zde конец да имать мы же на прочя слова преидем».

В предложенном фрагменте автор, хоть и подчеркивает некий сакральный и даже мистический смысл числа семь, ввиду свойственной ему своеобразной «полётности мышления», но все же делает пояснение, что этот символизм Христос, например, применял для более полной передачи смысла, который не ограничен цифрами, датами, событиями, но должен пониматься гораздо шире.

Далее автор переходит к описанию третьего праздника – кущей. Здесь также мы встречаем указание деталей: «Суть же прочая третий же праздник иудейский еже речет скончанию преходящу лету о составлении скиния праздноваху сентября месяца благодаряще о собрании плодов седмих месяц и скиния водружаху сиречь колибы³⁴⁰ по простому рещи хижи или

³³⁸ Словоупотребление встречается в обоих сборниках произведений С.И. Шаховского.

³³⁹ Седморица – неделя, семикратное повторение чего-либо. См.: Дьяченко Г.М. Полный церковно-славянский словарь... С. 588.

³⁴⁰ Колиба – куца, палатка, шатер. См.: Дьяченко Г.М. Полный церковно-славянский словарь... С. 258.

котагари³⁴¹ по селах своих ходящи и точила своя тогда собирающе плоды наполняху и взимают от первого дне плод древа красен и ветве финически и ветвии древа чистаго лствия и тако праздноваху семь дни от пятанадесят дне месяца седмаго до двадесят втораго дне месяца того же и вси радовахуся и веселяхуся воспоминающе пустынное житие понеже бо чотыредесят лет там пребываху в колибах и многоразлично устрояеми Богом»³⁴².

Далее автор снова применяет логическое рассуждение, касательно того, что в иудейской традиции шалаши делаются по случаю окончания года, а в православной христианской – весной: «Той же праздник и кушний имянуется видиши ли яко не сицевыя ради вины зде постилаем лствие яко иудеи праздник кушний творяху о них убо праздноваху в сентябре месяце уже преходяще лету и благодаряще о собрании плодов мы же трисиятельный сей день празднуем в начаток весеннаго ликования благодаряще Творца и Содетеля о всех, яже уготовал есть нам». Следовательно, связь традиций этих двух праздников ставится С.И. Шаховским под сомнение.

Также князь добавляет, что противопоставление христианской традиции в противовес языческой вновь является сомнительным, поскольку, по утверждению (в тексте – «по догаду») С.И. Шаховского, в христианстве природа является неотъемлемой частью Божественного промысления о мире. Она сотворена в дар высшему творению – самому человеку. Так, князь пишет: «Понеже сотвори Бог небо и землю и вся украшения их и потом сотвори человека и оживотвори его вдохну в лице его дыхания жизни (Быт 2:7) и устрои его надо всею тварию яко бы князя и властелина его постави и вся ему покори и ничто же остави ему непокоренно, якоже и песнопевец вопиет аки от лица Божия аз рех бози будете и сынове вышняго вси (Пс 81: 6). Видеши ли каковую честию и величеством обложи бог человека».

Далее автор подводит итог своему рассуждению: «И сего ради мню на сей троический праздник постилаем лствие, яко вся красная мира сего

³⁴¹ Хижа – ср. хижина, походное простое жилье; котагарь - диалектизм.

³⁴² Вновь С.И. Шаховской приводит точные фактические сведения.

человека ради сотворенна бысть и украшение земное и покоренно ему вся и в лепоту убо приносится листвие на сей настоящий трисолнышний день».

Таким образом С.И. Шаховской видит единственный смысл в традиции украшения храмов на праздник Троицы травой и ветвями в прославлении Творца. Причем в приводимых им аргументах это прославление, его понимание эволюционировало вместе с самим человеком, его самосознанием от обусловленного природой и стихиями язычника, через правоверного, но многострадального иудея до свободного христианина.

Но почему именно трава, цветы, листья и ветви, а не плоды или хлеб, как это принято в иудейской традиции, а в христианстве – в другие праздничные дни, например в праздник Преображения? У князя мы также находим ответ: «яко божественный триспасительный праздник сей празднуется в начаток ликования весны во время новолитвия понеже убо тогда всяка тварь обновляется, обращающа на первое и прилично убо сему негде от писаний повествуется весны убо рече егда время начинается тогда воздух веселится светлостию блистая, понеже царица есть времен царствует убо во временех весня в нея же небо светлейше и солнце высочайше и златовиднейше, в неяже луне круги проразнейше и звездам лик чистейши, растаевшу, рече, снегу и тиху веющу ветру, и тогда источники в пространная потоки протекают, сеются жатвы и зеленеются поля, и новолитвием облачаются дресва и отовсюды украшается плоды земля отрешившися велебурная зимы и мразная лютости».

Это поэтическое описание весны встречается и других произведениях князя, например в «Слове похвальном преподобным Прокопию и Иоанну Устюжским». Очевидно, что князь имел особую любовь к этому времени года и не жалел словесных украшений при описании весны.

Князь отмечает, что пришел к этому выводу по итогам размышлений, а точнее это было открыто ему благодатью и опытным путем, а в священных книгах таких сведений он не нашел и предлагает заняться таковым поиском более сведущим людям, если такие обретаются.

Этим же смыслом – прославлением Творца князь объясняет и принесение плодов на Преображение Господне, украшение храма и Плащаницы в праздник Успения Божией Матери, являя тем самым целостное понимание богочеловеческих отношений после воплощения Сына Божьего, Божественного Слова, Логоса среди людей.

«Яко и сам Творец и Владыко поносившим ему фарисеом рече о законе, яко не человек рече сотворен субботы ради но субота человека ради. Тако же и вся тварь, и украшение земное человека ради устроено бысть, и учиненно, и да видево человеческий род неизреченное человеколюбие Божие молитвы своя к Богу неослабно простирают и плод благодарения приносят и ко Творцу своему вси вкупе любовию горят, понеже таковая устроися быти в честь и славу человеком от Творца всех и Содетеля. Слава неизреченному человеколюбию Божию слава смотрению Его слава неисчетному милосердию во веки. Аминь», - завершает князь свои мысли. В природе он также черпает вдохновение для жизни, богословия и творчества, имея для этого целостный взгляд на мир.

По окончании произведения в рукописи существует также дополнительная приписка «О коленном поклонении в день пятидесятный известно повествует нам Божественное Писание».

Здесь поднимается тема преданий и тема «видений», которая также неоднократно встречается в текстах князя. Приведем текст приписки полностью:

«Макарий Онтиохийский написа молитвы сия и бысть самовидец Святому Духу якоже и апостоли, когда начат творити молитвы сия и виде церковь, огнем полящу, и не може стояти и паде на колени, повеле же и людем тако молитися, и оттоле уставися тако по всем церквам, и от того видения обычай прияхом колени поклоняти, яко невидимо тогда на вся сходит Дух Святый и очищает прегрешения наша, верою призывающим его и сокрушенным сердцем молящися о гресех наших. А ин де пишет яко

Василий Великий составил молитвы сия и повеле людям тако молитися на призывание Святаго Духа».

Интересно здесь употребление буквы «о» в словах Онтиохийский, полящу и других, что косвенно свидетельствует о том, что князь С.И. Шаховской, но возможно и переписчик, родом из северных частей Руси.

В смысловом плане автор в этой приписке делает акцент на участие Святого Духа в жизни церкви в целом, и в жизни каждого христианина в отдельности. Он связывает его с вдохновением, что, безусловно, актуально и трепетно для творческого человека. Князь отмечает, что писателю и духовных, и других текстов важно иметь чистоту души, которая достигается молитвой и участием в богослужении, символизм которого имеет значительный вдохновляющий потенциал.

Таким образом, было рассмотрено творческое наследие С.И. Шаховского, проанализированы и систематизированы его сочинения. В целом можно отметить, что в многочисленных трудах отразилась уникальная личность этого писателя, его положение как светского человека, тесно совмещенная с прекрасным знанием богословия и поэтическим талантом. Это отличает С.И. Шаховского от современников и делает его наиболее ярким представителем переходного времени – XVII в., когда старые средневековые традиции уже уходили в прошлое, уступая дорогу новым тенденциям развития, показанным в первой главе диссертации. Будучи светским человеком, воеводой и администратором, С.И. Шаховской занимался творчеством на протяжении всей своей жизни, как правило, оно не приносило ему никакого дохода, а, напротив, служило источником опал и проблем с властью.

Отличительной особенностью литературного наследия писателя является субъективность, личностный характер произведений. Как правило события жизни заставляли его обращаться к тем или иным темам для

богословских или публицистических произведений, но наиболее ярко это проявилось в молитвах, написанных им по тому или иному случаю жизни.

3.4. Историко-богословские споры С.И. Шаховского и И.А.

Хворостинина как историко-культурный феномен времени

В рукописи князя С.И. Шаховского также содержится еще один текст богословского содержания. Называется он «Послание к некоему другу, препирающемуся о священном Шестом соборе, глаголюще, я не обретаюсь Шестый Великий собор в книге священных кормил³⁴³, сии речь правил»³⁴⁴.

Судя по названию, речь в тексте идет о VI Вселенском соборе христианской церкви, который проходил в Константинополе в 680 году.

Понятие Собора, а также соборности, как одного из свойств церкви было важно для христиан во все времена, начиная с апостольского периода, когда ученики Христа, по Его Вознесении, как говорит текст Священного Писания, «были вместе и имели все общее» (Деян 2: 44-47). Совместное, т.е. соборное решение житейских аспектов среди первых христиан в значительной степени повлияло на утверждение их учения и принципов жизни на территории Римской империи, а впоследствии и за ее пределами, и сохранилось на многие столетия до настоящего времени (Деян 2: 44-47).

Увеличение количества христианских общин не противоречит принципу соборности. Локальные собрания для решения каких-либо канонических и богословских вопросов вошли в историю как Соборы Поместные, а решения обязательные к исполнению всей церковью, независимо от территориального положения, принимались на Вселенских Соборах³⁴⁵.

³⁴³ Кормило - руль, посредством которого правят (управляют) кораблем.

³⁴⁴ Сочинения князя Семёна Шаховского. РГБ. Ф. 173/1 № 213. Л. 79 об. – 91 об.

³⁴⁵ Вселенский – от греческого οἰκουµενικός. Термин существовал в греческой письменности с античных времен. Изначально имел значение «населённый район», затем — «области, населённые греками», в противовес другим областям, населённым варварами. В расширительном понимании – совокупность известных стран, весь мир, где есть цивилизация, а позднее в Византии также весь христианский мир. См.: Дионисий (Шлёнов), игумен. Эпитет «вселенский» (οἰκουµενικός) и его новое назначение в

В истории православной церкви Вселенских Соборов насчитывается семь, их постановления, а также правила выдающихся Поместных Соборов и некоторые другие документы вошли в византийский канонический сборник «Книгу правил», которая в славянской православной традиции стала известна как «Кормчая»³⁴⁶.

Следовательно, для князя С.И. Шаховского, как человека, задеванного в государственных и церковных вопросах, авторитет и важность Книги правил были очевидными. Поэтому, как видно из названия послания, автор счел своим долгом ответить на претензии своего собеседника в адрес этого источника.

В названии собеседник не указывается, однако далее по тексту мы узнаем, что его имя – дукс Иван. Князь обращается к нему в свойственном ему стиле с персональным приветствием: «Благородному и многоразсудному еже по Бозе ревнителю дуксу Иванну, паче же и единокровному нашему приятелю о Христе радоватися».

Несомненно, что это послание адресовано князю Ивану Андреевичу Хворостинину (о нем см. выше). Из биографии С.И. Шаховского известно, что они были родственниками, вели переписку по различным общественно-политическим темам, в том числе религиозным. Также на полях самой рукописи напротив начала послания киноварью в столбик написана фамилия «Х в а р а с т и н и н». Здесь, впрочем, возникает вопрос, кто именно сделал эту пометку – сам ли автор или переписчик? Почему фамилия не была указана в тексте, а вынесена на поля сборника? Это еще предстоит выяснить.

законодательстве императора Юстиниана. [Электронный ресурс] // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dionisij_Shlenov/epitet-vselenskij-oikoumenikos-i-ego-novoe-naznachenie-v-zakonodatelstve-imperatora-yustiniana/#source (дата обращения: 5.05.2025). Вселенский Собор в православном каноническом праве – собрание православных епископов, священников, монахов и мирян как представителей всей совокупности Поместных Церквей с целью решения насущных вопросов в области богословия и благочестия. Решения Вселенских Соборов по вопросам вероучения, законодательства и церковной дисциплины признаются непогрешимыми и неизменными. Определения Вселенского Собора простираются на все Поместные Церкви. См. подробнее: Закон Божий: для семьи и школы / сост. прот. Серафим Слободской. – Минск: Издательство Белорусского Экзархата Московского Патриархата, 2011. – 720 с.

³⁴⁶ Кормчая книга (церковнослав. кормчій – рулевой), Пидалион (греч. Πηδάλιον – кормовое весло, кормило, рукоять кормила или руль), или Номоканон (греч. Νομοκανὼν от νόμος – закон, устав + κανὼν – канон, правило) – сборники церковных и светских законов, являвшихся руководством при управлении Церковью и в церковном суде православных славянских стран.

Такая же пометка фамилии есть и в сборнике №213, причем там она накладывается на ссылку князя С.И. Шаховского на один из источников, что косвенно свидетельствует о более позднем указании фамилии известного писателя и поэта князя Ивана Андреевича Хворостинина.

С большим основанием И.А. Хворостинина можно рассматривать как своеобразного антагониста С.И. Шаховского. Об их острой полемике хорошо известно в научном мире. Об этом писали многие ученые, которые рассматривали писателей в едином пространственно- публицистическом поле поколения мыслителей Смутного времени³⁴⁷. Однако отметим, что фигура И.А. Хворостинина традиционно привлекает больше внимания, вероятно, за счет своего более радикального взгляда на русскую действительность. Именно эта критика России и заведенных после Смуты порядков принесла ему большую популярность в историографии. Известно, что он даже получил своеобразный титул «первого вольнодумца», обойдя в этом списке князя А.М. Курбского³⁴⁸. А.П. Богданов в книге о русских писателях и церкви прямо указывает на И.А. Хворостинина как жертву реакции, наступившей после Смуты во время правления царя Михаила Федоровича³⁴⁹.

Судьбы двух писателей, И.А. Хворостинина и С.И. Шаховского действительно в чем-то были схожи. Оба они происходили из рода ярославских князей Рюриковичей. Оба начинали свою службу в начале XVII в. при Дворе. Они являлись, по-видимому, почти ровесниками и могли познакомиться в последние годы правления Бориса Годунова (И.А. Хворостинин служил у его сына, царевича Федора Борисовича стольником). Затем судьба развела двух писателей: С.И. Шаховской находился в Москве,

³⁴⁷ Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1888. С. 230–240; Комарович В.Л. «Смутное время» в изображении литературных памятников 1612–1630 гг. // История русской литературы. Т. 2, ч. 2. С. 57–60; Богданов А.П. Перо и крест. Русские писатели под церковным судом. – М.: Политиздат, 1990. С. 63–124; Семенова Е.П. Русская общественная мысль первой половины XVII века (Творчество С.И. Шаховского и И.А. Хворостинина), Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. – Л. 1982. 19 с.; Семенова Е.П. И. А. Хворостинин и его "Словеса дней" // ТОДРЛ. Т. 34. Л. 1979. С. 283–293.

³⁴⁸ В частности, это случилось с подачи Л.Е. Морозовой, много занимавшейся популяризацией Смуты. См.: Морозова Л.Е. Русский вольнодумец XVII в. Иван Хворостинин // Вопросы истории. 1998. № 8. С.145–150.

³⁴⁹ Богданов А.П. Указ. соч. С. 63–124

но большой роли не играл. И скоро попал в опалу, а И.А. Хворостинин входил в ближайшее окружение Лжедмитрия I (о чем он потом сам написал не без гордости в своем сочинении о Смуте). Правда после свержения самозванца начинающий царедворец тоже попал в опалу и отправился в Иосифо-Волоколамскую обитель. С 1610 г. он вернулся на службу, стал активно писать стихи и сочинять вирши. О нем много говорили как о критике православных обычаев, церкви и России, в частности И.А. Хворостинин не посещал служб и не соблюдал постов, открыто хвалил Запад и католичество.

В итоге, когда в Москву вернулся Филарет, ставший патриархом, И.А. Хворостинин отправился в новую ссылку в Кирилло-Белозерский монастырь. Здесь он, видимо, активно работал над своим сочинением о Смуте, которое не закончил и начал писать религиозный трактат против католичества, чтобы оправдаться в глазах патриарха.

В это же время завязалась его полемика с С.И. Шаховским, которая была так важна для последнего, что он включил в свой сборник сочинение направленное против И.А. Хворостинина, хотя с момента их дискуссий прошло уже много времени. Сам И.А. Хворостинин умер в 1625 г. приняв постриг в Троице-Сергиевой Лавре, к которой был близок и С.И. Шаховской.

Итак, известно, что между писателями велась переписка. Считается, что оба они были приятели, и их дискуссии не переходили на личности. В частности С.И. Шаховской упрекал своего собрата по перу в том, что он проявляет высокоумие и гордость, не имеет смирения и очень упорствует в вопросах истории Вселенской церкви, ничуть не смущаясь он «превозношась многим велеречием и гордясь... фарисейски, думая выше всех людей знанием божественных догматов превзойти»³⁵⁰. Также С.И. Шаховской упрекал князя в том, что тот чересчур превозносится перед своими слугами и холопами, «величается».

Вероятно, критика со стороны С.И. Шаховского была публичной и, вероятно, повлияла на арест и ссылку И.А. Хворостинина. После чего,

³⁵⁰ Цитата по: Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 187.

впрочем, их диалог продолжился. В таких условиях и было создано рассматриваемое нами произведение «Послание к некоему другу, препирающемуся о священном Шестом соборе, глаголюще, яко не обретается Шестый Великий собор в книге священных кормил, сии речь правил».

Показательно, что своего адресата С.И. Шаховской именует «другом», следовательно, приятельские отношения между ними не были прерваны, а значит никто из них не считал, что именно С.И. Шаховской был главным виновником ссылки. Известно, что А.И. Хворостинин не стеснялся своих «латинских» взглядов и прямо их высказывал.

Итак, перейдем теперь к непосредственному рассмотрению содержания послания, чтобы понять суть дискуссий.

После приветствия С.И. Шаховской описывает содержание случившегося между ними при личной встрече конфликта. Очевидно, что это был эмоциональный спор и даже некая перепалка. С.И. Шаховской сетует, что человеку статуса И.А. Хворостинина следует держать свое положение и вести себя соответствующим образом: «Несть полезно благоверну мужу тщеславию победенну быти или зверски ярится на друга, то есть отнюд нечеловеколепно ниже есть воистинну прехвално».

Как всегда, С.И. Шаховской подкрепляет свои слова авторитетом Священного Писания, в частности, цитатой из псалма и Евангелия: «О таковых убо вресноту³⁵¹ пророк вопиет доколе рече сынове человечестии тяжкосердни вскую любите суетная и ищите лжа (Пс 4:3), и того же псалма поступив мало гневаетеся рече и не согрешайте (Пс 4:5, ср.: Еф. 4: 26), и все вкупе Священное Писание вопиет единогласно, еже по Бозе всем христианом нетяжкосердым³⁵² быти, ниже превозношати или премудряться еллинским обычаем³⁵³». Тут же он добавляет: «Вспомяни, господине, яко и сам

³⁵¹ Вресноту – поистине, подлинно.

³⁵² Тяжкосердый - имеющий грубое сердце, нечувствительный, ожесточённый.

³⁵³ Здесь С.И. Шаховской употребляет словосочетание «еллинский обычай» в негативном ключе. Вероятно, в связи с тем, что русской среде укрепилось настороженное отношение к грекам и Греческой православной церкви после принятия Флорентийской унии. Так, например, профессор Н.Ф. Каптерев отмечает: «После

Единородный рече к фарисеом горе вам, книжницы и фарисеи, лицемери, яко любите председатель на сонмищех и целование на торжищех, и прежевозлегание на вечерех, и зватися от человек «учителю, учителю» (Лк. 11: 43) и прочая и о сем толико довлеет».

Спор с И.А. Хворостининым, вероятно, настолько нарушил душевное равновесие С.И. Шаховского, что тот начинает писать ему ответ уже на следующий день: «Начну убо сице, укорях мя еси вчерашняго дня в дому своем, величаяся в рабех своих и превозношася многим велеречием, и гордяся, реку, фарисейски мняся превыш всех человек учением божественных догмат превзыти». Особо досадно для князя было то, что спор И.А. Хворостинин учинил в присутствии прислуги, а С.И. Шаховской выступил в некоем неприглядном свете, что стало для него неким ударом. Он скорбит, что И.А. Хворостинин назвал его «грубым и бессмысленным», не разбирающимся предании святых отцов. Также С.И. Шаховской отмечает, что он не был инициатором спора, а именно И.А. Хворостинин придрался к какому-то незначительному его высказыванию: «И за малое мое некое речение препирахся еси гневно и люте свирепством».

Сам И.А. Хворостинин утверждал, что деяния VI Собора не могли войти в Книгу правил, поскольку таковых якобы издано не было. В устном споре С.И. Шаховской не смог отстоять свою правоту, ссылаясь на то, что его родственник с юности был упрям и горделив, поэтому он решил изложить все аргументы по порядку в письменном виде: «Ты же глаголи наша нивочто вмених, превращая истинну во лжу по своему любомуудрому

Флорентийской унии и падения Константинополя у русских сложилось представление, что правая, ни в чем не измененная вера сохранилась только у них одних, так что на Руси, сравнительно со всеми другими странами, «большее есть Православие и высшее христианство», только одна русская держава цветет «совершенным благочестием как свет солнечный». Если ранее центром и представителем всего православия был Константинополь, то теперь его место в православном мире заняла Москва – Третий Рим, так как у самих греков «вера православная испроказися Махметовою прелестью от безбожных турок», вследствие чего она стала у них во многом ниже и несовершеннее во всем совершенной веры русской. Ввиду этого русские обязаны не только твердо и неизменно хранить у себя преданное им благочестие, не допускать в нем никаких перемен и нововведений, но и свое русское считать нормою при определении того, что православно и что нет, что истинно благочестиво и что нет. Теперь все идущее на Русь от греков следует подвергать строгой проверке русским и все оказавшееся с ним несогласным отмечать как несогласное с истинным Православием, как позднейшие допущенные греками новшества». См.: Каптерев Н.Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. – М.: Тип. Л.Ф. Снегирева, 1885. С. 383.

изволению. О сем прекрошу слово, укоряя твое високоумие, понеже измлада обыкох еси в такове велехвальне обычае быти не единому мне во укоризне приключается и в поношении». И сказав о том, что на этой фразе уместно завершить обличение И.А. Хворостинина С.И. Шаховской, тем не менее, продолжает это делать еще почти на целый лист рукописи: «Ни единого даси глагола рещи пред собою понеже превознесен еси умом и неудержан во гневе, ярящися зверски на препирающихся с тобою о мале или о велице, и хочещи един надо всеми мудр быти, предстояще же лицу твоему раби твои угодное тебе творят и слово твое наипаче подтверждают яко истиннии лжесвидетели суть».

И далее С.И. Шаховской упоминает неизвестную до этого персону по фамилии Заблотский (в рукописи - Заблотцкий). О нем князь отзывается весьма нелестно, называет его вероотступником, вернувшимся в православие из латинской веры, а также считает, что Заблотский – один из главных влиятелей на мировоззрение и характер самого И.А. Хворостинина: «пред всеми же сими един презельный лжесвидетель и поборатель твоему високоумию, чужаземец и пришлец на землю сию от злокозненных латын и внове приступих ко благочестивей вере нашей, Заблотцкий ему есть имя».

В прочем, после столь пространной гневно-скорбной тирады, С.И. Шаховской благоразумно подводит итог своим эмоциям, чтобы снова не провоцировать собеседника: «Оставлю убо сия глаголати, да не паки возражу тя на ся, но возведу ти токмо истину свою о нем же залогу меж нами положену бывшу. Известно ти о сем да будет, о благоверный княже, яко вся суть седмь Вселенских Собор в книзе священных правил обретаются яко же богоноснии отцы изложиша ревностию Божию на благочиние церковное и душеполезное спасение нам християном вкупе же и с Помес(т)ными шестнадцать и апостольские правила [...] и послания мнози».

Далее автор переходит к основному содержанию своего послания: восстановлению для И.А. Хворостинина хронологии и преемства деяний соборов, чтобы достичь целостности его представлений и развеять сомнения.

Здесь С.И. Шаховской, по обычаю, проявляет высокую эрудицию, перечисляя даты, наиболее авторитетных отцов и поводы к созыву всех семи Вселенских Соборов.

Приведем упомянутые им сведения в виде таблицы:

Вселенский Собор	Сведения по С.И. Шаховскому
I Вселенский Собор – Никейский ³⁵⁴	5818 г. от сотворения мира (не совпадает с официальной датой 325 г. от Р.Х.) ³⁵⁵ . «При Костянтине Велицем». Участвовало 318 святых отцов. Председатели: папа Римский Сильвестр (в действительности, он лично не присутствовал, были два представителя в сане пресвитеров), Александр (викарий Константинопольского патриарха Митрофана), святитель Александр, патриарх Александрийский Евстафий, патриарх Иерусалимский Макарий. «Собраша же ся на Ария суемудренного, пресвитера бывша Александрийския церкви, хуляща же Сына Божия Господа нашего Исуса Христа».
II Вселенский Собор – Константинопольский	Был созван через 56 лет после Никейского, в Константинополе, в 5874 г. (не совпадает с официальной датой 381 г. от Р.Х.) ³⁵⁶ , при императоре Феодосии Великом. Было 150 участников. Старейшины: папа Римский

³⁵⁴ См. о Вселенских Соборах: Карташев А.В. Вселенские соборы. Минск: Изд. Белорусский Экзархат, Харвест, 2008.

³⁵⁵ Год 5818 при переводе в год от Рождества Христова, по общепринятой традиции, будет 310 годом. Здесь у С.И. Шаховского мы видим ошибочную разницу в 15 лет. Вероятно, это связано со спешкой при написании послания (начал на следующий день) и указанием сведений по памяти.

³⁵⁶ Интервал в 56 лет между Соборами у С.И. Шаховского указан верно, но из-за ошибки в первой дате он неверно указал и вторую: 5874 год от сотворения мира будет 366 годом от Рождества Христова, разница так же в 15 лет.

	Дамас, патриарх Константинопольский Нектарий, патриарх Иерусалимский Кирилл, патриарх Александрийский Тимофей, патриарх Антиохийский Мелетий, святитель Григорий Нисский, епископ Кесарии Палестинской Геласий, святитель Григорий Богослов, будучи на тот момент епископом Константинополя. «Снидошася на Македония злочестиваго, разбойнически престол Константина града восхитившаго и хуляща Дух Святый». Вместе с Македонием осуждены Савелий Ливийский и Аполинарий Лаодикийский³⁵⁷ и их последователи.
III Вселенский Собор – Эфесский	Состоялся через 41 год после II Собора в г. Эфесе в 5905 г. (не совпадает с официальной датой 431 г. от Р.Х.)³⁵⁸, при императоре Феодосии Малом. 200 участников. Старейшины: патриарх Александрийский Кирилл, вместо папы Римского Целестина, патриарх Иерусалимский Ювеналий, епископ Эфесский Мемнон. Собрался против патриарха Константинопольского Нестория, «Христа разделяющего и пресецающего проста бо человека быти того глаголаше, а не Бога воплощся».
IV Вселенский Собор – Халкидонский	Собрался через 30 лет после Эфесского

³⁵⁷ См.: М.В. Шпаковский. Указ. соч.

³⁵⁸ Интервал автором указан неверно. Третий Собор состоялся через 50 лето после Второго. Год Собора по рукописи – 5905, он является 397 годом от Р.Х.

	Собора, в г. Халкидоне, в 5945 г. (не совпадает с официальной датой 451 г. от Р.Х.)³⁵⁹, при императоре Маркиане. Было 630 участников. Старейшины: папа Римский Лев (в рукописи - Леон), патриарх Константинопольский Анатолий, патриарх Иерусалимский Ювеналий, патриарх Антиохийский Максим, митрополит Солунский Анастасий, епископ Эфесский Стефан. Собрались против бывшего патриарха Александрийского Диоскора и архимандрита из Константинополя Евтихия, «сии бо Спаса нашего и Бога Исуса Христа вочеловечение отметающа до конца, отнюд того привидением плоть понесоша баснословяста глаголюща, яко несть плоть Господня единосущна нам, но от двою бо естеству соединенну быти единому же свершитиися по соединенну и к Божеству страсти прилагаста». Собор отверг это понимание и провозгласил, «совершенна Бога и совершенна человека того во двою естеству несмесно (от слова «не смешивать») и нераздельно Бога нашего Исуса Христа». Здесь неполное перефразирование ороса Собора: неслитно, непреложно, нераздельно и неразлучно.
V Вселенский Собор – II Константинопольский	Состоялся через 102 года после Халкидонского, в Константинополе, в 6047 г.

³⁵⁹ Интервал указан неверно, между Соборами прошло 20 лет. Также князь ошибся в подсчетах: 5905 + 30 = 5935, а не 5945, как указано в тексте.

	(не совпадает с официальной датой 553 г. от Р.Х.)³⁶⁰ при императоре Юстиниане (в рукописи назван Древним). Было 165 участников. Старейшины: папа Римский Вигилий, патриарх Константинопольский Евтихий, патриарх Аполлинарий Александрийский, патриарх Домн Антиохийский, патриарх Евтихий Иерусалимский, Дамиан Созополитский. Подтверждены учение и постановления Халкидонского Собора. Отвергнуто учение Оригена, Евагрия, Дидима и их последователей. Ересь Оригена С.И. Шаховской излагает так: «сим телесем, ими же ныне обложени есмы, безумно рекоша не воскреснути и еще же к сему блядяху глаголюще яко душа первейши суть телеси и прежде телесе родишася. От еллинских начинающим повелением прехожение душам от тела в тело учаху». В описании Пятого Собора С.И. Шаховской не просто перечисляет основные сведения, но также и рассуждает о «еллинских учениях», под влиянием которых, как он считает, находится И.А. Хворостинин: «Исуса Христа подобно нам быти и ничто же различено имети от нас глаголаху раже оклеветающе, яко не сотворен от Бога, ни быти ему и еще же к сему
--	---

³⁶⁰ Интервал между Соборами указан верно, но 6047 год по тексту является 539 годом от Р.Х., разница с официальной датой составляет 14 лет.

	глаголаху не в плоть создан есть адам и иная другая тмами хульная списавше обличени бывше и многи от церкви гибяще яже списания яве сно проявляху, но от неких в тайне держими бяху ниже до конца обличени бывше на четвертом соборе». Также князь упоминает об осуждении на соборе Феодора Мопсуестийского, который был учителем еретика Нестория и иных. Оправдал Феодорита Кирского и Ива Эдесского.
VI Вселенский Собор - III Константинопольский	Состоялся через 129 лет после V Собора, в Константинополе, в 6076 г. (отличается от официальной даты 680 г. от Р.Х.)³⁶¹, при императоре Константине (Погонате – прим. С.В.), «отце Устинианове, внуце Ираклиеве», было 170 участников. Старейшины: папа Римский Агафон, патриарх Константинопольский Георгий, патриарх Антиохийский Феофан, «Петр мних» (представитель Александрийской кафедры, вдовствовавшей в тот период). Собрался «на Феодора Фаранска епископа, и на Онория Римскаго, и на Кирила Александрийского, на Сергия же и Пира и Павла, и Петра бывшая епископы Контянтина града». Были повторно осуждены прежние ереси: Макария Антиохийского и его ученика Стефана и иных,

³⁶¹ Интервал указан неверно, на самом деле он составляет 127 лет. 6076 год по рукописи является 568 годом от Р.Х. Автор вновь ошибается в расчетах: $6046 + 129 = 6176$, а в тексте указан год 6076, разница в 100 лет. Впрочем, здесь возможна ошибка переписчика текста, и он не указал числительное «сто». В варианте рукописи №213 это числительное также отсутствует.

	дерзнувших «реши едину волю и едину действо имети Господу нашем Иисусу Христу».
VII Вселенский Собор – II Никейский	Состоялся через 120 лет после VI Собора, в 6296 году, при императрице Ирине и ее сыне Константине ³⁶² . Было 167 участников ³⁶³ . Старейшины: папа Римский Адриан (в рукописи – Андреан), «иже в сие место посла Петра благоверного первого пресвитера святыя церкви Римския и другаго Петра пресвитера, игумена иже в Риме», [...], пресвитеры-монахи Иоанн и Фома (представители Восточных патриархов), патриарх Константинопольский Тарасий, патриарх Александрийский [...], патриарх Антиохийский Феодорит, патриарх Иерусалимский Илья. Собор утвердил иконопочитание и осудил иконоборчество.

Подводит итог своему посланию С.И. Шаховской следующими словами: «Се вся суть седмь святых и Вселенских Соборов, от них же, благочестивый, да престанеши мя отселе укоря наша, глаголющая с тобою о мале и о велице. Здравствуй и радуйся о Христе. Аминь».

В целом, из текста послания не совсем понятна суть претензий И.А. Хворостинина к правилам VI Вселенского Собора и лично к С.И. Шаховскому.

Хорошо известно, что на Западе среди богословов, канонистов и церковных историков встречается скептическое отношение к Шестому собору, и прежде всего к так называемому Пято-Шестому.

³⁶² Интервал указан неверно, между Соборами прошло 107 лет. Однако дата собора указана почти правильно: 6296 от сотворения мира является 788 годом от Р.Х. Возможно, это произошло от очередной ошибки князя в подсчетах, разница от которых перекрыла разницу от предыдущих ошибок.

³⁶³ По общепринятым данным было 350 участников.

В послании князь почему-то не упомянул Пято-Шестой Собор, который также входит в Книгу правил и является в церковном правовом сознании продолжением, или как бы второй сессией VI Собора, состоявшейся в Константинополе через 11 лет. На этой сессии были приняты 102 важных канонических постановления.

Здесь следует отметить, что Пятый и Шестой Вселенские Соборы не выносили канонических определений, а были сосредоточены на догматических проблемах и борьбе с еретическими течениями. Однако церковью отмечалась необходимость таковых формулировок, направленных на поддержку церковной дисциплины и благочестия. Это было реализовано на Пято-Шестом Соборе, который также именуется Трулльским. Его постановления охватили содержание предыдущих двух Соборов и также приобрели вселенское значение.

Однако исторически сложилось так, что христианская церковь Запада не признала статус «вселенскости» канонов Трулльского собора и рассматривала его отдельно.

В действительности, часть этих правил противоречила римской традиции благочестия и богослужебной практике: о посте, celibате духовенства, практике причащения новокрещенных, о составе предыдущих канонических сборников и т.д.

Легаты папы подписали эти акты, но сам тогдашний предстоятель Римской церкви Сергей отказался это делать. Впоследствии этот вопрос так и не был урегулирован.

Возможно, в самом деле, на князя И.А. Хворостинина оказал влияние упомянутый Заблотский, склонив его мировоззрение ближе к католицизму или протестантизму. Вполне вероятно, что получение новых сведений о Заблотском, помогут пролить свет на это. Однако, в контексте нашей работы более важна позиция самого С.И. Шаховского.

Он спешил изложить свои аргументы, начав их составлять на следующий день после спора, ошибался в датах и подсчете годовых

интервалов между Соборами, уделяя большее внимание именам их участников и основным поводам для собрания.

И тем не менее, в этом своем произведении князь Семен Иванович Шаховской вновь предстает перед нами не только как эрудированный богослов, владеющей в значительной мере знаниями церковной истории и канонического права, но, что даже более важно, как поборник православия, твердо отстаивающий свои убеждения не только в публичном пространстве, но и в частных спорах. Эта двойственность – сочетание академической глубины и пылкой, непоколебимой веры – делает его фигуру особенно примечательной. Он не просто цитирует авторитеты, но живет ими, и эта внутренняя убежденность пронизывает каждую строку его труда, делая его не просто трактатом, но свидетельством веры. Его позиция, ясная и бескомпромиссная, служит ярким примером преданности истине и готовности защищать ее всеми доступными средствами.

Историко-богословские споры С.И. Шаховского и И.А. Хворостинина предстают перед нами своеобразным историко-культурным феноменом своего времени. В этой полемике отразились многие важные вопросы своего времени. Рассуждения на историко-богословские темы подчеркивали значение русского государства на международной арене и в мировой истории. Оба писателя считали, что их страна является наследником истиной христианской церкви, учрежденной самим Иисусом Христом, что Россия наследует Римской и Византийской империям, потому рассуждать о Вселенских соборах, не только возможно, но и необходимо. Их дискуссии отражают сообразную саморефлексию русского общества, претерпевшего потрясения Смутного времени, пытающегося осознать свое место в мире, ищущего опору в прошлом, не только в собственной истории, но и в череде мировых событий. Тем самым оба писателя подчеркивали значимость России и ее место в мире. Таков бы историко-культурный аспект их споров.

Особого внимания заслуживает тот факт, что эти события происходили в годы, когда национальная идентичность и суверенитет страны

подвергались сомнению со стороны соседней Польши. Польская элита активно отстаивала идеи включения Московии в состав Короны. Юридическим основанием для подобных претензий послужило приглашение королевича Владислава в 1610 году. Однако немногие вспоминали, что это приглашение было обусловлено конкретными условиями, которые Сигизмунд III не выполнил, что делает его, по сути, недействительным. Более того, польская сторона, пользуясь внутренней смутой и слабостью московской власти, стремилась не просто к династической унии, но к полному подчинению русских земель, насаждению католичества и ликвидации самобытности русского народа. Эти амбиции, подкрепленные военной силой и интригами, представляли собой прямую угрозу самому существованию Московского государства как независимой единицы.

Уместно также вспомнить и то, что С.И. Шаховской написал в эти годы свое знаменитое послание к персидскому шаху Аббасу, предлагая тому принять православие, поскольку Россия – это крупный мировой центр православной культуры. Как справедливо заметил Э. Кинан на самом деле послание было обращено против фанатичного католика Владислава, претендующего на русский престол. По утверждению Э. Кинана, почти каждый эпизод из послания Аббасу дословно повторяет текст из послания патриарха Гермогена Владиславу 1610 г. Таким образом, именно польского наследника Гермоген призывал последовать примеру св. князя Владимира и принять православие³⁶⁴.

Полемика С.И. Шаховского и И.А. Хворостинина, как мы видим, затрагивала многие актуальные вопросы своего времени. Она была частью историко-культурной ситуации своего времени, когда русский народ должен был осмыслить свое прошлое, вспомнить про свою национальную идентичность, в которой православие, завещанное отцами церкви, играло огромную роль. Оба писателя прекрасно понимали это и споры о

³⁶⁴ Keenan E.L. Semen Shakhovskoi and the Condition of Orthodoxy // Harvard Ukrainian Studies. 1988/1989. Vol. XII/ XIII. P. 810. См. также: Быкова А.С. Творческое наследие князя С.И. Шаховского в оценке американского историка Э. Кинана // Filo Ariadne. 2020. № 3. С. 58-69.

Вселенском соборе казались им принципиально важными. Более того, их диалог выходил за рамки чисто богословских рассуждений, проникая в самую суть государственного устройства и места России в мировом порядке.

В эпоху, когда границы между духовным и светским правлением были еще весьма условны, вопросы церковной власти и ее соотношения с властью монаршей становились ареной острых интеллектуальных баталий. Шаховской, с его склонностью к более авторитарным взглядам, и Хворостинин, отстаивающий, возможно, более независимую позицию церкви, отражали в своих спорах те глубинные течения, которые определяли вектор развития русского самосознания на многие десятилетия вперед.

Неслучайно во второй половине XVII в. Россия актуализирует свою идентичность через православие, и принимает миссию защиты всех православных народов. Полагаем уместным указать в качестве примера на те настроения, которые царили при Дворе в начале Русско-польской войны. В июле 1656 г. сам царь Алексей Михайлович лично посетил Полоцк, город, который месяц назад сдался русским без боя на волне общих успехов. Здесь государя торжественно встретили воспитанники местной православной братской школы. Трое лучших учеников, возможно, символизировавшие Россию, Украину и Белоруссию, прочли московскому царю стихотворение, написанное их учителем – монахом Симеоном, известным впоследствии как Симеон Полоцкий. Уже само название этого творения показательное: *«Метры на пришествие во град отчистый Полоцк пресветлого благочестивого и христолюбивого государя царя и великого князя Алексея Михайловича...»*. Превознося московского самодержца, автор сравнивал его с римским императором Константином, равным апостолам по своему значению для сохранения истинной христианской веры³⁶⁵. Эта аналогия подчеркивала не только благочестие царя, но и его историческую миссию, подобную той, что выпала на долю Константина, который, избавив Церковь от гонений, открыл

³⁶⁵ См.: Полоцкий С. Вирши / Сост., подготовка текстов, вступ. статья и комментарии В.К. Былинина, Л.У. Звонаревой. – Минск: Мастацкая літаратура, 1990. С. 33–38; См. также: Полоцкий С. Орел Российский / Изд. подг. Л.И. Сазоновой. – М.: Индрик, 2015. С. 130.

ей путь к всемирному господству. Московский же князь, в свою очередь, видел себя продолжателем этой великой традиции, призванным объединить русские земли под сенью истинной веры и утвердить ее в качестве краеугольного камня государственности.

И тем не менее несмотря на огромное значение полемики С.И. Шаховского и И.А. Хворостинина в историографии об этом писали крайне мало, избегая больших обобщений. В 1905 г. в «Русском биографическом словаре» в описании биографии князя за авторством Д. Корсакова, много говорилось о богословских талантах князей, но мало что говорилось конкретно³⁶⁶. Хотя в этой статье впервые жизнь князя наконец получила полноценное описание.

Как мы видим, С.И. Шаховского ценили за эрудицию и плодотворность, но со временем творчество было почти совсем забыто: его не издавали и почти не изучали, хотя упоминали в обобщающих работах. В пособии упоминаемого А.С. Орлова о древнерусской литературе (1945) о нем ничего не сказано, что лишь подчеркивает масштаб забвения, постигшего этого незаурядного исследователя и писателя³⁶⁷. Подобное положение дел, когда имя остается на слуху, а труды пылятся на полках, не находя своего читателя и исследователя, к сожалению, не является уникальным в истории науки и литературы. Оно свидетельствует о том, как легко могут быть утрачены ценные знания и оригинальные идеи, если не уделять должного внимания их сохранению и популяризации.

В популярном учебнике Н.К. Гудзия (1966 вышло восьмое издание), С.И. Шаховскому уделено две строки³⁶⁸. Важнейшая для понимания ситуации полемика С.И. Шаховского и И.А. Хворостинина вообще не привлекала внимания ученых-биографов.

Итак, в свете сказанного выше, нам кажется, особенно важно остановится на этой теме как историко-культурном феномене времени в

³⁶⁶ Корсаков Д. Шаховской, князь Семен Иванович, по прозванию Харя // Русский биографический словарь. Т. 22. – СПб., 1905. С. 586-589.

³⁶⁷ Орлов А.С. Древняя русская литература XI-XVII вв. – М., 1945.

³⁶⁸ Гудзий Н.К. К истории древней русской литературы. – М., 1956. С. 382-386; 496.

рамках нашего историко-биографического исследования. Возможно, в будущем полемика двух писателей поколения Смуты будет подвергнута отдельному изучению. Полагаем, что это даст возможность по-новому взглянуть на историю русской общественной и богословской мысли, а также позволит понять противоречивые настроения, царившие в русском обществе после завершения Смутного времени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Важное значение для понимания исторических обстоятельств времени, когда жил и создавал свои произведения С.И. Шаховской, имеют два вектора развития русского общества и культуры – вестернизация и обмирщение. Эти процессы имели конкретные, вполне объяснимые причины, однако в то же время они уникальны тем, что совпали со сменой династии и формированием новой культурной традиции, с присущей ей стремлением к свободе, самовыражению, принятию ответственности личности за мир и благополучие «православного царства» (Святой Руси). Это происходит в противовес ранней средневековой культуре, которая формировалась не одно столетие, и которая была в значительной степени догматизирована, имела четко очерченную религиозную картину мира, устремленную, однако, в «горние селения», имеющую явные черты эсхатологизма и провиденциализма. Начало этих важнейших процессов, безусловно, было сложным, неоднозначным и даже противоречивым. Формирование светской культуры, свободной от влияния религиозно-философского видения мира, было одновременно естественным и опасным, поскольку могло привести к сплочению общества, укреплению страны и народа или наоборот, к его угасанию и потере собственной национальной идентичности.

Более точно понять это сложное время возможно, через наследие его свидетелей и очевидцев. Это были первые «пробы пера», которые зародились уже не в монастырских стенах и были, в некоторой степени, умозрительными заключениями, а мыслями тех, кто буквально творил историю. Эти персоналии посеяли семена культуры, укрепившиеся в новых реалиях, когда человек стал не пассивным участником «высшего замысла», но осознал возложенные на него обязанность и право быть сотворцом своей жизни.

Конечно, огромную роль в описанном культурном процессе сыграло Смутное время, когда были потрясены основы государства и общества, народ, до этого не проявлявший большой активности, вышел на первый план

исторических событий, многие люди получили возможность проявить себя, почувствовать свою значимость и ответственность за происходящее. Смута стала тем потрясением, которое способствовало развитию новых тенденций. Именно поэтому большое значение имели писатели, непосредственно участвовавшие в событиях гражданской войны, видевшие их своими глазами вовлеченные в интриги и борьбу у трона. Под впечатлением от произошедшего, они создали тот фундамент, на котором в последствии получила развитие русская светская культура.

Так рождалась самобытная национальная литература, выражающая себя через слово, особенно в религиозно-публицистических и историко-богословских работах. Несомненно, что причиной этого стали культурные тенденции пришедшие в начале XVII в. с Западной Европы. Однако в российском обществе это вызвало рефлексию, процесс самопознания и самоопределения. Далеко не все были сторонниками новых форм, что мы видим в дальнейшем церковном расколе, реформам Петра Великого и началом Синодального периода в церковной истории.

В таких новых историко-культурных реалиях была показана биография одного из ярчайших его представителей времени – князя Семена Ивановича Шаховского. Нам удалось дополнить уже известные сведения новыми фактами, восстановленными на основе его литературных произведений и архивных разысканий. Уникальным было то, что князь совмещал деятельность на посту воеводы и государственного деятеля с созданием обширного литературного наследия, отразившего противоречия и устремления эпохи. Творчество полосой проходит через всю его жизнь, отражая смену властей, личные чаяния и переживания, опалы и возвышения. С.И. Шаховской как бы представлял два мира – традиционный духовный и новый светский, что проявилось в жанровом богатстве его работ. Опираясь на их содержание, обращая внимание на смысловые акценты, сделанные С.И. Шаховским, нам удалось дополнить его жизнеописание новыми сведениями. Мы также видели какое большое значение в его судьбе играло

отношения с высшей властью, вовлечение в интриги, политическую борьбу, заканчивавшуюся то возвышениями, то четырьмя продолжительными опалами и ссылками.

В третьей главе было рассмотрено творческое наследие писателя. Главным образом оно представлено в сборнике сочинений, хранящемся сегодня в Российской государственной библиотеке. В нем содержатся исторические, гимнографические, молитвенные тексты, послания к разным людям, богословские и исторические сочинения, а также совершенно новый для той эпохи жанр – стихотворные тексты. Анализ этих материалов свидетельствует о том, что автор стремился внести личный вклад в виршевую традицию стихосложения и внес свой существенный вклад в развитие жанра.

Литературные произведения С.И. Шаховского исполнены образными приемами, обилием прямых цитат и перефразированием текстов Священного Писания, святоотеческих творений и богослужебных книг. В них встречаются акrostихи и авторские ремарки, что говорит об эрудиции и большой образованности князя для своего времени. Индивидуализм и оригинальность его творчества позволяют восстановить не только факты личной жизни автора, но также понять более широкий историко-культурный контекст эпохи. Исторические работы С.И. Шаховского часто привлекали внимание исследователей, благодаря своему объему, ярко выраженной концептуальности, обилию фактов, а также подходу к историческим личностям, как к сложным и неоднозначным натурам. Таковы, например, Иван Грозный и Борис Годунов, которых писатель описывает и с положительной, и с отрицательной сторон.

Творчество С.И. Шаховского уникально по своей сути, тем что автор был администратором и воеводой с одной стороны, богословом, писателем и поэтом с другой. Все это выделяет князя из общего ряда культурных деятелей первой половины XVII в. Он стал как-бы олицетворением этого противоречивого переходного периода. Причем ценность творчества С.И.

Шаховского и в том, что он как правило (за редким исключением) не получал никакой выгоды за свои произведения.

Об искренности взглядов и переживаний за свою судьбу, за своих друзей и за будущее Российского государства, свидетельствует составленный князем для будущих поколений сборник. В предисловии к нему он пишет, что однажды задумался о том, как отблагодарить друзей, поддерживающих его в «печали и скорби» и решил, что лучше всего составить рукопись собственных сочинений. Находясь на пороге смерти, вспоминая прошедшую, насыщенную событиями жизнь, С.И. Шаховской в рассуждениях о творчестве отсылает читателя к начальным строкам Евангелия от Иоанна (тем самым предваряя русских поэтов XIX-XX вв.), где сказано, что важнее всего Слово, ибо с Ним «вся быша, и без Него ничтоже бысть» (Ин: 1: 3 - 3)³⁶⁹.

³⁶⁹ ОР РГБ. Ф. 173/1 № 213 л. 2.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные источники

1. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 173/І № 213; № 214. Сочинения князя Симеона Шаховского.
2. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 354. № 73. Л. 317–328. Слово похвальное Христа ради юродивым Прокопию и Иоанну, устюжским чудотворцам.
3. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 141. Оп. 1. Д. 4 (1615 г. Дело о его тяжбе С.И. Шаховского с холопом касимовского царевича Араслана Алеевича Д. Корниловым)
4. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 3. Д. 98. (1638 г. Дело о споре С.И. Шаховского с воеводой Ж.В. Кондыревым)
5. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 6 а. Д. 13. (1662 г. Дело по поводу обвинений сына С.И. Шаховского, Федора, в незаконнорожденности)

Опубликованные источники

6. Авраамий (Палицын А.И.) иеромонах Троице-Сергиевой лавры. Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря от поляков и Литвы; и о бывших потом в России мятежах, сочиненное онаго же Троицкого монастыря келарем Авраамием Палицыным. М.: В Синодальной типографии, 1822. 324 с.
7. Барсуков А.П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб.: тип М.М. Стасюлевича, 1902. 624 с.
8. Боярская книга 1639 года. / Сост. Буганов В.И., Рогожин Н.М., Лукичев М.П. М.: Институт российской истории РАН, 1999, 264 с.

9. Виршевая поэзия (первая половина XVII века) / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. В.К. Былинина, А.А. Илюшина. М.: Советская Россия, 1989. 480 с.

10. Воздвижение Честного и Животворящего Креста. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2013. 64 с.

11. Волоцкий И., преп. Просветитель или обличение ереси жидовствующих. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1896. 551 с.

12. Воскобойникова Н.П. Описание древнейших документов архивов московских приказов XVI – начала XVII веков. Под ред. Н. Ф. Демидовой. М.: Памятники исторической мысли, 1999. Вып. 3. 327 с.

13. Временник Ивана Тимофеева / Подгот. к печати, пер. и коммент. О.А. Даржавиной; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Изд. Академии наук СССР. М.-Л.: 1-я тип. Изд-ва Академии наук СССР, 1951. 524 с.

14. Голубцов А.П. Памятники прений о вере, возникших по делу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны // Чтения Общества истории и древностей российских (ЧОИДР). 1892. Кн. 2. Отд. 11. С. 158-165.

15. Житие и Жизнь преподобных отец наших Варлаама пустынника и Иоасафа царевича Индийского. Творение преподобного отца нашего Иоанна Дамаскина. СПб.: Лит. А. Беггрова, 1887. 538 с.

16. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / собрал и издал Андрей Попов. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко., 1869. 541 с.

17. Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича // Московия и Европа / сост. А. Либерман, С. Шокарев; послесл. И. Андреев. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. С. 9-146.

18. Ксанфопул Никифор. Собрание синаксарей Постной и Цветной Триоди. // URL: <https://azbyka.ru/cobranie-sinaksarej-postnoj-i-cvetnoj-triodi#toc> (Дата обращения: 22.01.2025).

19. Леонид (Кавелин Л.А.), архим. Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища св. Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 г. (ныне находящихся в библиотеке Московской духовной академии). Вып. 2. М., 1887. 376 с.

20. Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства. СПб.: Тип. Сухопут. кадет. корпуса, 1771. 386 с.

21. Материалы по истории Нижегородского края конца XVI – первой четверти XVII века: в 2-х ч. / Сост.: А.В. Антонов, А.А. Булычев, В.А. Кадик, С.В. Сироткин. М.: Древлехранилище, 2015. Ч.2. 960 с.

22. Минея. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2002. 12 том. Ч. 1. 424; Ч. 2. 400 с.

23. Новиков Н.И. Родословная книга князей и дворян Российских и выезжих (Бархатная книга). М.: Тип: Университетская тип. 1787. Ч. 1. 393 с.

24. Новомбергский Н.Я. Слово и дело государевы. М.: Печ. А.И. Снегиревой. 1911. Т. 1. 593 с.

25. Новые акты Смутного времени. Акты подмосковных ополчений и Земского собора. 1611-1613 гг. / Собр. и ред. С.Б. Веселовский. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1911. 228 с.

26. Общий гербовник дворянских родов Российской империи. Титул «Князья», Часть родословной книги V, II. Т. II, Л. 6. // URL: <https://gerbovnik.ru/arms/156.html> (дата обращения: 11.04.2024).

27. Октоих, сиречь Осмогласник. В 2-х томах. М.: Московская Патриархия, 1981. Гласы 1-4, 707 с. Гласы 5-8, 672 с. Приложение 208 с. // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pravoslavnoe_Bogosluzhenie/oktoih/3#source (дата обращения: 20.04.2024)

28. Переписка С.И. Шаховского и дьяка Третьяка Васильева // Временники императорского Московского общества истории и древностей российских. М.: Унив. тип., 1851. Ч. III. С. 2-10.

29. Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1888. 372 с.

30. Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник. Изд. 2-е, СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1913. 474 с.

31. Платонов С.Ф. Книга о чудесах преподобного Сергия, творения Симона Азарьина // Памятники древнерусской письменности. СПб., 1888. Т. 70. 131 с.

32. Повесть о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне // Библиотека литературы Древней Руси. Под. ред. Д.С. Лихачева. СПб.: Наука, 2010. Т. 16. С. 21-30.

33. Повесть о Петре Златых ключей // Библиотека литературы Древней Руси. Под. ред. Д.С. Лихачева и др. СПб.: Наука. Т. 15, 2006. С. 280 - 326.

34. Повесть о царе Иване и старце // Библиотека литературы Древней Руси. Под. ред. Д.С. Лихачева. СПб.: Наука, 2010. Т. 16. С. 31-33.

35. Повесть об Андрее Критском // Библиотека литературы Древней Руси. Под. ред. Д.С. Лихачева и др. СПб.: Наука. Т. 15, 2006. С. 231 - 234.

36. Полоцкий С. Вирши / Сост., подготовка текстов, вступ. статья и комментарии В.К. Былинина, Л.У. Звонаревой. Минск: Мастацкая літаратура, 1990. С. 33–38.

37. Полоцкий С. Орел Российский / Изд. подг. Л.И. Сазоновой. М.: Индрик, 2015. 374 с.

38. Попов А.Н. Переписка дьяка Третьяка Васильева с исследованием о времени переписки, а равно и самом дьяке Васильеве и о лицах к кому писал // Временник императорского московского общества истории и древностей российских. М.: Университетская типография, 1851. Кн. 9. Отд. 3. С. 2-10.

39. Преподобный Максим Грек. Сочинения. / Отв. ред. Н.В. Синецкая. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014. Т. 2. 432 с.

40. Псковская летописная повесть о Смутном времени // Библиотека литературы Древней Руси. Под. ред. Д.С. Лихачева и др. СПб.: Наука. Т. 14, 2006. С. 146-161.

41. Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии / С лат. пер. Алексей Станкевич. М.: тип. О-ва распространения полез. кн., арендуемая В.И. Вороновым, 1905. 228 с.

42. Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым : в 4-х частях. СПб.: Тип. Карла Вингебера, 1854-1857. / Ч. 1. 1854. 350 с.; Ч. 2. 1855. 327 с.; Ч. 3. 1856. 523 с.; Ч. 4. 1857. 482 с.

43. Русская бытовая повесть XV-XVII веков / Сост., вступ. статья, коммент. А.Н. Ужанкова. М.: Сов. Россия, 1991. 448 с.

44. Русская демократическая сатира XVII в. / подгот. текстов и коммент. Адрианова-Перетц В.П. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. 292 с.

45. Русская летопись по Никонову списку. Изданная под смотрением Имп. Академии наук. СПб., 1792. Ч. 8. 256 с.

46. Святого Дионисия Ареопагита о небесной иерархии / Пер. с греч. Изд. 6-е. М.: Синод. тип., 1898. 63 с.

47. Семь Вселенских Соборов. По руководству Четих-Миней Св. Димитрия Ростовского. / Сост.: Аверкий (Таушев). – М. СПб. 1996. 143 с.

48. Сказание Авраамия Палицына. / Подгот. текста и коммент. О.А. Державиной и Е.В. Колосовой. Под ред. Л.В. Черепнина. – М., Л.: Академия наук СССР, 1955. 349 с.

49. Скрипиль М.О. Повесть о Савве Грудцыне // История русской литературы: В 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941-1956. Т. 2. Ч. 2. С. 222-227.

50. Список надгробий Троице-Сергиева монастыря, составленный в половине XVII века // Чтения Общества истории и древностей российских (ЧОИДР). М.: Изд. Тип. Т. Рис., 1879. Кн. 2. С. 79-108.

51. Ставрографический сборник. Книга третья: Крест как личная святыня: Сб. статей. М.: Изд-во Московской Патриархии; Изд-во «Древлехранилище», 2005. 684 с.

52. Творения преподобного отца нашего и исповедника Феодора Студита в русском переводе. Том второй. - СПб.: Издание С.-Петербургской Духовной Академии, 1908. - С. 822-830.

53. Хворостинин И.А. Слова днй и царей, и святителей московских // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14. СПб., 2006. С. 610-667.

54. Четыре сказания о Лже-Димитрие, извлеченные из рукописей Публичной библиотеки. СПб.: Тип. И.И. Глазунова, 1863. 132 с.

55. Шаховской С.И. Домашние записки // Московский вестник. 1830. № 5. С. 61-73.

56. Шаховской С.И. Летописная книга / Подготовка текста и комментарии Е.П. Дергачевой-Скопп // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI-начала XVII веков. М.: Художественная литература, 1987. С. 358-427.

57. Яцимирский А.И. Послание Ивана Бегичева о видимом образе Божии // Чтения Общества истории и древностей российских (ЧОИДР). 1895. Кн. 2. Отд. 2. С. 2-13.

Исследования

Монографии

58. Аверинцев С.С. Риторика и источники европейской литературной традиции. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 448 с.

59. Антонов Д.И. Смута в культуре Средневековой Руси. Эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века. М.: РГГУ, 2009. 448 с.

60. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.

61. Белов В.Н. Введение в философию культуры. М.: Академический проект, 2008. 239 с.
62. Беляев И.Д. Земский строй на Руси. СПб., 2004. 365 с.
63. Богданов А.П. Перо и крест: Русские писатели под церковным судом. М.: Политиздат, 1990. 480 с.
64. Васенко П.Г. Бояре Романовы и воцарение Михаила Федоровича. М.: Кучково поле, 2013. 301 с.
65. Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец: история текста. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 397 с.
66. Гудзий Н.К. К истории древней русской литературы. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1956. 512 с.
67. Дмитриев Л.А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XVII веков. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л.: Наука, 1973. 303 с.
68. Знаменский П.В. История Русской Церкви, М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 2000. 459 с.
69. История России : в 20 т. / Ин-т российской истории РАН. Отв. ред. Д.В. Лисейцев. М.: Наука, 2024. Т. 5: Россия в XVII веке. Кн. 1: Российское государство в первой половине XVII века. 1598–1645 годы. 770 с.
70. История русского раскола, известного под именем старообрядчества / Сост. применительно к прогр. для духов. семинарии препод. Одес. семинарии Иван Стрельбицкий. Одесса: Тип. Е.И. Фесенко, 1889. 238 с.
71. Казанский П.С. Исправление церковно-богослужебных книг при патриархе Филарете // ЧОИДР. 1848. Год 3. № 8. 26 с.
72. Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. М., Берлин: Директ-Медиа, 2020. Т. 2. 495 с.
73. Ключевский В.О. Сочинения : в 9 т. / под ред. В.Л. Янина. М.: Мысль, 1988. Т. 3. 414 с.

74. Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. / под ред. В.Л. Янина. М.: Мысль, 1989. Т. 7. 508 с.
75. Кобрин В.Б. Смутное время – утраченные возможности // История Отечества: люди, идеи, решения: очерки истории России IX – начала XX в. / сост. С.В. Мироненко. М.: Политиздат, 1991. С. 163-185.
76. Козляков В.Н. Василий Шуйский. М.: Молодая гвардия, 2007. 301 с.
77. Козляков В.Н. «Ближние люди» первых Романовых. М.: Молодая гвардия, 2022. 343 с.
78. Козляков В.Н. Михаил Федорович. М.: Молодая гвардия, 2004. 346 с.
79. Лихачев Д.С. Подступы к решительным переменам в строении русской литературы // Библиотека литературы Древней Руси. Под. ред. Д.С. Лихачева. СПб.: Наука, 2006. Т. 14. С. 5-23.
80. Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский. История русской церкви. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. Т. XI. 628 с.
81. Малинин В.Н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Историко-литературное исследование. Киев: Тип. Киево-Печерской Успенской Лавры, 1901. 1032 с.
82. Нижегородский край в конце XVI – первой половине XVII века (Акты приказного делопроизводства). Сост.: Б.М. Пудалов. Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, 2009. 288 с.
83. Новгородские синодики XIV-XVII веков / подг. текстов, исследование Т.И. Шабловой. СПб.: Алетейя, 2017. 326 с.
84. Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Изд. 2-е. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2013. 390 с.
85. Опарина Т.А. Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск: Наука, 1998. 413 с.

86. Орлов А.С. Древняя русская литература XI-XVII вв. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1945. 340 с.
87. Панченко А.М. Литература «переходного века» // История русской литературы. Под. ред. Д.С. Лихачева. Т. I. Л.: Наука, 1980. С. 291-407.
88. Панченко А.М. О русской истории и культуре. СПб.: Азбука, 2000. 464 с.
89. Панченко А.М. Я эмигрировал в Древнюю Русь. СПб: Журнал «Звезда», 2008. 544 с.
90. Платонов С.Ф. Москва и Запад в XVI-XVII веках. Л.: Сеятель, 1925. 150 с.
91. Платонов С.Ф. Московское правительство при первых Романовых. СПб.: Сенат. тип., 1906. 56 с.
92. Платонов С.Ф. Старые сомнения // Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского. Пг.: Типография Б.Д. Брукера, 1917. С. 172-180.
93. Плетнева А.А., Кравецкий А.Г. Церковнославянский язык. Учебное издание для общеобразовательных учебных заведений, духовных училищ, гимназий, воскресных школ и самообразования. Изд. 4-е. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2006. 272 с.
94. Попов Н.И. К вопросу о первоначальном появлении виршей в северо-русской письменности. // Известия отделения русского языка и слов. Российская академия наук, за 1917 г. Пг., 1917, Т. 2. Кн. 2. С. 259-275.
95. Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в.: Очерки истории / Отв. ред. А.П. Павлов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 546 с.
96. Пресняков А.Е. Российские самодержцы. М.: «Книга», 1990. 448 с.
97. Разрешение старинной задачи из Троицкой лавры // Москвитянин, № 8, 1851.
98. Рогатко С.А. История продовольствия России с древних времён до 1917 г. Историко-экономический взгляд на агропромышленное развитие Российской империи. М.: Русская панорама, 2014. 1024 с.

99. Рогачевская Е.Б. Цикл молитв Кирилла Туровского: Тексты и исследования. М.: Языки рус. культуры, 1999. 280 с.
100. Розанов И.Н. Русское книжное стихотворство от начала письменности до Ломоносова // *Вирши. Силлабическая поэзия XVII-XVIII веков*. Общая редакция И. Беркова. М.: Советский писатель, 1935. С. 5-87.
101. Синицына Н.В. Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции. (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998. 410 с.
102. Скрынников Р.Г. Михаил Федорович. М.: АСТ: Ермак, 2005. 334 с.
103. Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. М., Л.: Академия наук СССР, 1948. Т. 2. 736 с.
104. Смирнов П.П. Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII в. М.: Общество истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1915. 70 с.
105. Смирнов Петр, протоиерей. История христианской православной церкви. Изд. 31. Петроград: Типо-литография М.П. Фроловой, 1916. – 295 с.
106. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1963. Кн. 5 Т. 9-10. 758 с.
107. Турилов А.А. Переводы сочинений Григория Богослова на славянский язык до XIX в., рукописная и старопечатная традиция // URL: <https://www.pravenc.ru/text/166811.html> (дата обращения 11.04.2025)
108. Успенский Б.А. Этюды о русской истории. СПб.: Азбука, 2002. 480 с.
109. Филлюшкин А.И. Андрей Курбский. М.: Молодая гвардия, 2008. 299 с.
110. Экземплярский А.В. Ярославские владетельные князья. Ярославль: Тип. Губ. Правления, 1887. 74 с.
111. Эскин Ю.М. Очерки истории местничества в России XVI-XVII вв. М.: Квадрига, 2009. 508 с.

112. Bushkovitch P. Religion and Society in Russia: The Sixteenth and Seventeenth Centuries. New York; Oxford: Routledge, 1992. 288 p.
113. Cherniavsky M. Tsar and People: Studies in Russian Myths. New York: Yale University Press, 1969. 258 p.
114. Cherniavsky M. The Old Believers and the New Religion. The Structure of Russian History: Interpretive Essays. New York: Random House, 1970. 436 p.
115. Davies L.B. State Power and Community in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1635-1649. New York: Cambridge University Press, 2004. 318 p.
116. Dunning C.L. A Short History of Russia's First Civil War: The Time of Troubles and the Founding of the Romanov Dynasty. Pennsylvania: University Park, 2004. 342 p.
117. Keenan E.L. The Kurbskii Groznyi apocrypha. The seventeenth century genesis of the «Correspondence» attributed to prince A. M. Kurbskii and tzar Ivan IV. Cambridge: Harvard University Press, 1971. 253 p.
118. Kollmann N.Sh. Kinship and Politics: The Making of the Muscovite Political System, 1345-1547. Stanford: Stanford University Press, 1987. 324 p.

Статьи

119. Андреев И.Л. «Век устроения» // Общественная мысль России в XVI-XVII вв.: в 2 т. / сост. И.Л. Андреев. М.: РОССПЭН, 2010. Т. 2: Московское царство. С. 5-18
120. Бахрушин С.В. Политические толки в царствование Михаила Федоровича // Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма (научное наследие). М.: Наука, 1987. С. 87-118.
121. Богун Т. В поисках нового царя и русский вариант кандидатуры королевича Владислава // Canadian-American Slavic Studies. 2014. № 48. С. 71-83.

122. Бродников А.А. Енисейский воевода князь С.И. Шаховской (1629-1631 гг.) // Енисейская Сибирь в истории России (к 400-летию г. Енисейска). Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск: ООО "Лаборатория развития", 2019. С. 46-49.

123. Быкова А.С. Творческое наследие князя С.И. Шаховского в оценке американского историка Э. Кинана // *Filo Ariadne*. 2020. № 3. С. 58-69.

124. Былинин В.К. Небольшой фрагмент из русской поэзии начала XVII в. // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник-1982. Л.: Наука, 1984. С. 34-37.

125. Волков С.А. Послание С.И. Шаховского к патриарху филарету «зело умильно»: к вопросу взаимоотношения списков // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2025. Вып. № 2 (43). С. 30-37.

126. Волков С.А., Ляпин Д.А. Похвальное слово устюжским чудотворцам князя Семена Шаховского // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 3. С. 442-449.

127. Волков С.А., Тропин Н.А. Рукопись князя С.И. Шаховского из собрания российской государственной библиотеки: содержательный анализ // История: Факты и символы. 2024. № 1 (38). С. 71-78.

128. Гальцов В.И. Сведения о кн. С.И. Шаховском в описи архива Посольского приказа 1673 г. // Археографический ежегодник за 1976 г. 1977. С. 79-81.

129. Голубев И.Ф. Два неизвестных стихотворных послания первой половины XVII в. // Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). М.-Л.: Наука, 1961. Т. 17. С. 391-413.

130. Далмат (Юдин), иером. Начальный этап бытования молитв утренних и вечерних по печатным источникам (1596-1622): возникновение, вариативность состава, пути передачи текста // Богословский вестник. 2015. № 18-19. С. 289-341.

131. Дмитрина С.Г. Избрание Михаила Федоровича Романова на царство как историографическая проблема // Вестник Южно-Уральского

государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2016. Т. 16. № 2. С. 19-23.

132. Ерусалимский К.Ю. Андрей Курбский как ренессансный историк // Время–история–память: историческое сознание в пространстве культуры. 2007. С. 181-226.

133. Ерусалимский К.Ю. Как сделана «История» А.М. Курбского: проблема хронологии текста // Герменевтика древнерусской литературы. 2004. Вып. 11. С. 591-618.

134. Каган М.Д. Легендарная переписка Ивана Грозного с турецким султаном // Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). М.-Л.: Наука, 1957. Т. 13. С. 247-272.

135. Камедина Л.В. Культурная картина Смуты 1605-1612 гг. глазами русских писателей // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение. 2013. № 4 (36). С. 53-58.

136. Кириллин В.М. «Просветитель» преподобного Иосифа Волоцкого // Российская государственная библиотека. Записки отдела рукописей. 2000. Вып. 51. С. 117-142.

137. Комарович В.Л. «Смутное время» в изображении литературных памятников 1612–1630 гг. // История русской литературы. Т. 2, ч. 2. С. 57–60.

138. Корецкий В.И. Христологические споры в России (середина XVI в.) // Вопросы истории религии и атеизма. 1963. Вып. XI. С. 334-361.

139. Корогодина М.В. Древнерусское богословие и катехизические тексты XIV в. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2013. № 4 (58) С. 5-22.

140. Кошелева О.Е. Лето 1645 года: смена лиц на российском престоле // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. М.: Институт всеобщей истории РАН, 1999. Вып. 2. С. 148-170.

141. Кравец Е.В. Почитание преподобного Макария Унженского и Желтоводского как один из источников движения обновления в России в

первой половине XVII века // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2011. Вып. 9. С. 227-237.

142. Крамми Р.О. «Конституционная реформа» в Смутное время // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Самара: Самарский университет, 2001. С. 240–258;

143. Кукушкина М.В. Семен Шаховской – автор повести о Смуте // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство археология. М.: Наука, 1975. С. 75-78.

144. Лисейцев Д.В. Временные границы Смуты // Российская история. 2012. № 5. С. 43-54.

145. Лисейцев Д.В. Дискуссионные вопросы в истории Смуты начала XVII в. // Гуманитарный вестник. 2016. Вып. 9. С. 1-17.

146. Лифшиц А.Л. Неизвестное сочинение Семена Ивановича Шаховского о пожаре в Успенском соборе Великого Устюга // Slověne. International Journal of Slavic Studies. 2023. Т. 12, № 2. С. 127-142.

147. Лукичев М.П. Новые материалы к биографии С.И. Шаховского // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: сборник статей; Отв. ред. В.И. Буганов. М.: Наука, 1982. С. 99-107.

148. Ляпин Д.А. «Всяко земное житие пара есть и сон»: время и обстоятельства написания С.И. Шаховским послания князю Д.М. Пожарскому // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2018. №2 (10). С. 77-90.

149. Ляпин Д.А. «Первое послание Ивана Грозного Андрею Курбскому» и политическая борьба в России в середине XVII века // Canadian-American Slavic Studies. 2018. № 52. С. 386-410.

150. Ляпин Д.А. Животные пятого дня и три вопроса князя С. И. Шаховского к одному мудрецу // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2022. № 1 (17). С. 123-131.

151. Ляпин Д.А. Непризнанный святой Прокопий Устьянский и новые сведения к творческой биографии С.И. Шаховского // Известия Саратовского

университета. Серия: История. Международные отношения. 2022. Том 22. Вып. 4. С. 430-435.

152. Ляпин Д.А. Послание князя С.И. Шаховского к некому другу «зело полезно» и обстановка при московском Дворе в первые годы патриаршества Филарета (1619–1622) // NOVOGARDIA. 2019. № 2. С. 227-241.

153. Ляпин Д.А. Четвертый брак: о семейной жизни князя С.И. Шаховского // История: факты и символы. 2022. № 4 (33). С. 20-24.

154. Ляпин Д.А., Волков С.А. Вторая опала писателя и богослова князя С. И. Шаховского (1615) // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2024. № 4 (28). С. 123–131.

155. Ляпин Д.А., Волков С.А. Факты биографии князя С.И. Шаховского в книге Симона Азарьина о новых чудесах преподобного Сергея Радонежского. // Tractus Aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств. 2025. № 12. С. 133-145.

156. Ляпин Д.А., Воробьев А.В. Восставшие рубежи: народные движения в южнорусской провинции в 1606-1612 гг. // История в подробностях. 2010. № 5. С. 58-68.

157. Ляпина С.М. «Злополучный Борис!»: рецепция личности Бориса Годунова в русской культурной традиции // История: факты и символы. 2019. №4 (21). С. 68-80.

158. Макарова С.А. Русская версификация XVII в. и музыка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3 (69). Ч. 1. С. 26-31.

159. Малюта Е.Г. «Молитва о патриархе» князя Шаховского: предварительные наблюдения // Modern Humanities Success. 2023. № 4. С. 65-68.

160. Малюта Е.Г. Князь Семен Шаховской на Русском Севере (к изучению творческой биографии писателя) // Рябининские чтения – 2023. Материалы IX конференции по изучению и актуализации традиционной

культуры Русского Севера. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2023. С. 43-45.

161. Малюта Е.Г. Личное среди типового. (История одной виршевой молитвы князя Симеона Шаховского) // Слово и образ. 2024. № 2 (7). С. 286-298.

162. Малюта Е.Г. Некоторые особенности «Домашних записок» князя Симеона Шаховского как документа автобиографического характера // INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения. Сборник статей молодых ученых. Выпуск 7. Екатеринбург: УГИ УрФУ, 2024. С. 62-66.

163. Маркевич А.И. Избрание на царство Михаила Федоровича Романова // Журнал Министерства Народного просвещения (ЖМНП). 1891. Т. 9-10. С. 177-180.

164. Медведев А.А. Библеизмы в «Похвальном слове митрополитам Петру, Алексию и Ионе» князя С.И. Шаховского // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 22. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 272-291.

165. Морозов Б.Н. Первое послание Курбского Ивану Грозному в сборнике конца XVI – начала XVII в. // Археографический ежегодник за 1986 г. С. 277-288.

166. Морозова Л.Е. Русский вольнодумец XVII в. Иван Хворостинин // Вопросы истории. 1998. № 8. С. 145-150.

167. Мухин О.Н. Феномен «игры в царя» в политической культуре России раннего Нового времени : психосоциальные корни // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 339. С. 62-69.

168. Никишин В.О. К вопросу о феномене «игры в царя» // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Ставрополь, 2014. Т. 14. С. 126-136.

169. Опарина Т.А. «Да в люди ту книгу казать не для чего»: библиотека Симона Азарьина и отношения к украинско-белорусской

книжности в России первой половины XVII в. // *Mediaevalia Ucrainica*. 1995. Т. 4. С. 86-102.

170. Орлов А.С. Повесть кн. Катырева Ростовского и Троянская история Гвидо де Колумна // Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского. Пг.: Типография Б.Д. Брукера, 1917. 98 с.

171. Покровский Н.Н. Сибирские материалы XVII–XVIII вв. по «Слову и делу государеву» как источник по истории общественного сознания // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. Новосибирск: Наука, 1988. С. 24-61.

172. Полетаев А.В. Князь Семен Шаховской и его сибирские «знакомцы»: Сергей Андреевич Котов // Проблемы истории России. Екатеринбург : Волот. Вып. 6: От Средневековья к Современности. 2005. С. 39-58.

173. Полетаев А.В. Князь Семен Шаховской и его сибирские «знакомцы»: Федор Андреевич Шелешпанский // Проблемы истории России. Екатеринбург: Волот. Вып. 4: Евразийское пограничье. 2001. С. 158-174.

174. Полосин И.И. Игра в царя (отголоски Смуты в московском быту XVII в.) // Известия Тверского педагогического университета. 1926. Вып. 1. С. 59-63.

175. Поньрко Н.В. Обновление Макариева Желтоводского монастыря и новые люди XVII в. – ревнители благочестия» // Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). М.-Л.: Наука, 1990. Т. 43. С. 58-69.

176. Поршнев Б.Ф. Социально-политическая обстановка в России во время Смоленской войны // История СССР. 1957. № 5. С. 112-118.

177. Прокофьев Н.И. Символично-аллегорическая образность в литературе начала XVII века // Вопросы русской литературы. Ученые записки МГПИ им. Ленина. 1966. Т. 248. С. 29-44.

178. Рабинович Я.Н. Личности Смутного времени: Семен Гаврилович Коробьин // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2011. Т. 11. Вып. 2. Ч. 2. С. 11-18.

179. Селин А.А. Смутное время в историографии последних лет // Смутное время в России: конфликт и диалог культур. Материалы научной конференции, Санкт-Петербург, 12-14 октября 2012 года. СПб.: Исторический факультет СПбГУ, 2012. С. 255-262.

180. Семенова Е.П. И. А. Хворостинин и его "Словеса дней" // Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Т. 34. М.-Л.: Наука, 1979. С. 283 – 293.

181. Семенова Е.П. И.А. Хворостинин и его «Словеса дней» // Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Т. 34. М.-Л.: Наука, 1979. С. 286-297.

182. Семенова Е.П. Об источниках «Повести преславной» С.И. Шаховского // Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Т. 39. М.-Л.: Наука, 1986. С. 335-340.

183. Серова И.Ю. К вопросу о влиянии «Летописной книги» на Повести о Смуте С.И. Шаховского // Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Т. 43. М.-Л.: Наука, 1990. С. 338-340.

184. Солодкин Я. Г. О датировке начальных глав «Истории» Авраамия Палицына. // Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Т. 32. М.-Л.: Наука, 1977. С. 290-304.

185. Солодкин Я.Г. Первое послание Ивана Грозного А.М. Курбскому в русской книжности и дипломатическом обиходе конца XVI - начала XVII вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 2 (12). С. 81-82.

186. Солодкин Я.Г. Сочинения А.М. Курбского в русской книжности первой половины XVII в. // Сборник научных трудов Сургутского государственного университета. 2000. Вып. 6. Ч. 2. С. 129-130.

187. Тамаркина И.В. Источники «Сказания о посмертном прощении императора Феофила в древнерусских хронографических сводах // Афиногенов Д.Е. Повесть о прощении императора Феофила и Торжество Православия. М.: Индрик, 2003. Приложение IV. С. 165-171.

188. Тюменцев И.О. Памятники русской литературы и летописания первой половины XVII в. как источники по истории движения Лжедмитрия II (1607-1610-е годы) // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Вып. 7. 2017. С. 238-248.
189. Успенский Л.А. Богословие иконы православной церкви // Переславль: Изд-во Братства во имя святого князя Александра Невского, 1997. 656 с.
190. Шамбинаго С.К. Повести о начале Москвы // Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Т. 3. М.-Л.: Наука, 1948. С. 59-98.
191. Шпаковский М.В. Послание князя Семена Шаховского против аполинарианства // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2022. № 1 (17). С. 132-150.
192. Щапов А.П. Великорусские области в Смутное время (1606-1613) // Отечественные записки. 1861. № 10. С. 579-616.
193. Crummey R.O. «Constitutional» Reform during the Time of Troubles // Reform in Russia and USSR. Chicago: University of Illinois Press, 1989. P. 28-44.
194. Gruber I. Who Counts as "People" (Narod)? A Reconsideration of vox populi in the First Russian Time of Troubles (Smutnoe vremia) // Canadian-American Slavic Studies. 2014. № 48. P. 168-178.
195. Keenan E.L. Semen Shakhovskoi and the Condition of Orthodoxy // Harvard Ukraine Studies. 1988. Vol. 12/13. P. 795-815.
196. Keenan E.L. Who was «Ivan Timofeev»? // Harvard Ukrainian Studies. 2011. Vol. 32/33. P. 415-423.
197. Martin R.E. «The Prayers of the Sinful Prince Semën Shakhovskoi». The Religious World of Russia's First Intelligent // Canadian-American Slavic Studies. 2022. №. 56. P. 498-522.
198. Martin R.E. Political Folkways and Praying for the Dead in Muscovy: Reconsidering Edward Keenan's «Slight» Against the Church // Canadian Slavonic Papers. 2006. Vol. XLVIII. №. 3-4. P. 283-302.

199. Ostrowski D. Attributions to Andrei Kurbskii and Inferential (Bayesian) Probability // Canadian-American Slavic Studies. 2015. № 49. P. 193-210.

Диссертации и авторефераты

200. Афанасьева Т.И. Древнеславянский перевод литургии в рукописной традиции XI–XVI вв.: дисс. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург, 2012. 685 с.

201. Бродников А.А. История формирования Енисейского уезда (1610 – 1630 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2025. 281 с.

202. Корогодина М.В. Кормчие книги XIV – первой половины XVII вв. как исторический источник: дисс. ... д-ра ист. наук. СПб., 2015. 540 с.

203. Малюта Е.Г. Гимнография князя Симеона Шаховского: идейно-содержательная специфика и художественные особенности: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2024. 322 с.

204. Светова Е.А. Двор Алексея Михайловича в контексте абсолютизации царской власти: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2011. 232 с.

205. Семенова Е.П. Русская общественная мысль первой половины XVII в. (творчество С.И. Шаховского и И.А. Хворостинина): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1982. 19 с.

206. Шалак М.Е. Русская Смута и общественная мысль XVII века: суждения, оценки, концепции: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 24 с.

Справочная литература

207. Белоброва О.А., Клитина Е.Н. Симон (в миру Савва Леонтьев сын Азарьин по прозвищу Булат) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Вып. 3. Ч. 3. С. 380-382.

208. Буланин Д.М. Шаховской Семен Иванович, по прозвищу Харя // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 4. СПб., 2004. С. 275-286.

209. Дворянские роды Российской империи / Авторы-составители: П. Гребельский, С. Думин, А. Мирвис, А. Шумков, М. Катин-Ярцев. СПб.: ИПК «Вести», 1993. Т. 1. 344 с.

210. Дьяченко Г.М. Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений), содержащий в себе объяснения малопонятных слов и оборотов, встречающихся в церковно-славянских и древнерусских рукописях и книгах: пособие для преподавателей русского и церковно-славянского яз. в низших и средних учебных заведениях. М.: Тип. Вильде, 1900. Т. XL. 1120 с.

211. Корсаков Д.А. Шаховской, князь Семен Иванович, по прозванию Харя // Русский биографический словарь. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1905. Т. 22. С. 586-589.

212. Литература и культура Древней Руси: Словарь-справочник. / Сост.: О.М. Анисимова, В.В. Кусков, М.П. Одесский, П.В. Пятнов; под ред. В.В. Кускова. М.: Высшая школа, 1994. 336 с.

213. Понырко Н.В. Житие Макария Желтоводского и Унженского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, 1988. С. 291-293.

214. Род князей Шаховских // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. Т. XXXIX. СПб.: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1903. С. 228.

215. Седакова О.А. Словарь трудных слов из богослужения: церковнославяно-русские паронимы. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2008. 432 с.

216. Словарь религий: иудаизм, христианство, ислам. / Под ред. В. Зюбера, Ж. Потэн. Пер. с франц. Е.А. Петерюковой, под ред. М.М. Шахович, Т.В. Чумаковой. СПб: Питер, 212. 656 с.

217. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. М.: Унив. тип., 1845. Т. 2. 290 с.

218. Шаховской, Семен Иванович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. Т. XXXIX. СПб.: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1903. С. 227.